

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Заусцинский К.

**МАКАРИЙ,
МИТРОПОЛИТ
ВСЕЯ РОССИИ**

Журнал Министерства народного просвещения,
1881, №10, с. 209-259; №11, с. 1-38

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

МАКАРІЙ МИТРОПОЛИТЪ ВСЕЯ РОСІИ.

Во времена Макарія бысть убо въ Москвѣ и во всѣхъ мѣстахъ благочиніе велие... Сему же бывшу сопряжеса духовная любви православнаго царя со своимъ богомольцемъ и отцемъ.

(Житіе св. Филиппа).

I.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ Московское государство представлялось уже вполне сложившимся и окрѣпшимъ: въ это время успѣли уже вполне восторжествовать идеи государственности и національности, и такимъ образомъ окончательно была достигнута цѣль Московскихъ князей объединителей. Вслѣдствіе сверженія татарскаго ига и уничтоженія удѣловъ, могущество Московскаго князя развивается до того, что Іоаннъ IV отваживается на такія предпріятія, которыя для его предшественниковъ казались совсѣмъ невозможными: онъ торжественно вѣнчается на царство, завоевываетъ земли прежнихъ владыкъ русской земли Татаръ и хотя не успѣваетъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ и отторгнуть отъ Польши западно-русскія области, за то открываетъ русскому вліянію и русской колонизаціи обширнѣйшія земли за Уральскимъ хребтомъ.

Вмѣстѣ съ установленіемъ политическаго строя государства, русское общество окончательно выработало идеалы нравственные и религіозныя, и считая ихъ совершенными, поспѣшило узаконить ихъ для потомства. Такимъ образомъ явился Домострой съ наставленіями въ сферѣ жизни домашней; религіозная сторона жизни была

вполнѣ опредѣлена въ постановленіяхъ Стоглава, а правовыя отношенія наши свое отраженіе въ судебникѣ Іоанна IV. Всѣ эти постановленія имѣли обязательную силу уже не для одного какого нибудь княжества, а для всей объединенной Московской Руси; это объединеніе выразилось также и въ Макарьевскихъ Минеяхъ Четіяхъ, въ которыхъ нашли себѣ мѣсто всѣ областныя святыя и угодники земли русской.

Къ числу выдающихся дѣятелей этой замѣчательной эпохи принадлежитъ митрополитъ Макарій. Какъ ближайшій сотрудникъ первой половины царствованія Іоанна Грознаго, онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ политическихъ дѣлахъ этого времени; какъ митрополитъ, онъ руководилъ дѣлами церковными въ то время, когда борьба старыхъ идей съ новыми породила хаотическое положеніе, изъ котораго вывести общество пытался Стоглавый соборъ, и когда столь долго волновавшія Русскую церковь ереси вступили съ нею въ послѣдній бой. Наконецъ, Макарій много принесъ пользы русскому просвѣщенію, соединивъ въ одномъ сборникѣ всѣ замѣчательныя оригинальныя и переводныя сочиненія, явившіяся съ начала русской письменности и составивъ такимъ образомъ какъ бы энциклопедію тогдашней образованности; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ своей дѣятельностью возбуждалъ сильное литературное движеніе въ тогдашнемъ обществѣ, вслѣдствіе чего явилось много новыхъ произведеній, обогатившихъ нашу словесность.

Такая разносторонняя дѣятельность этого „знаменитѣйшаго изъ всѣхъ нашихъ митрополитовъ XVI вѣка“, какъ называетъ его современный историкъ Русской церкви ¹⁾, заслуживаетъ особеннаго вниманія исторической науки.

Борьба, которую принуждены были вести Московскіе князья объединители съ многочисленными болѣе или менѣе сильными удѣльными князьями, разбросанными по всему сѣверо-востоку и центру Европейской Россіи, не кончилась съ уничтоженіемъ удѣловъ и водвореніемъ единодержавія: она только видоизмѣнилась. Мѣсто прежнихъ удѣльныхъ князей заняли ихъ потомки, недовольные своимъ превращеніемъ въ служилыхъ бояръ Московскаго князя; къ нимъ примкнули потомки прежнихъ вольныхъ дружинниковъ—бояръ и вообще всѣ элементы, которые были по чему либо недовольны настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Такимъ образомъ сформировалась довольно сильная партія про-

¹⁾ М. Макарій, Ист. р. церкви, VII, 207.

тивниковъ Московскаго князя, которая съ разнымъ успѣхомъ продолжала борьбу удѣльныхъ князей чрезъ вторую половину 15-го и почти все 16 столѣтіе. Съ усиленіемъ самодержавія борьба эта принимала все болѣе и болѣе острый характеръ, пока, наконецъ, не разразилась столь печальнымъ образомъ для противниковъ Московскаго царя. Въ ней принимали участіе все тогдашнія сословія, представители которыхъ, понимая разнымъ образомъ свои интересы, раздѣлились на двѣ стороны, примкнувъ къ той или другой враждующей партіи. Такое раздѣленіе замѣчаемъ мы и среди духовенства.

Къ этому времени въ положеніи русскаго духовенства произошла большая перемѣна. До XV вѣка русскій митрополитъ поставлялся Константинопольскимъ патріархомъ и, хотя находился въ номинальной отъ него зависимости, въ сущности правилъ вполнѣ самостоятельно. Но съ усиленіемъ Москвы положеніе дѣлъ измѣнилось. Сильная децентрализація, замѣчаемая на Руси послѣ нашествія Монголовъ, отозвалась невыгодно для митрополитовъ на ихъ власти и, между прочимъ, заставила ихъ служить дѣлу объединенія, предприятаго Московскими князьями, Благодаря совѣтамъ митрополита Петра, окончательно поселившагося въ Москвѣ, Калита занялъ первое мѣсто между русскими князьями; митрополитъ Алексій отстоялъ Московскихъ князей передъ Ордой; митрополиты Θεогностъ, Іона, Θεодосій, Геронтій и др. всеми зависящими отъ нихъ средствами помогали великимъ князьямъ въ уничтоженіи удѣловъ. Но это служеніе государственной идеѣ не осталось безъ слѣда для русской митрополіи: оно лишило ее западной ея части и, благодаря общности интересовъ великихъ князей и митрополитовъ, очень невыгодно отозвалось на ея самостоятельности.

Замѣчательно, что почти все митрополиты разсматриваемой нами эпохи держались этого способа дѣйствій относительно Московскихъ князей; вполнѣ естественно, что за ними слѣдовало большинство высшаго и низшаго духовенства. Но далеко не все духовенство раздѣляло ихъ мнѣнія. Всего рельефнѣе выдѣлилась и опредѣлилась эта разнь между членами духовнаго сословія на соборѣ 1503—1504 годовъ. Одна партія высшаго духовенства, названная по имени своего главнаго представителя Іосифлянами, въ союзѣ съ свѣтской властью стояла за прерогативы господствующей церкви, за истребленіе еретиковъ и за полную матеріальную независимость церковнаго управленія и потому защищала принципъ надѣленія монастырей населенными имѣніями. Эта партія видѣла для церкви благо въ единодержавіи и

всѣми силами поддерживала великихъ князей, вслѣдствіе чего и пользовалась ихъ расположеніемъ. Другая церковная партія, главными представителями которой были Заволжскіе старцы, держалась совершенно противоположныхъ взглядовъ на положеніе церкви въ государствѣ; видя свѣтскую власть въ союзѣ съ своими врагами, Иосифлянами, Заволжскіе старцы и ихъ единомышленники соединились съ боярской партіей. Тамъ они сошлись съ преслѣдуемыми правительствомъ и Иосифлянами тайными приверженцами ереси жидовствующихъ, и такимъ образомъ явилось то странное соединеніе всѣхъ формъ протеста въ одну общую, замѣчательнымъ представителемъ котораго, соединившимъ въ одномъ лицѣ всѣ три направленія, былъ знаменитый князь инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ.

Точное опредѣленіе партій естественно должно было еще болѣе усилить ту страстную и безпощадную борьбу, которую онѣ вели между собою. Въ послѣдніе годы царствованія Іоанна III, когда съ стороны еще только формировались, успѣхъ переходилъ отъ одной къ другой; но съ вступленіемъ на престолъ Василія III, особенно когда митрополитомъ былъ назначенъ, преемникъ Іосифа Волоцкаго по монастырю, Даніилъ (1522 г.), успѣхъ на долгое время перешелъ на сторону Іосифлянъ. Василій задумалъ развестись съ женой своей Соломонидой, и при всеобщемъ неудовольствіи только одни Іосифляне помогли ему осуществить его намѣреніе. Митрополитъ Даніилъ оправдалъ разводъ, какъ государственную необходимость, постригъ Соломониду и вѣнчалъ великаго князя съ Еленой Глинской (1526 г.). Рожденіе Іоанна IV было приписано молитвамъ Іосифа, и съ этого времени до самой смерти Василія Іосифляне пользовались неизмѣннымъ его расположеніемъ.

Достигнувъ такимъ образомъ господствующаго положенія среди духовенства, Іосифляне хотѣли и на будущее время укрѣпить его за собою, и съ этой цѣлью стремились всѣ высшія мѣста духовной іерархіи замѣщать своими приверженцами. Мы уже выше упомянули, что союзъ митрополитовъ съ великими князьями неблагопріятно отразился на ихъ самостоятельности. Прежде митрополита и епископовъ выбиралъ и ставилъ соборъ всего русскаго духовенства, а теперь великій князь сталъ ставить лично отъ себя. Объ этомъ есть свидѣтельство Герберштейна, который говоритъ, что князь обыкновенно призываетъ къ себѣ нѣсколько извѣстныхъ ему лицъ и изъ ихъ числа выбираетъ одного по своему усмотрѣнію (*suo iudicio*). Постоянные разъѣзды великаго князя по монастырямъ давали ему возможность

ближе знакомиться съ лицами, способными занять вакантныя каѳедры. Особенно любилъ эти разъѣзды Василій III. Вѣроятно, во время ихъ великій князь успѣлъ близко сойтись съ архимандритомъ Лужковскаго Можайскаго монастыря Макаріемъ и оцѣнить его на столько, чтобы назначить на вторую послѣ московской епископскую каѳедру. О Макаріѣ до назначенія его архіепископомъ дошло до насъ очень мало свѣдѣній. Извѣстно только, что онъ былъ постриженникъ Пафнутьева Боровскаго монастыря, изъ котораго вышло много замѣчательныхъ іерарховъ русской церкви. Въ монастырѣ свято хранилось ученіе Пафнутія (ум. 1477 г.), отличительной чертой котораго, по словамъ его біографа, было чувство мѣры—„безмѣрія во всемъ избѣгая, егда время бѣ, глаголаше потребная, и егда подобно, молчанію прилежаніе все время твора“¹⁾. Такимъ же стремленіемъ къ порядку и благочинію, къ уничтоженію вездѣ безчинія характеризуется вся дѣятельность Макарія, и этой своей чертой онъ обязанъ пребыванію въ Пафнутьевомъ монастырѣ. Время поступленія его въ монастырь неизвѣстно; неизвѣстно также, чѣмъ занимался онъ до поступленія въ монастырь. Сохранилась, впрочемъ, небольшая собственноручная его замѣтка, изъ которой можно заключить, что до поступленія въ монастырь онъ былъ семейный человекъ. Мы говоримъ о подписи Макарія на книгѣ, подаренной имъ Пафнутьеву монастырю: „сію книгу на новгородскихъ еретиковъ (Іосифа Волоцкаго) далъ пресвятой Богородицѣ и великому чудотворцу Пафнутію въ домъ смиренный и грѣшный Макарій, митрополитъ всея Русіи, на память своего дщи и по своимъ родителямъ въ вѣчное поминовеніе“²⁾. По всей вѣроятности, лишившись своей жены въ молодыхъ лѣтахъ, онъ, подобно многимъ другимъ знаменитымъ церковнымъ дѣтелямъ тѣхъ временъ, пошелъ въ монастырь.

Судя по дальнѣйшей дѣятельности Макарія, въ молодости онъ усердно занимался своимъ образованіемъ, то-есть читалъ всѣ тѣ книги, какія ему могла представить тогдашняя русская литература. Кромѣ книгъ Священнаго Писанія, переводовъ отцевъ церкви, лѣтописей, хроникъ и др., въ обращеніи тогда было очень много всякаго рода переводныхъ книгъ и сборниковъ; между ними особенное, образовательное значеніе имѣли такъ называемые азбуковники—цѣлыя энциклопедіи тогдашнихъ знаній; въ нихъ помѣщались статьи

1) *Ключевскій*, Древн. житія святыхъ, стр. 222.

2) *Востоковъ*, Опис. рукоп. Румиц. музея, стр. 27

по философіи, богословію, естествознанію, исторіи, толкованія разныхъ иностранныхъ словъ и множество другихъ необходимыхъ свѣдѣній. Обиліе такого рода сочиненій давало въ то время возможность удовлетворить любознательность желающихъ; но множество всевозможныхъ свѣдѣній, явившееся, какъ результатъ чтенія такихъ книгъ, по отсутствію систематической науки, было лишено того значенія, какое оно могло бы имѣть. Усвоеніе этихъ свѣдѣній всегда сопровождалось поверхностностью, сбивчивостью и смѣшеніемъ понятій. Этимъ можно объяснить поражающее иногда невѣжество даже лучшихъ людей того времени. Все читанное не подвергалось критикѣ и принималось на вѣру; апокрифическія сказанія, удовлетворяя лучше любознательности, пользовались иногда бѣльшимъ уваженіемъ и распространеніемъ, чѣмъ каноническія книги. Такъ знаменитый Іосифъ Волоцкій приводитъ выдержки въ своемъ Просвѣтителѣ изъ книги Еноха Праведнаго ¹⁾, писанія Николая Черногорца называетъ „богодуховенными“ и т. п.

Весьма естественно, что такого рода чтеніе не осталось безъ вліянія на Макарія, и если мы въ послѣдствіи будемъ встрѣчаться съ его неустановившимися мнѣніями, заблужденіями и т. п., то источникъ ихъ нужно видѣть въ общемъ для всѣхъ русскихъ людей того времени отсутствіи систематическаго образованія.

Кромѣ основателя монастыря, Пафнутія, на молодого инокъ имѣлъ сильное вліяніе Іосифъ Савинъ, который пробылъ въ Пафнутаевомъ монастырѣ 17 лѣтъ и послѣ смерти Пафнутія былъ въ немъ игуменовъ. Макарій сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ его ученія и всю жизнь оставался такимъ. Будучи архіепископомъ и митрополитомъ, онъ продолжалъ дѣло Іосифа съ такою же твердостью и стойкостью, какъ онъ самъ, и если въ нѣкоторыхъ случаяхъ смягчилъ рѣзкости Іосифова ученія, то только благодаря своему прирожденному мягкосердечію.

Когда на митрополичій престолъ вступилъ Даниилъ, и Іосифяне заняли первенствующее мѣсто, архимандритъ Лужковскаго Можайскаго монастыря Макарій сдѣлался однимъ изъ виднѣйшихъ претендентовъ на епископскую кафедру. Кромѣ того, расположеніе великаго князя къ нему превратилось въ личную съ нимъ дружбу—„любяше его зѣло“, какъ говоритъ лѣтописецъ ²⁾. Вскорѣ послѣ брака

¹⁾ *Никитскій*, Очеркъ внутр. ист. церк. въ Новг., 68.

²⁾ Полн. Собр. Р. Л. IV—296.

своего съ Еленой великій князь пригласилъ его въ Москву и въ 1526 г. приказалъ митрополиту Данилу поставить его въ архіепископы Великаго Новгорода и Пскова. Эта епархія 17 лѣтъ была вакантною. Предшественникъ Макарія Серапіонъ былъ пойманъ по указу великаго князя и привезенъ въ Москву за распрю съ Іосифомъ Волокяламскимъ, монастырь котораго находился въ его епархіи. Іосифъ не могъ найти у своего епископа защиты противъ притѣсненій удѣльнаго князя Оедора Волоцкаго и съ дозволенія великаго князя, по рѣшенію собора 1507 г., перешелъ со своимъ монастыремъ въ вѣдомство митрополита Симона. Серапіонъ за это наложилъ на него запрещеніе и отлучилъ отъ церкви. За Іосифа вступились великій князь и митрополитъ, и по рѣшенію собора 1509 г. Серапіонъ лишился епархіи и въ свою очередь былъ отлученъ отъ церкви ¹⁾).

1526 года 4-го марта Макарій былъ торжественно рукоположенъ митрополитомъ Давиломъ въ архіепископы. Великій князь, въ знакъ особаго благоволенія, далъ ему всю владычную казну прежнихъ новгородскихъ епископовъ, хранившуюся въ Москвѣ въ цѣлости со времени паденія Великаго Новгорода, своихъ боярь и многія другія сокровища, вывезенныя изъ Новгорода, въ томъ числѣ списокъ Русской Правды, который велѣлъ снова положить на старомъ мѣстѣ въ Софійскомъ соборѣ. Передъ отѣздомъ Макарій принялъ благословеніе отъ всѣхъ русскихъ святителей и, какъ сообщаетъ лѣтописецъ, предъ прощаніемъ велъ продолжительную бесѣду съ митрополитомъ ²⁾).

Въ Новгородѣ ждали съ большимъ нетерпѣніемъ давно неданнаго архипастыря. При вѣздѣ его торжественно встрѣтили намѣстники, игумены всѣхъ монастырей, все новгородское духовенство и множество народа. Макарій прямо отправился въ Софійскій соборъ и тамъ началъ говорить „повѣстьми многими“. Его простая, безхитростная рѣчь поразила всѣхъ слушателей, привыкшихъ, какъ видно дотолѣ къ витіеватымъ и мало понятнымъ проповѣдямъ. „И

¹⁾ Соловьевъ, V—415; Макарій, VI—141.

²⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. VI—282 и сл. Въ Псковской лѣтописи объ этой бесѣдѣ сказано. пригласилъ Даниилъ Макарія побесѣдовать еже о спасеніи. «Молю тя», сказалъ Макарій, «отче святой, да Бога молиши о мнѣ, да негли мощна мя сотворятъ скончати все о немже ся есмь общалъ». Отвѣщавъ митрополитъ рече: «иди, чаю, съ миромъ, Господь добръ строитъ путь твой, моли Бога за ны», и руку возложивъ, благослови.

всѣ чудишася“, говоритъ лѣтописецъ, „яко отъ Бога дана ему бысть мудрость въ божественномъ Писаніи, просто всѣмъ разумѣти“¹⁾).

Оба лѣтописца, писавшіе въ епархіи Макарія, Новгородскій и Псковскій, оставили намъ свои мнѣнія относительно времени правленія Макарія. Оба они рисуютъ это время въ весьма привлекательныхъ чертахъ: „И бысть“, говоритъ псковской лѣтописецъ, „людямъ радость велія въ Новгородѣ, Псковѣ и повсюду. Монастыремъ легче въ податехъ, людямъ заступленіе веліе и сиротамъ кормитель“²⁾. „И бысть при семъ владыцѣ“, говоритъ Софійскій лѣтописецъ, „во всей его архіепископій молитвами его времена тиха и прохладна: коробью убо жита купили по семи новгородокъ“³⁾).

Эти отзывы лѣтописцевъ не противорѣчатъ тому, что мы знаемъ о дѣятельности Макарія въ Новгородѣ — она дѣйствительно была весьма благотворна для его епархіи. На первыхъ же порахъ своего правленія онъ обратилъ особенное вниманіе на монастыри, поднялъ въ нихъ уровень нравственности, своимъ значеніемъ у великаго князя пользовался для охраненія Новгородцевъ отъ притѣсненій ихъ гражданскихъ властей, заботился о распространеніи просвѣщенія и христіанства въ своей епархіи, объ украшеніи и постройкѣ новыхъ храмовъ и монастырей и т. п.

Изъ примѣра Серапіона можно заключить, какъ важно было для новгородскихъ владыкъ сохранять хорошія отношенія къ правительству. Макарій уже въ силу своихъ убѣжденій, какъ истинный Іосифлянинъ, видѣвшій въ великомъ князѣ опору православія и отрасль великихъ православныхъ государей, поддерживалъ во время пребыванія своего въ Новгородѣ эти отношенія и пользовался уваженіемъ какъ Василія, такъ и его преемниковъ. Въ первомъ году его правленія великій князь навѣстилъ его въ Новгородѣ, присутствовалъ при освященіи церкви апостола Филиппа на Нужной улицѣ и вмѣстѣ съ архіепископомъ ѣздилъ въ Тихвинъ, гдѣ молился о чадородіи. Здѣсь, по просьбѣ Макарія, великій князь „показалъ многу милость печальнымъ и опальнымъ земли Новгородской“. Въ 1534 году великій князь Иванъ и мать его Елена прислали къ своему богомольцу, архіепископу Новгородскому, боярскаго сына съ грамотою слѣдующаго содержанія: Татары за грѣхи наши взяли въ плѣнъ много дѣтей

1) Полн. Собр. Лѣт., IV, 296.

2) Полн. Собр. Лѣт., IV, 293.

3) Полн. Собр. Лѣт., IV, 282.

боарскихъ, мужей, женъ и дѣвиць. Нынѣ Богъ умягчилъ сердца ино-племенниковъ, возвратили они плѣнныхъ, но за то просятъ у великаго князя серебра. А потому великій князь поручаетъ Макарію собрать въ городамъ и монастыряхъ своей епархіи 700 рублей московскихъ. Макарій успѣшилъ исполнить указъ, и уже черезъ два мѣсяца 700 рублей, сумма весьма значительная для того времени, были высланы въ Москву. Въ томъ же году великій князь и Елена велѣли Макарію благословить и отпустить намѣстниковъ новгородскихъ на войну съ Литвой, а самому явиться въ Москву. О томъ же писалъ и митрополитъ Даниилъ, прибавивъ, что желаетъ вмѣстѣ съ нимъ соборно помолиться и посовѣтоваться о духовныхъ и земскихъ дѣлахъ. Макарій, исполнивъ первую половину порученія, 25-го декабря, прямо послѣ литургіи, отправился въ Москву и прибылъ туда черезъ двѣ недѣли. 10-го января 1535 года онъ представлялся шестицѣтному великому князю, „поклоненіе сотвори по государскому обычаю и дары многи принесе“, какъ выражается лѣтописецъ. Послѣ перваго представленія въ продолженіе 18-ти дней, черезъ день, ѣздилъ къ государю* и „много печалованія сотвори изъ своей архіепископіи о церквахъ и о побѣдныхъ людяхъ, еже въ оналѣ у великаго государя множество много“. Государь, ради его печалованія, оказалъ многимъ милость, одарилъ его и отпустилъ въ Новгородъ 28-го января. По всей вѣроятности, къ этому времени нужно отнести челобитную боярина князя Андрея Шуйскаго къ Макарію объ исходатайствованіи помилованія по случаю опалы ¹⁾.

Онъ былъ обвиненъ въ намѣреніи возвести на престолъ дядю государева Юрія. Неизвѣстно печаловался ли за него Макарій, но князь Андрей просидѣлъ въ темницѣ все время правленія Елены.

Къ этому же году и ко времени пребыванія Макарія въ Москвѣ относится посланіе къ нему игумена Хутынскаго монастыря Θεодосія ²⁾. Въ немъ онъ проситъ своего „любезнаго“ архіепископа извѣстить о путешествіи въ Москву, жалуется, что не можетъ переносить отсутствія Макарія „его же ученія и наказанія насладихся вмагъ“. Ему весьма желательно снова видѣть архіепископа въ храмѣ св. Софіи на своемъ престолѣ сѣдѣюща и ученія медоточнаго рѣки

¹⁾ Дополн. къ Акт. Ист., 1—27; *Соловьевъ*, VI, 3; *Карамзинъ*, VIII, 2.

²⁾ Дополн. къ Акт. Ист. I, 31. Этотъ Θεодосій, какъ видно любимецъ Макарія, былъ приглашенъ имъ изъ Юликова монастыря и впоследствии занялъ его мѣсто (Кар. VIII, 2 пр 71).

изливающа и напаяюща душа. Въ концѣ посланія онъ обращается съ просьбою утолить мѣстный мятежъ между намѣстникомъ и дворецкимъ, старѣйшинами градскими и „указать отъ великаго князя къ кому напередъ приходити“. Изъ этого мѣста посланія Θεодосія можно видѣть, какимъ значеніемъ пользовался Макарій въ Новгородѣ, если о ссорахъ самыхъ важныхъ сановниковъ докладывалось ему для рѣшенія.

Воеводы, которыхъ архіепископъ передъ вѣздомъ благословилъ на войну, Михайло Воронцовъ, князь Иванъ Горбатый, да Иванъ Бутурлинъ, въ 1535 г., поставили на завоеванной Литовской землѣ городокъ близъ озера Себежа и построили въ немъ три церкви. Государь повелѣлъ Макарію послать туда священниковъ и дать названіе городу. Макарій исполнилъ приказаніе и назвалъ городъ Иванъ-градъ на Себежѣ. Въ 1537 г. князь Андрей Старицкій, возмущившись противъ великаго князя, направился съ большими силами къ Новгороду. „Въ Новгородѣ“, говоритъ лѣтописецъ ¹⁾ „бысть печаль велика. Преосвященный Макарій по вся дни молебная соверши и прилежно молился объ устроеніи земеномъ, о тишинѣ, о государевѣ здравіи и послалъ бы Богъ милость свою и возвратилъ гнѣвъ свой и избавилъ вся грады и страны отъ междуусобныя брани“. Князь Андрей, узнавъ о приготовленіяхъ въ Новгородѣ и, имѣя съ тылу многочисленное московское войско, поспѣшилъ примириться съ великимъ княземъ.

Приказы великаго князя новгородскимъ властямъ, какъ кажется, всегда давались и на имя архіепископа. Такъ въ 1533 г. великій князь повелѣлъ Макарію и намѣстникамъ мѣрить улицы, ставить рѣшетки и огневищниковъ по всему граду; въ 1534 г. чрезъ Загряжскаго повелѣлъ великій князь поставить городъ древянъ на Софійской сторонѣ; архіепископъ самъ отправился съ духовенствомъ освятить назначенное мѣсто. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что на этотъ разъ урокъ учиненъ былъ на всѣхъ новгородскихъ людяхъ, даже на духовенствѣ, чего прежде не было. Въ томъ же году повелѣно было Макарію и намѣстникамъ, вслѣдствіе появленія фальшивыхъ „рѣзанныхъ“ денегъ, ихъ заповѣдать и ими не торговать, а новыя крѣпко беречь ²⁾. Въ 1538 г., Макарій получилъ извѣстіе о смерти правительницы, а въ 1539 г. былъ въ Москвѣ при сверженіи Давида и погановленіи новаго митрополита Юсафа Срипицина.

¹⁾ Софійскій Времен. II, 397.

²⁾ Софійскій Времен. II, 370, 380, 388.

Этими немногими данными и исчерпываются всё известія объ отношеніяхъ Макарія къ правительству и администраціи; гораздо полнѣе они относительно внутренней его дѣятельности въ Новгородской епархіи, къ которой мы и перейдемъ съ слѣдующей главы.

II.

Отъ Макарія, какъ отъ монаха, естественно было ожидать, что онъ на первыхъ же порахъ своего пребыванія въ Новгородѣ обратитъ особое вниманіе на внутреннюю жизнь монастырей. Нужно замѣтить, что развитіе монастырской жизни на Руси не всегда соответствовало первоначальной идеѣ и формамъ монашества, что вызывало у ревнителей благочинія стремленіе уничтожить существующія отступленія отъ древнихъ образцовъ. Возстановленіе благочинія совершалось по двумъ направленіямъ, образовавшимся подъ вліяніемъ Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго. Первый вводилъ въ монастыряхъ киновію Василия Великаго, второй же былъ за еремію Антонія. Макарій, какъ послѣдователь Іосифа, былъ на сторонѣ общежитія, которое и старался ввести въ Новгородскихъ монастыряхъ,

Въ Новгородской епархіи, какъ и вообще во всей тогдашней сѣверо-восточной Руси, монастырей было много, а монашествующихъ мало; въ монастырѣ обыкновенно находилось пять, шесть человѣкъ, а часто и того меньше. Иноки жили отдѣльно другъ отъ друга, отдѣльно добывали себѣ пищу и вообще все, что нужно для жизни, и потому были одержимы всякими житейскими заботами, въ ущербъ ихъ монашескому обѣту. Общежитіе было только въ немногихъ монастыряхъ, преимущественно городскихъ; такъ въ цѣлой Новгородской епархіи до Макарія такихъ монастырей было четыре, такъ-называемыхъ „великихъ“: Юрьевскій, Хутынскій, Отенскій и Вяжецкій.

Задумавъ ввести общежитіе во всѣхъ монастыряхъ своей епархіи, Макарій, по обычаю того времени, обратился съ просьбою о разрѣшеніи ему его желанія къ великому князю. Въ посланіи, написанномъ по этому поводу ¹⁾, Макарій высказываетъ свой Іосифлянскій взглядъ на власть государя; онъ говоритъ, что высшая Божья десница поста-

¹⁾ Дополн. къ Акт. Ист. 1—22. Эта грамота относится къ 1526—1527 гсдамъ и въ ней Макарій не увѣдомляетъ, какъ сказано въ Актахъ, о введеніи общежитія, а, какъ это явствуетъ изъ содержанія, проситъ лишь дозволенія ввести его.

вила великаго князя самодержцемъ и государемъ всея Россіи, Богъ избралъ его вмѣсто Себя на землѣ и, на свой престолъ вознесши, посадилъ; Онъ поручилъ ему милость и животъ всего великаго православія, вслѣдствіе чего слѣдуетъ и намъ по царскому остроумію и богопреданной мудрости обращаться къ великому князю, какъ къ государю и самодержцу-царю. Онъ сравниваетъ Василія съ царемъ Константиномъ: тотъ ввелъ въ свое государство христіанскую вѣру и устроилъ всякое благочиніе, а Василій до конца низложилъ лествъ, явившуюся чрезъ Новгородскихъ еретиковъ (ересь жидовствующихъ), со всѣми богохульными ихъ преданіями и возвысилъ этимъ всѣхъ истинно православныхъ. „И теперь, государь, потщися и покажи ревность о божественныхъ церквахъ и честныхъ монастыряхъ, упраздни вѣкое безчиніе своимъ царскимъ повелѣніемъ“. Безчиніе это Макарій видитъ въ существующемъ въ Новгородской епархіи устройствѣ монастырей, которое и проситъ великаго князя уничтожить. Затѣмъ, на основаніи того, что епископъ долженъ о всѣхъ безпорядкахъ въ своей паствѣ доносить царю и митрополиту, по писанію: „вся да сказана бываетъ царю и архіерею“, сообщаетъ, что въ Новгородѣ общежитіе по уставу св. отецъ введено только въ 4-хъ монастыряхъ, и „тѣ монастыри полны и чиномъ исполнены, твоимъ государскимъ жалованіемъ и устроеніемъ“; а недостатки, какіе въ нихъ есть, одни можно скоро исправить, а другіе уже исправлены.

Получивъ отъ великаго князя дозволеніе, Макарій пригласилъ въ Новгородъ въ 1528 г. игуменовъ всѣхъ монастырей, гдѣ не было общежитія. На соборѣ онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой убѣждалъ всѣхъ завести общины; шестнадцать монастырей послѣдовали его совѣту, а два, Николаевскій въ Неревскомъ Концѣ и Рождественскій на Полѣ, отказались: „въ томъ бо безчиніи обыкоша жити“. Макарій ограничился только тѣмъ, что замѣтилъ имъ на это „по дѣломъ вашимъ мзду примете отъ Бога“¹⁾. Прямымъ слѣдствіемъ введенія общежитія было увеличеніе числа монаховъ: гдѣ прежде было два, три, явилось двѣнадцать, а гдѣ шесть, семь—двадцать, тридцать, даже сорокъ. Устраивая общежитія, Макарій давалъ, такъ-называемыя, уставныя грамоты, изъ которыхъ сохранилась одна—Свято-Духову монастырю²⁾. Въ ней онъ пишетъ, что благословилъ Духовскаго игумена Тихона составить общежитіе по такому порядку. Въ мо-

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 284.

²⁾ Истор. А. т. 1—292

настырѣ предписывается держать священника да діакона черныхъ и десять человекъ братіи; богослуженіе совершать ежедневно, а въ нѣкоторые дни недѣли пѣть еще молебны о государѣ великомъ князѣ и великій княгинѣ Еленѣ, чтобъ имъ Господь Богъ послалъ плодъ чрева—дѣтей, объ устроеніи земскомъ и о всемъ православномъ христіанствѣ. Игумену въ келии отдѣльно не ѣсть и гостей у себя не принимать, не потчивать и не пировать съ ними; имѣть же трапезу всѣмъ общую и ѣсть каждый день чтò назначено по правиламъ Василія Великаго и уставу „Око Церковное“. Братіи надѣжить повиноваться игумену, но если онъ что-нибудь сдѣлаеть противъ устава, напоминать ему о томъ; если же не исправится, извѣщать архіепископа. Игумень со своей стороны долженъ заботиться о братіи, снабжать всѣхъ одеждой, обувью и другими вещами по преданіямъ общежительнымъ; долженъ держать при себѣ для совѣта, завѣдыванія расходами и доходами келаря, казначея да трехъ или четырехъ соборныхъ старцевъ; съ ними онъ долженъ совѣтоваться о наказаніи мятежниковъ церковныхъ и безчинниковъ монастырскихъ. Братіи запрещается имѣть на сторонѣ духовниковъ, исповѣдываться же всѣмъ вмѣстѣ у игумена. Безъ дозволенія игумена никто не смѣетъ выходить изъ монастыря, а вообще запрещается всѣмъ мірскимъ людямъ ходить къ старцамъ въ келии; келейниковъ держать игумену чернецовъ, а не изъ мірянъ, и ни въ какомъ случаѣ не держать у себя молодыхъ ребятъ. Питья въ келияхъ не имѣть никому, слугъ же держать внѣ монастыря. Въ монахи принимать всѣхъ желающихъ, если же желающій внесетъ при этомъ вкладъ, то принимать, хотя бы число монаховъ было полное. Всѣхъ вкладчиковъ и вообще благотворителей записывать въ „сенаникъ (синодикъ) вѣчный и повсядневной“.

Таково содержаніе этой замѣчательной грамоты, по которой можно составить себѣ понятіе о монастырской жизни до и послѣ введенія общежитія. Разумѣется, новый уставъ не могъ окончательно уничтожить старыя, укоренившіеся недостатки монашеской жизни, но во всякомъ случаѣ весьма много способствовалъ улучшенію ея, чтò можно заключать изъ того обстоятельства, что слѣдующіе за Макаріемъ архіепископы (Феодосій, Серапіонъ, Леонидъ и др.) всѣми силами старались поддерживать и распространять общежитіе.

Съ новымъ уставомъ не согласовалось жительство въ монастыряхъ постороннихъ лицъ, и потому, когда „по благословенію боголюбиваго архіепископа устроился общежитіе въ Онтоновѣ монастырѣ, тогда и

мірскихъ людей отъ монастыря отлучиша¹⁾. Но еще болѣе не согласовалось съ общежительнымъ уставомъ совмѣстное жительство монаховъ и монахинь въ такъ-называемыхъ мужско-женскихъ монастыряхъ, и пребываніе игуменовъ и духовниковъ въ женскихъ монастыряхъ изъ чернаго духовенства. Противъ такихъ порядковъ вооружался еще митрополитъ Фотій; кромѣ того и на соборѣ 1503—1504 г. было постановлено, чтобы впредь чернецамъ и черницамъ въ одномъ монастырѣ не жить, въ женскихъ монастыряхъ служить и быть духовниками попамъ-бѣльцамъ и т. п.²⁾ Но всѣ эти постановленія не помогали и не соблюдались, и спутя слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ собора 1503 г. Новгородскій архіепископъ снова долженъ былъ принимать мѣры простить этого безчинія. На соборѣ 1528 г. Макарій объявилъ, что онъ отдѣляетъ 8 монастырей для черницъ и назначилъ во всѣ эти монастыри игуменій вмѣсто прежнихъ игуменовъ, которыхъ перевелъ въ мужскіе монастыри. Вмѣстѣ съ тѣмъ богослуженіе въ женскихъ монастыряхъ онъ велѣлъ совершать не монахамъ, а женатымъ священникамъ³⁾. Неизвѣстно, какъ соблюдалось это постановленіе въ Новгородской епархіи, но въ остальной Россіи мужско-женскіе монастыри процвѣтали еще долгое время.

Одновременно съ улучшеніемъ монастырскаго быта Макарій обратилъ вниманіе и на водвореніе и распространеніе христіанства между сѣверно-русскими инородцами. Въ XVI вѣкѣ въ предѣлахъ его огромной епархіи, къ которой кромѣ собственно Новгородскихъ и Псковскихъ земель принадлежала Волоколамская область и Вологодскій край, было еще много язычниковъ, особенно между сѣверными Финскими племенами; христіанство тамъ стало распространяться только въ XV вѣкѣ, благодаря дѣятельности основателей Соловецкаго монастыря Германа, Зосимы и Савватія, первыхъ обрусителей сѣверныхъ окраинъ Россіи. Дѣло ихъ довольно ревностно и успѣшно продолжалось при Макаріѣ, который всѣми зависящими отъ него средствами старался способствовать его успѣху.

Въ 1526 году Лопари съ Кандаджской губы просили черезъ уполномоченныхъ, великаго князя Василія Ивановича прислать имъ священниковъ. Великій князь обратился къ Макарію и велѣлъ исполнить ихъ просьбу, вслѣдствіе чего и былъ отправленъ изъ Новгорода

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 298.

²⁾ Ист. Р. Ц. *Макарія*, VI, 123.

³⁾ П. С. Р. Л. VI, 285.

священникъ, который крестилъ многихъ Лопарей и построилъ у нихъ церковь во имя Іоанна Крестителя ¹⁾. Въ 1532 году Лопари съ Мурманскаго моря, съ рѣкъ Колы и Тутоломы, пріѣхали уже въ Новгородъ и били челомъ Макарію, прося антиминовъ для церквей и священниковъ, которые освятили бы ихъ церкви и ихъ самихъ крестили. Макарій отправилъ къ нимъ священниковъ изъ Софійскаго собора, которыми и были крещены Лопари, жившіе за мысомъ Святой Носъ, и построены двѣ церкви—Николая и Благовѣщенія Богородицы ²⁾. Одиѣвъ изъ ревноствѣйшихъ просвѣтителей Лопарей Феодоритъ жилъ два года въ Новгородѣ у Макарія (1539—1542), который посвятилъ его въ іеромонахи и сдѣлалъ своимъ духовникомъ ³⁾. Другой знаменитый проповѣдникъ христіанства, преподобный Трифонъ былъ постриженъ въ монашество іеромонахомъ Ильею, котораго Макарій посылалъ въ Лапландію, причемъ Ілія крестилъ всѣхъ обращенныхъ Трифономъ Лопарей.

Кромѣ этихъ далекихъ язычниковъ въ самой землѣ Новгородской, въ Вотской Пятинѣ жило много инородцевъ финскаго происхожденія—Корела, Чудь, Ижора и др., хотя номинально крестившихся еще въ XII столѣтіи, но въ сущности жившихъ по старинѣ, язычниками. Земли ихъ, по словамъ лѣтописца, простирались до Лопи до дикіе и Каяни по всему Варяжскому поморію на пространствѣ около 1000 верстъ ⁴⁾. Въ 1533 году Макарій собралъ свѣдѣнія относительно ихъ образа жизни и извѣстилъ великаго князя, что „эти племена, прельщаемыя невидимымъ врагомъ христіанъ діаволомъ, обычаевъ держатся отъ прежнихъ прародителей“. На Руси послѣ крещенія языческія мольбища были разрушены, а въ этихъ мѣстахъ удержались. Мольбищами у нихъ бывають: лѣса, камни, рѣки, озера, болота, источники, горы, свѣтила небесныя; имъ они приносятъ кровныя жертвы—воловъ, овецъ, птицъ и другихъ животныхъ. Эти притворные христіане закалываютъ своихъ дѣтей, жгутъ святыя иконы, творять многія кудесы, священниковъ выбираютъ изъ простыхъ людей и называютъ ихъ арбуями; арбуи совершаютъ жертвоприношенія и даютъ имена всѣмъ тамошнимъ новорожденнымъ; они же хоронятъ мертвыхъ по курганамъ и коломищамъ ⁵⁾. Государь, свѣдавъ объ этомъ, приказалъ прелестъ сію

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 282.

²⁾ Id., 286.

³⁾ Сказанія кн. Курбскаго, 1—173.

⁴⁾ П. С. Р. Л. VI, 292.

⁵⁾ П. С. Р. Л. V, 73.

искоренить. Съ этой цѣлью Макаріемъ была отправлена окружная грамота къ жителямъ Вотской Пятины, къ Чуди погостовъ Тулдомскаго, Ижерскаго, Дудровскаго, Замошскаго и др., во всѣ Копорскіе, Ямскіе, Ивангородскіе и Орѣховскіе уѣзды; грамоту и святую воду изъ Софіи повезъ рождественскій священникъ Илія вмѣстѣ съ двумя владычными дѣтьми боярскими Палицинымъ и Ошманаевымъ. Въ грамотѣ ¹⁾ Макарій укоряетъ духовенство Вотской Пятины за его нерадѣніе, и затѣмъ, перечисливъ всѣ чудскія прелести и неистовственные дѣла, сообщаетъ, что онъ самъ по этому поводу пѣлъ молебны и святилъ воду съ животворящихъ крестовъ, св. иконъ и мощей; эту воду онъ теперь посылаетъ имъ и приказываетъ скверныя мольбища разорять, истреблять и огнемъ жечь, а арбуевъ и ихъ учениковъ заставлятъ приходить на поученіе къ Ильѣ; но разореніи мольбищъ пѣтъ молебны и святить воду, которую слѣдуетъ смѣшать съ привезенной, развозить по всѣмъ приходамъ, селамъ и деревнямъ и кропить всѣхъ православныхъ отъ мала до велика и жилища ихъ. Если же арбуи не будутъ ихъ слушать и не покаются, „сказывать о нихъ тѣмъ дѣтемъ боярскимъ, которые христіане за которыми дѣтьми боярскими живутъ, чтобы они тѣхъ законопреступниковъ имали и къ намъ присылали въ Великій Новгородъ“. Въ случаѣ, если не станутъ слушать тѣхъ духовныхъ поученій крестьяне государя великаго князя, доносить о томъ самому Макарію, а дѣтямъ боярскимъ Палицину и Ошманаеву давать на крѣпкія поруки съ записями, да срочити передъ собою, передъ архіепископа, во Великій Новгородъ; и имъ всѣмъ быть отъ государя въ великой опалѣ, а отъ архіепископа въ конечномъ изверженіи безъ милости. Тѣмъ же наказаніемъ Макарій грозитъ и нерадивымъ священникамъ и игуменамъ. Въ концѣ грамоты Макарій приказываетъ чтить и кормъ давать Ильѣ и его сопутникамъ. Грамоту, прочитавши, отдавать назадъ, а дьякамъ церковнымъ писать вездѣ съ нея противни, слово въ слово, не издерживая нигдѣ ни часу. Грамота помѣчена 7042 годомъ (1533) и подписана дьякомъ архіепископскимъ Васьяномъ Александровымъ. Мѣры, предписанныя грамотой, усердно приводились въ исполненіе: лѣса рубили и жгли, священные камни бросали въ воду, крестили некрещенныхъ и т. п. Хотя, по словамъ лѣтописца, бѣси бѣжали изъ этихъ мѣстъ, глаголя, что здѣсь надѣялись царствовать безпрекословно цѣлые вѣка, но, какъ видно, не всѣ, потому что уже въ слѣдующемъ 1534 г.

¹⁾ Дополн. къ Арт. Ист 1—27.

Илія снова былъ отправленъ Макаріемъ въ Чудь разорять чудскіе обычаи и убѣждать жителей, чтобы ихъ жены власы не постригали, ризь подобныхъ мертвечымъ на головѣ и раменахъ не носили и кудесъ не творили ¹⁾. Черезъ 12 лѣтъ архіепископъ Θεодосій опять долженъ былъ обратить вниманіе на арбуевъ и ихъ дѣла и прибѣгнуть противъ нихъ къ средствамъ, рекомендованнымъ Макаріемъ.

Нѣкоторое участіе принималъ Макарій и въ крещеніи Татаръ. Въ 1535 году жены и дѣти умершихъ въ заключеніи въ Псковѣ и Новгородѣ Казанскихъ плѣнниковъ обратились къ нему съ просьбою крестить ихъ. Макарій, получивъ дозволеніе отъ великаго князя, крестилъ въ Новгородѣ женъ 43 и дѣтей 36, въ Псковѣ женъ и дѣтей 51, въ Орѣшкѣ 12 и въ Корелѣ 30 ²⁾.

Новгородская епархія была мѣстомъ, откуда распространялись ереси, смущавшія русскую церковь въ XIV и XV столѣтіяхъ. Ереси эти продолжали существовать и во времена Макарія, проявляясь иногда въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ всякаго рода заблужденій, съ которыми Макарій и принужденъ былъ вести борьбу. Еще въ 1455 г. явился въ Евфросиновомъ монастырѣ обычай двоить аллилуію и держался тамъ очень долгое время. При Макарії онъ сталъ распространяться по другимъ монастырямъ, такъ что Макарій долженъ былъ спеціально противъ него издать указъ „О трегубой аллилуіа“. Указъ этотъ главнымъ образомъ направленъ противъ какого-то Аѳанасія, основателя Никольскаго монастыря, который писалъ посланія въ соборы и къ священникамъ, убѣждая двоить аллилуію. Въ указѣ Макарій пишетъ, что сугубая аллилуія раздираетъ на части св. Троицу, что троеніе аллилуіи истекаетъ изъ Апокалипсиса и Псалтыри. Въ видѣ доказательства приводитъ посланіе Фотія къ Псковичамъ, въ которомъ сказано, что только трегубая аллилуія истинна. Введеніе сугубой аллилуіи Макарій приписываетъ митр. Исидору. Наконецъ въ заключеніе онъ угрожаетъ великими наказаніями поющимъ двойную аллилуію — они творять это себѣ на грѣхъ и осужденіе. Указъ о трегубой аллилуіи интересенъ потому, что Макарій въ послѣдствіи самъ сдѣлался приверженцемъ сугубой аллилуіи и наложилъ на противниковъ ея проклятіе.

Въ 1540 году въ Псковѣ случилось недоразумѣніе относительно поклоненія иконамъ. Какіе то старцы, переходцы съ иной земли,

¹⁾ П. С. Р. Л. V. 73; VI. 292, *Карамзинъ*, VII—III

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., VI—299.

привесли съ собой икону св. Николая и св. Пятницы на рѣзи въ храмцахъ (кіотахъ); многіе люди, никогда прежде не видавшіе такихъ иконъ, сочли это болваннымъ поклоненіемъ, вслѣдствіе чего произошла большая молва и смятеніе. Священники донесли объ этомъ намѣстникамъ и дьякамъ съ собора; старцевъ схватили, а иконы отправили къ Макарію. Владыка самъ молился передъ этими иконами, пѣлъ имъ всенародно молебень и велѣлъ Псковичамъ вымѣнить эти иконы у старцевъ и встрѣтить ихъ соборно.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ ересей, возникшихъ въ Новгородѣ, ересь жидовствующихъ, къ этому времени, казалось, совсѣмъ исчезла послѣ страшныхъ гоненій; мы видѣли, что Макарій даже восхвалялъ великаго князя Василія за то, что онъ „до конца низложилъ лествъ, явившуюся черезъ Ноугородцкихъ еретиковъ съ богохульными ихъ преданьи“, но въ дѣйствительности эта ересь продолжала существовать, хотя и не такъ открыто какъ прежде. Въ это время она потерпѣла весьма сильный уронъ: одного изъ главныхъ ея сторонниковъ, князя инока Вассіана, Іосифлянамъ удалось, наконецъ, призвать къ суду на соборъ 1531 года. Его обвинили въ неправильной перепискѣ книгъ св. писанія, въ самопроизвольныхъ поправкахъ и вставкахъ въ Кормчую книгу, въ хульныхъ словахъ, помѣщенныхъ въ переводѣ Житія Богородицы Метафраста, сдѣланномъ Максимомъ Грекомъ и въ другихъ преступленіяхъ такого же рода. Одинъ изъ обвинителей, монахъ Вассіанъ Руженинъ говорилъ, что онъ, будучи въ Новгородѣ, разказывалъ о тѣхъ хульныхъ строкахъ архіепископу Макарію, будто бы князь Вассіанъ и Максимъ на его спросъ относительно этого мѣста отвѣчали: „такъ надобно“. Макарій подтвердилъ это показаніе въ своей грамотѣ митр. Даніилу, которую тотъ и прочиталъ на соборѣ. Вассіана осудили и сослали на заточеніе въ Іосифовъ монастырь, гдѣ онъ и умеръ.

Живя почти постоянно въ Новгородѣ и только изрѣдка выѣзжая въ Москву и Псковъ ¹⁾, куда онъ ѣздилъ творить мѣсячный судъ и брать съ духовенства подѣзды, а съ мірянъ судныя пени, Макарій особое вниманіе обращалъ на украшеніе своего епархіальнаго города.

¹⁾ Въ Псковской лѣтописи упоминается о двухъ пріѣздахъ Макарія въ Псковъ: подъ 7036 г. пріѣхалъ на мѣсяць, но вел. князь приказалъ жить 10 дней; встрѣченъ былъ всемъ городомъ у Алексія святаго, «повели во всѣхъ церквахъ чести синодихъ, заповѣди собора Никейскаго». 7044 г. пріѣхалъ во Псковъ и крестилъ тамъ всѣхъ плѣнныхъ Татаръ бывшихъ въ тюрьмахъ.

Лѣтописецъ говорить, что преосвященный архіепископъ „по своему благоутробію, больши хотя украсити Новгородъ при своемъ честнѣмъ святительствѣ прежде бо наченъ, еже о церквахъ божіихъ тицаніе и великое прилежаніе и о обителѣхъ великое устроеніе, даже и до самихъ вещей“. Особенно много заботился Макарій о расширеніи и обновленіи знаменитаго Софійскаго собора. Въ 1528 году старыя царскія врата въ св. Софіи онъ замѣнилъ новыми, вѣдвое больше прежнихъ шириной и высотой; велѣлъ ихъ выложить разнообразными позолоченными и посеребренными рѣзными изъ дерева украшеніями, на верху поставилъ хрустальный крестъ, устроилъ новую занавѣсъ „отъ различныхъ тафтъ тако, что вельми лѣпо видѣти“. Онъ расположилъ всѣ иконы въ соборѣ по чину, къ лучшимъ велѣлъ придѣлать пелены „отъ паволокъ“, обновилъ старую стѣнную живопись, а гдѣ ея не было велѣлъ написать новую. Въ 1533 году поставилъ вельми чудный амвонъ: „святыхъ на немъ отъ верха въ три ряда тридесять п рѣзью и различными подзоры и златомъ листовнымъ украшенъ, а отъ земли амвона устроены яко чловѣчки деревяныя 12 и всякими вапами украшены и въ одеждахъ и яко со страхомъ на главахъ держать сію святыню“ ¹⁾. Въ 1537 году былъ обложенъ серебромъ большой Деисусъ, состоящій изъ 13 иконъ и украшенъ золотомъ, поставлены новые подсвѣчники и т. д. Въ бытность Макарія въ Новгородѣ была поновлена (можетъ быть имъ самимъ, такъ какъ есть извѣстіе, что онъ былъ живописецъ) знаменитая чудотворная икона Знаменія Пречистыя, „понеже отъ многъ лѣтъ обетшала зѣло“. Онъ украсилъ ее кузнью и монисты, посвятилъ въ честь ея церковь, въ которой и поставилъ эту икону (Соф. Врем., II—362) Въ продолженіи 10 лѣтъ (1526—1536) въ одномъ Новгородѣ было построено 27 церквей (18 каменныхъ, 9 деревянныхъ), изъ нихъ 10 освящалъ самъ архіепископъ ²⁾. Что Макарій не ограничивался построеніемъ церквей, а желалъ и другими способами принести пользу городу видно изъ слѣдующаго разказа лѣтописца. Однажды явился въ Новгородъ какой-то хитрецъ Псковичъ ³⁾ и всенародно объявилъ, что онъ

¹⁾ Изображеніе этого амвона съ поддерживающими его чловѣчками — каріатидами находится въ Очерк. др. русск. слов. и искусства *Буслаева*, т. II, стр. 312, рис. 10.

²⁾ Полн. Собр. Лѣт., VI, 282—301.

³⁾ Чловѣкъ Духовскаго монастыря, какъ называется его Псковскій лѣтописецъ.

сдумѣть построить мельницу на Волховѣ. Макарій повѣрилъ ему и далъ средства осуществить его мысль; мельница дѣйствительно была построена на Софійской сторонѣ, „и камень нача вертѣтися, тако видѣти, кабы ему и молота“. Весной, когда тронулся ледъ, мельницу снесло, „понеже токмо едины три поприща отъ града стоитъ въ верхъ езеро, рекомое Илмеръ, и въ него впадаютъ, сказываютъ прежніи человѣцѣ, до трехъ сотъ рѣкъ великихъ и малыхъ, а тое езеро токмо единымъ тѣмъ Волховомъ проходить сквозь весь Великій Новгородъ и входитъ въ езеро въ Ладожское: онъ же хотя на той рѣцѣ такову вещь сдѣлаши!“ „А мастеръ“, гсворить далѣе лѣтописецъ, „сказываяся хитрецъ быти, но паче грубъ и велми несмыслецъ, въ конецъ безуменъ; толико отъ господина истоци, а толикія вещи архіепископу не сказа, или того ради безуменный не сказа, чтобы ему свой корманъ пронырствомъ наполнити имѣніа; но не сбыться ему безумному се и егда видѣ разрушеніе, и утаися страха ради и изъ града избѣжѣ невѣдомо камо крыся, и до нынѣ погиге“. Изъ остатковъ мельницы Макарій велѣлъ сдѣлать конюшни „да иже и то будетъ въ дому святѣй Софѣи“.

Лѣтописцы не напрасно называютъ Макарія „людямъ заступленіе и сиротамъ кормитель“. Во всѣхъ бѣдствіяхъ, какія претерпѣвала его паства, онъ всегда несъ страждущимъ посильную помощь. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ пользовался своимъ вліяніемъ у великаго князя, прося у него за людей печальныхъ и опальныхъ земли Новгородской; когда случался моръ, повѣтріе, голодъ и другія несчастія, онъ всегда спѣшилъ со своей церковной помощью, которая тогда имѣла громаднѣйшее значеніе въ народѣ. Въ лѣтописяхъ сохранилось нѣсколько извѣстій о подобныхъ случаяхъ. Такъ въ 1532 г. появился моръ во Псковѣ, и архіепископъ тотчасъ же послалъ туда священниковъ со святою водою, которые успокоили народъ. Въ 1533 г. появилось въ Новгородѣ повѣтріе „аки прыщи“, и на жителей былъ наложенъ Макаріемъ двухнедѣльный постъ. Когда это средство не помогало, то по древнему обычаю рѣшено было построить въ одинъ день церковь въ честь святаго, не имѣвшего еще въ Новгородѣ церкви своего имени. Бросали жребій между двумя святыми— Маркомъ и Матвѣемъ, и жребій выпалъ на Марка; церковь была построена въ одинъ день и тогда же освящена архіепископомъ. Обычай этотъ былъ повсемѣстенъ, — такъ въ 1531 г. великій князь построилъ церковь Іоанну въ одинъ день, причемъ самъ первый началъ рабо-

татъ ¹⁾. Сейчасъ же послѣ исполненія этого обычая повѣтріе въ Новгородѣ, по словамъ лѣтописца, прекратилось.

Въ этомъ же году случилось бездождіе — Макарій служилъ молебствія многія, и пошелъ дождь. Въ 1528 г. во время обѣдни опустился помость въ церкви св. Пятницы, и при смятеніи, которое явилось вслѣдствіе этого, погибло 84 человекъ. Макарій, узнавъ объ этомъ „вельми прослезился“, погибшихъ велѣлъ развозить по домамъ и послалъ священниковъ погребать ихъ каждого отдѣльно ²⁾.

Несмотря на то, что свѣдѣнія о дѣятельности Макарія въ Новгородѣ крайне неполны и относятся только къ первымъ годамъ его правленія, уже изъ всего вышесказаннаго можемъ замѣтить его замѣчательное трудолюбіе, которому слѣдуетъ еще болѣе удивляться, если обратимъ вниманіе на то, что Макарій находилъ время трудиться на пользу просвѣщенія. Такъ подъ его непосредственнымъ руководствомъ было продолжено дѣло архіепископа Геннадія, — онъ вычислилъ пасхалію на 70 лѣтъ, а Макарій вмѣстѣ съ священникомъ Агаѣономъ составилъ (1538 г.) такъ называемый „Великій міротворный Кругъ“, въ которомъ пасхалія была вычислена на 532 года. Но главнымъ образомъ въ Новгородѣ Макарій трудился надъ составленіемъ первой главной редакціи Миней Четій. Этотъ громаднѣйшій трудъ, „для котораго мало трехъ лѣтъ, чтобы его прочесть“ ³⁾, какъ говоритъ преосв. Филаретъ, Макарій успѣлъ кончить въ 12 лѣтъ. Въ 1541 г. всѣ двѣнадцать книгъ Макарій положилъ въ престольномъ храмѣ своемъ у св. Софіи на поминъ родителей. Этимъ онъ достойно закончилъ дѣятельность свою въ Новгородѣ, чтобъ еще блистательнѣе продолжать ее въ Москвѣ.

III.

Митрополитъ Даніилъ, при которомъ Макарій былъ рукоположенъ въ архіепископы, былъ, какъ мы уже упоминали, по многимъ причинамъ однимъ изъ ненавистнѣйшихъ лицъ для боярской партіи. Можно было съ увѣренностью ожидать, что послѣ смерти Василія III-го, онъ, несмотря на то, что покойный великій князь передъ смертью приказалъ ему своего четырехлѣтняго сына Іоанна, не

¹⁾ Соловьевъ, VI—437.

²⁾ Полн. Собр. Р. Л., VI, 282—301.

³⁾ Ист. Р. Ц. Филарета, 111—121.

долго продержится на митрополичьемъ престолѣ. И дѣйствительно, лишь только умерла правительница Елена, и начались боярскія смуты, партія Шуйскихъ при первой удачѣ успѣшила свергнуть его съ престола. Онъ былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь и долженъ былъ дать грамоту, въ которой отрекался отъ митрополіи по неспособности. Но еще раньше его формальнаго отреченія партія Шуйскихъ заставила соборъ русскихъ святителей выбрать новаго митрополита Іосафа Скрипицина. Въ постановленіи его принималъ участіе и Макарій, бывший въ то время въ Москвѣ. Сохранилась его повольная грамота новому митрополиту ¹⁾, въ которой онъ отъ имени себя и всей своей братіи, православныхъ епископовъ и архіепископовъ, даетъ Іосафу „на всякое великое дѣло, постановленіе архіепископа или епископа, или иная церковная дѣла волю и хотѣніе“.

Но не долго наслаждались Шуйскіе своимъ успѣхомъ: митрополитъ Іосафъ вовсе не оказался такимъ вѣрнымъ исполнителемъ ихъ плановъ, какимъ они ожидали его видѣть; напротивъ, онъ постарался приобрѣсть вліяніе на малолѣтнаго государя и, пользуясь имъ, освободилъ изъ темницы соперника Шуйскихъ князя Бѣльскаго, которому и помогалъ всячески стать во главѣ правленія. Это обстоятельство было причиной его паденія. Шуйскіе составили новый заговоръ, ворвались въ Москву, арестовали Бѣльскаго и его сторонниковъ, а митрополитъ съ трудомъ избѣжалъ смерти. Онъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь.

Во второй разъ выборъ главы русской церкви перешелъ въ руки Шуйскихъ. Второй разъ имъ приходилось искать среди русскихъ іерарховъ человека, который вѣрно служилъ бы ихъ интересамъ. Самымъ подходящимъ имъ показался архіепископъ Великаго Новгорода, епархія котораго была всегда на сторонѣ Шуйскихъ. Новгородцы помнили, что глава партіи, Иванъ Шуйскій, былъ сынъ послѣдняго ихъ вольнаго князя Василія Гребенки; они были въ числѣ главныхъ дѣятелей при послѣднемъ переворотѣ, передавшемъ власть въ руки Шуйскихъ. вмѣстѣ съ князьями Кубенскими. Палецкими и разными дѣтьми боярскими Новгородцы участвовали въ ихъ заговорѣ „всѣ городомъ“, какъ говоритъ лѣтописецъ ²⁾. Противъ Іосафа

¹⁾ Акт. Эксп. 1—№ 184.

²⁾ Царств. Книга — 101; *Соловьевъ*, VI—42, 43; *Карамзинъ* приписываетъ

болѣе всѣхъ неистовствовали тѣ же Новгородцы; они не ограничились ругательствами, какъ другіе, но едва его не убили. Шуйскіе могли надѣяться, что архіепископъ столь расположеннаго къ нимъ города будетъ ихъ приверженцемъ; кромѣ того князь Андрей могъ припомнить то участіе, которое принималъ въ его судьбѣ Макарій при другихъ обстоятельствахъ (см. выше). На основаніи всего этого выборъ Шуйскихъ палъ на Макарія, а ихъ воля имѣла обязательную силу для собора русскихъ святителей и для великаго князя. Однако мы видимъ, что каедрa митрополита цѣлыхъ два мѣсяца послѣ удаленія Юсафа оставалась вакантною; можно предполагать, что въ продолженіи этого времени шли переговоры между правительствомъ и Макаріемъ. Въ завѣщаніи своемъ онъ говоритъ: „не вѣмъ, которыми судьбами Божиими избранъ и понуженъ былъ азъ смиренный соборомъ и великимъ княземъ; мнѣ же смиренному на мнозѣ отрицающе муся, по свидѣтельству божественныхъ писаній, и не возмогохъ преслупатись, но понуженъ быхъ“¹⁾. Двукратное повтореніе слова „понуженъ“ показываетъ, что Макарій самъ не добивался митрополичьяго престола, „любя мірскую честь“, какъ предполагаетъ Карамзинъ. И дѣйствительно, бывъ лично свидѣтелемъ самовольнаго распоряженія бояръ съ уважаемымъ имъ митрополитомъ Даниломъ, зная, что самъ царь въ своихъ покояхъ не могъ спасти Юсафа отъ толпы оскорбителей, онъ могъ и себѣ ожидать того же при малѣйшемъ неудовольствіи со стороны бояръ.

Только 9-го марта 1542 г. Макарій пріѣхалъ въ Москву. 16 го марта его избралъ соборъ, состоявшій изъ Ростовскаго архіепископа и 7 епископовъ, а 19-го марта онъ былъ посвященъ. Положеніе новаго митрополита было крайне тягостно. Съ партіей Шуйскихъ, которая возвела его на престолъ, онъ не могъ сойтись, такъ какъ не имѣлъ съ нею ничего общаго. Главная цѣль Шуйскихъ была сдѣлать изъ Юанна номинальнаго правителя, власть же захватить въ свои руки и править, имѣя въ виду главнымъ образомъ личные узкіе интересы; эти стремленія шли въ разрѣзъ съ воззрѣніями Макарія, который царскую власть ставилъ выше всего, въ царѣ видѣлъ необходимаго защитника и блюстителя православной вѣры и его униженіе, или самовольный захватъ подданными Богомъ дарованной царю власти счи-

это вліянію Макарія, который, будто бы, любя мірскую честь, склонилъ жителей Новгорода на сторону Шуйскихъ (VIII, гл. II, стр. 46).

¹⁾ Акт. Истор., 1—172.

талъ величайшимъ безчиіемъ, съ виновниками котораго онъ не могъ имѣть никакихъ тѣсныхъ сношеній. Кромѣ того, какъ митрополитъ, продолжатель традиціонной политики своихъ предшественниковъ на пользу государства, и просто, какъ просвѣщенный человекъ, онъ въ Шуйскихъ могъ видѣть только враговъ отечества, вездѣ и во всемъ наносящихъ ему вредъ. Вотъ почему Шуйскіе скоро замѣтили, что и на этотъ разъ ошиблись въ выборѣ.

Очень интересно было бы прослѣдить дѣятельность Макарія во время малолѣтства Іоанна Грознаго, но къ сожалѣнію свѣдѣній объ ней сохранилось очень мало; есть однако основаніе предполагать, что на первыхъ же порахъ своего пребыванія въ Москвѣ въ качествѣ митрополита онъ старался сблизиться съ малолѣтнимъ великимъ княземъ и снискать его расположеніе; это видно изъ той злобы бояръ, которая такъ рѣзко обнаружилась въ извѣстномъ дѣлѣ Воронцова ¹⁾. Шуйскіе и ихъ приверженцы, князья Пронскіе, Курлятевы и другіе вооружились противъ Воронцова за то, что великій государь его „жалуетъ и бережетъ“. 1544 г. 9-го сентября они напали на него въ государевомъ дворцѣ, предали истязаніямъ и даже хотѣли убить, но Іоаннъ отправилъ къ нимъ митрополита, прося спасти своего любимца. Воронцова пощадили, но вывели его съ великимъ срамомъ изъ дворца и отдали подъ стражу. Макарій опять отправился къ боярамъ отъ имени государя и просилъ послать Воронцова на службу въ Коломну, если ему нельзя оставаться въ Москвѣ; но бояре не согласились и сослали Воронцова съ отцомъ въ Кострому. При этомъ въ видѣ угрозы митрополиту одинъ изъ сторонниковъ Шуйскихъ — Ѳома Головинъ, неоднократно наступалъ на его мантию и порвалъ ее въ куски ²⁾.

Этимъ, вѣроятно, не ограничились бы дѣйствія партіи Шуйскихъ противъ митрополита, если бы не измѣнились обстоятельства. Великій князь, по словамъ лѣтописца, не могъ претерпѣть долѣе безчинія и самовольства боярскаго, велѣлъ поймать князя Андрея Шуйскаго (зн. Иванъ умеръ не задолго предъ этимъ) и предаль его на убіеніе псарямъ ³⁾. Ближайшія обстоятельства этой перемены въ образѣ дѣйствій великаго князя намъ неизвѣстны; Карамзинъ полагаетъ, что кромѣ дядей государя, Глинскихъ, не малое участіе принималъ въ

¹⁾ Никон. Лѣт., VII, 41; Царств. Кн. 112.

²⁾ Царств. Кн., стр. 112.

³⁾ Никон. Лѣт., VII, 42.

этомъ дѣлѣ и митрополитъ Макарій ¹⁾. Предположеніе это, хотя не оправдывается никакими фактическими данными, весьма вѣроятно, особенно если имѣть въ виду послѣдующую дѣятельность Макарія.

На первыхъ же порахъ самостоятельнаго правленія Іоанна митрополиту Макарію пришлось выступить съ древнимъ правомъ русскихъ іерарховъ—печалованіемъ. Право это утвердилось за духовенствомъ вслѣдствіе историческихъ условій. Какъ представитель христіанскаго братолюбиваго и миротворнаго начала, оно взяло подъ свою защиту всѣхъ падшихъ, побѣжденныхъ, ослабѣвшихъ въ борьбѣ съ сильнымъ противникомъ и старалось спасти ихъ съ совершеннаго истребленія. Явившійся вслѣдствіе этого обычай печалованія съ теченіемъ времени какъ бы узаконился и сдѣлался одной изъ прерогативъ какъ всего духовенства вообще, такъ митрополита въ особенности. Наибольшаго развитія обычай печалованія достигъ въ московскій періодъ, такъ какъ великіе князья придавали ему особенное значеніе, видя въ немъ какъ бы награду духовенству за его усердіе въ дѣлѣ собиранія Руси.

Въ 1545 году гнѣвъ царскій разразился надъ прежними врагами митрополита князьями Кубенскими, Горбатымъ, Шуйскимъ, прежнимъ любимцемъ Воронцовымъ и другими; Макарій ходатайствовалъ за нихъ и спустя два мѣсяца послѣ наложенія опалы „государь помиловалъ бояръ своихъ для отца своего Макарія митрополита“ ²⁾.

Какъ естественно было ожидать, съ усиленіемъ царской власти усилилось и значеніе митрополита. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы можемъ даже замѣтить, что Макарій сталъ занимать при Іоаннѣ то же мѣсто, какое Даниилъ занималъ при Василии. Великій князь не рѣшается ни на одно важное дѣло, не посовѣтовавшись предварительно съ митрополитомъ, причемъ боярамъ сообщались только результаты этихъ совѣщаній, какъ конечная воля государя; разумѣется, бояре не взлюбили за это Макарія и, какъ увидимъ, всячески старались повредить ему.

13-го декабря 1546 года семнадцатилѣтній Іоаннъ пригласилъ къ себѣ митрополита, держалъ съ нимъ совѣтъ о женитбѣ и при этомъ сообщилъ, что раньше брака онъ хочетъ по примѣру предковъ

¹⁾ Карамзинъ, VIII, 2—50; такого же мнѣнія и Костомаровъ, Русск. Ист. II, 406.

²⁾ Царств. Кн., 119; Ник. Лѣт., VII, 46.

вѣнчаться на царство ¹⁾. Митрополитъ, по свидѣтельству лѣтописей, вышелъ отъ государя съ лицомъ веселымъ. Ему было чему радоваться: великій князь лично изъявилъ желаніе осуществить на дѣлѣ его идеаль государя; вѣнчавшись, подобно греческимъ императорамъ на царство, онъ освятитъ свою власть священнымъ писаніемъ и историческими примѣрами, вслѣдствіе чего еще болѣе усилитъ ее. На другой день Макарій служилъ молебны въ Успенскомъ соборѣ и вмѣстѣ съ боярами оттуда отправился къ великому князю. Когда они собрались, Іоаннъ вышелъ къ нимъ и обратился къ митрополиту съ рѣчью такого содержанія: помолившись угодникамъ Божиимъ и благословившись у тебя, отца своего, я помыслилъ жениться; сначала думалъ найти жену въ иностранныхъ государствахъ, у какого-нибудь короля или царя, но принявъ во вниманіе то обстоятельство, что послѣ родителей я остался малъ, могу не сойтись нравомъ съ женой иностранкой, и у насъ будетъ дурное житье, я рѣшилъ искать жену въ своемъ государствѣ, „у кого ми Богъ благословитъ по твоему благословенію“. Макарій отвѣтилъ царю, что самъ Богъ внушилъ ему эту мысль и благословилъ жениться, „гдѣ умыслитъ по Божію строенію“. Затѣмъ Іоаннъ далѣе продолжалъ свою рѣчь: раньше чѣмъ жениться, я, какъ наши прародители, цари и великіе князья и сродничъ нашъ Владиміръ Мономахъ, хочу поискать родительскихъ чиновъ и на царство, великое княженіе сѣсть. Слова Іоанна весьма неприятно поразили многихъ бояръ: въ нихъ слышался имъ конецъ всѣхъ ихъ надеждъ и мечтаній; естественно, что они еще болѣе возненавидѣли митрополита, въ которомъ видѣли главнаго совѣтника и руководителя молодаго государя. Объ этой враждѣ сохранилось извѣстіе современника, именно Максима Грека, который говоритъ объ ней въ одномъ изъ своихъ посланій къ Макарію ²⁾. Посланіе это нужно отнести къ 1547—1548 году, такъ какъ Максимъ Грекъ говоритъ въ немъ, что онъ уже 17 лѣтъ лишень причастія, а, какъ извѣстно, онъ былъ осужденъ и заключенъ въ Волоколамскій монастырь въ 1525 г., лишень же причастія только на соборѣ 1531 г. ³⁾. Въ посланіи своемъ Максимъ Грекъ сначала упоминаетъ, иже суть соль землѣ и свѣтъ міру, какъ Петръ, Павелъ и другіе апостолы и равноапостольные архіереи ревнители — такимъ. по его словамъ яв-

¹⁾ Царств. Кн., 127; Ник. Лѣт. VII, 50.

²⁾ Соч. Максима Грека, II, 357.

³⁾ Макарій, Ист. Русск. Церк., VII, 185, 281.

ляется и Макарій: „не мниши, молю тебѣ, ласкательнѣ сіе глаголю, твое преподобство богоугоднѣ и апостолѣнно правяща кормила святыхъ митрополиѣ“. О Макаріѣ много хорошаго сообщили ему нѣкоторые уважаемые люди, и особенно хвалилъ его Акакій, епископъ Тверской (какъ предполагаютъ, родной братъ Іосифа Волоцкаго); онъ говорилъ, что Макарій своею тихостью и кротостью „предложилъ есть воставленное не прежде многихъ лѣтъ отъ нѣкихъ недоброискусныхъ на свою церковь лютейшее сопротивленіе и непохвальное разстройство“. Затѣмъ просить Бога продлить правленіе Макарія, чтобъ онъ продолжалъ учить царя и совѣтовать ему, а тотъ принимать его совѣты и исполнять на дѣлѣ. Далѣе сравниваетъ Макарія съ Златоустомъ: онъ, какъ и великій архіепископъ Константинопольскій, „доблественнѣ терпитъ противящихся безумно его, яже по Возѣ, ревности“; его враги—„нѣкіе недобрые, противящіеся твоимъ (Макарія) наставленіямъ воздадутъ всяко слово страшному судіи по писанію: слушащій васъ меня слушаетъ, а отменяяйся васъ отменяется и пославшаго меня“. Наконецъ совѣтуетъ твердо и стойко продолжать свое дѣло, не бояться ни чьихъ угрозъ, а если нужно будетъ, претерпѣть изъ-за него все, что бы ни было.

Такимъ образомъ изъ этого посланія Максима Грека видно, что дѣятельность Макарія въ разсматриваемый періодъ царствованія Іоанна была весьма сочувственно принимаема лучшими русскими людьми этого времени. Мнѣніе Максима Грека о Макаріѣ тѣмъ болѣе для насъ важно, что онъ, какъ извѣстно, во многихъ вопросахъ расходился съ Макаріемъ и болѣе тяготѣлъ къ партіи Заволжскихъ старцевъ, чѣмъ къ Іосифлянамъ, которыми и былъ осужденъ въ 1531 году.

Черезъ мѣсяцъ послѣ сообщенія великимъ княземъ предпринятаго имъ намѣренія оно было приведено въ исполненіе. Іоаннъ былъ вѣнчанъ митрополитомъ на царство въ Успенскомъ соборѣ при слѣдующей торжественной обстановкѣ. Среди собора были устроены два мѣста для царя и митрополита, на которыя они сѣли послѣ молебна, при этомъ и была совершена главная часть всего церемоніала: митрополитъ взялъ вѣнецъ, золотую цѣпь и бармы Мономаха и возложилъ на Іоанна. Въ это время онъ произносилъ краткую молитву, въ которой просилъ даровать нововѣнчанному царю ужасъ для строптивыхъ и милостивое око для послушныхъ. Послѣ многолѣтія митрополитъ поздравилъ царя, при чемъ произнесъ слѣдующія слова: „радуйся и здравствуй православный царю Иване, всея Русіи самодер-

жець, на многа лѣта“¹⁾. Затѣмъ поздравляли царя всѣ присутствовавшіе. Недѣли три спустя послѣ вѣнчанія на царство великій князь выбралъ себѣ невѣсту, Анастасію Романовну, и Макарій вѣнчалъ ихъ въ томъ же Успенскомъ соборѣ 3-го февраля. При этомъ онъ произнесъ обширное и весьма краснорѣчиво и толково составленное поученіе²⁾. Въ немъ онъ прежде всего наставляетъ новобрачныхъ въ обязанностяхъ обще-христіанскихъ—любить судъ, правду и милость ко всѣмъ, ходить въ церковь, посѣщать монастыри, почитать священнической и мнишеской чинъ и т. д.; затѣмъ наставляетъ въ обязанностяхъ собственно царскихъ: жаловать бояръ и боярынь, за всѣхъ христіанъ стоять, защищать обиженныхъ и, наконецъ, въ послѣдней части—въ обязанностяхъ супружескихъ.

Вскорѣ послѣ бракосочетанія начались извѣстные Московскіе пожары: 21-го іюня огонь въ числѣ прочихъ зданій истребилъ митрополичій дворецъ; въ тотъ же день Макарія, какъ онъ самъ говоритъ въ духовной³⁾, „многія скорби постигли отъ великаго пожара“. Когда огонь показался уже въ Кремлѣ, и началъ горѣть Успенскій соборъ, Макарій самоотверженно бросился туда спасать церковныя святыни и едва не задохся отъ дыма; однако успѣлъ спасти икону Богородицы, написанную митрополитомъ Петромъ, да правила Кипріана, которыя несъ за нимъ протопопъ Гурій. Двое провозатыхъ митрополита Татищевъ и Жителевъ погибли на площади; самъ Макарій едва успѣлъ уйдти въ городъ чрезъ тайникъ (подземный ходъ), проведенный къ Москвѣ рѣкѣ, но и тамъ отъ жара и дыма нельзя было оставаться. Его стали спускать на ужищѣ (канатѣ) на взрубъ къ рѣкѣ, но канатъ лопнулъ, митрополитъ упалъ и сильно расшибся такъ что полуживой былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь⁴⁾.

Въ это время царь, которому, по его собственнымъ словамъ, „вошелъ страхъ въ душу и трепеть въ кости“, выѣхалъ изъ Москвы въ село Воробьево, откуда на другой день отправился навѣстить больнаго митрополита. Здѣсь въ кельяхъ Макарія царской духовникъ Ѳедоръ Барминъ и нѣсколько бояръ стали утверждать, что Москва сгорѣла отъ волшебства. Царь велѣлъ учинить розыскъ, который окончился бунтомъ народа, возбужденнаго противниками Глинскихъ; дядя

¹⁾ Царств. Кн.—133, Никон. Л.—VП 52, Дополн. къ А. И. I, 41

²⁾ Доп. къ А. И. 1—53, *Карамзинъ*, VІІІ гл. III, прим. 165.

³⁾ Ист. Акт. 1—172.

⁴⁾ Царств. Кн. 238, Ник. л. VП—57.

государевъ, князь Юрій, былъ убитъ въ Успенскомъ соборѣ, и толпы народа являлись даже въ Воробьево къ самому царю съ требованіемъ выдачи Глинскихъ. Все это страшно напугало Глинскихъ и ихъ родственниковъ, такъ что князь Михаилъ Глинскій и кн. Турунтай Пронскій хотѣли даже бѣжать въ Литву, но были пойманы своимъ врагомъ кн. П. Шуйскимъ. Побѣгъ свой они оправдывали тѣмъ, что будто бы отъ страха, явившагося вслѣдствіе княжъ Юрьева убійства, поѣхали молиться и съѣхали съ дороги; великій князь повелѣлъ ихъ вину сыскать и только для отца своего Макарія митрополита, давшего за нихъ поручительныя грамоты, ихъ пожаловалъ, вину ихъ отдалъ, „за неже тотъ бѣгъ учинили отъ неразумія, обложася страхомъ Юрьева убійства великаго“¹⁾.

Справедливо замѣтилъ царь, что по неразумію испугались Глинскій и Пронскій: новые перевороты были уже невозможны, и послѣдняя вспышка бояръ успѣла только окончательно убѣдить Іоанна въ ихъ несправимости; онъ рѣшилъ обратиться прямо къ народу и посредниками между собой и имъ поставилъ людей изъ низшаго званія и дотолѣ совсѣмъ неизвѣстныхъ, Сильвестра и Адашева.

Въ это время Іоаннъ обратилъ вниманіе на положеніе государства, „на великую тоску и печаль“, которыя въ немъ господствовали отъ неустроенія и постоянныхъ смуть. Все это онъ приписалъ насиліямъ „сильныхъ“, боярамъ, и постановилъ торжественно предъ всѣмъ народомъ оправдать себя и обвинить ихъ. Предварительно онъ обратился къ митрополиту и, по всей вѣроятности, совѣтовался съ нимъ о средствахъ, какія нужно употребить къ уничтоженію крамоль и раззоренію неправдъ. Были призваны въ Москву выборные земли русской²⁾, и, когда они съѣхались и собрались въ одинъ воскресный день на Лобномъ мѣстѣ, царь вышелъ къ нимъ и обратился къ митрополиту съ слѣдующими словами: „Молю тебя, святой владыко, да будеши помощникъ намъ и любви поборникъ. Вѣмъ блага дѣла и любви желатель еси“. Послѣ этихъ словъ говорилъ о своемъ дѣтствѣ, о нерадивомъ воспитаніи; какъ бояре, пользуясь его молодостью, властвовали и упражнялись во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и оби-

¹⁾ Царств. Кн. 144 Ник. Лѣт. VII—60; поручительныя грамоты князей Пронскаго и Глинскаго помѣщены въ *Продолж. Древн. Русской Визіюевки* VII—22 и 45.

²⁾ *Карамзинъ* VIII, III стр. 62; о земскомъ соборѣ ст. *И. Жданова въ Истор. Вѣстн.* 1870—2—297

дахъ. „О неправедные лихоимцы и хищницы и неправильный судъ по себѣ творяще! Что нынѣ намъ отвѣтъ дасте, иже многія слезы на ся воздвигосте? Азъ же чистъ отъ крове сія; ожидайте воздаянія своего“. Затѣмъ, поклонившись на всѣ четыре стороны, прибавилъ, что всѣхъ обидъ, раззореній и налоговъ исправить теперь невозможно; пусть стараются сами оставлять другъ другу вражды и тяготы, исключая важныя дѣла и инныя съ сего времени, въ которыхъ онъ самъ будетъ судья и оборона. Въ этой рѣчи очевидно вліяніе митрополита, любви поборника и желателя“, что подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что эта рѣчь помѣщена только въ одномъ изъ списковъ Степенной книги, изданной подъ редакціей Макарія.

Съ этого времени въ царствованіи Іоанна замѣчается особенно энергическая дѣятельность правительства, совершаются великія политическія дѣла, производятся важныя внутреннія реформы; во всемъ этомъ принималъ участіе митрополитъ Макарій, и мы приступимъ теперь къ изложенію его дѣятельности въ этомъ лучшемъ періодѣ правленія Іоанна IV.

IV

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ шестнадцатаго столѣтія совершилось одно изъ важнѣйшихъ событій царствованія Іоанна, покореніе Казанскаго царства. Хотя событіе это было подготовлено предшествовавшей эпохой, однако окончательное его выполненіе стоило не малыхъ усилій Московскому царству. Къ числу ревностныхъ поборниковъ и защитниковъ войны противъ Казани принадлежалъ митрополитъ Макарій: это можно заключить изъ того участія, которое принималъ онъ во всѣхъ стадіяхъ войны и которое обнаружилъ во всѣхъ грамотахъ и рѣчахъ, писанныхъ и произнесенныхъ по ея поводу. Такая дѣятельность его во время войны была результатомъ глубоко сознанный пользы для Россіи, истекающей изъ покоренія Казани, пользы какъ въ политическомъ такъ и въ религіозномъ отношеніи. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ называетъ войну противъ Казани „земскимъ дѣломъ, подвижничествомъ за благочестіе и за порученную государю отъ Бога паству противъ супостатъ безбожныхъ Казанскихъ Татаръ, всегда неповинно проливающихъ христіанскую кровь и оскверняющихъ святыя церкви“¹⁾; воевать противъ Казани значить

¹⁾ Ник. Лѣт. VII—67. 74,

подвизаться за святія Божія церкви и за всѣхъ православныхъ христіанъ, неповинно въ плѣнъ веденныхъ и расхищенныхъ и всенеческими обидами отъ нихъ томимыхъ и многообразными страстьми оскверненныхъ, за вѣру христіанскую греческаго закона, противъ которой змій лютый, діавольъ воздвигаетъ поганыхъ Крымскаго и Казанскаго царей ¹⁾); въ другомъ мѣстѣ онъ наставляетъ царя стоять за святія церкви, вѣру православную, за свою царскую великую обиду и за отечество и т. д. ²⁾).

Еще въ 1548 году великій князь, посовѣтовавшись съ митрополитомъ и боярами, рѣшилъ ийти противъ Сафа Гирея, но походъ этотъ кончился неудачно ³⁾. Во второй разъ отправился Іоаннъ въ походъ въ 1550 г. послѣ смерти Сафа Гирея, когда крымская партія провозгласила ханомъ двухлѣтняго сына его Утемыша. Царь, „совѣтъ согворивъ съ отцемъ своимъ Макаріемъ и съ братьею своею и бояры“, отправился 24-го ноября изъ Москвы во Владиміръ. Тутъ, какъ видно, начались между воеводами обычные мѣстническіе споры, вслѣдствіе чего великій князь послалъ въ Москву окольниковъ Квашнина за Макаріемъ, съ тѣмъ чтобы тотъ, явившись во Владиміръ, уладилъ эти споры. Митрополитъ отправился туда съ Саввой епископомъ Крутицкимъ; благословивъ царя и все войско, обратился съ рѣчью къ воеводамъ, князьямъ и боярамъ, въ которой онъ убѣждалъ слушателей служить государю съ усердіемъ и сердечнымъ хотѣніемъ, забыть гордость, рознь и мѣстничество, а „буде кому съ кѣмъ непригоже быти отечества ради на брани противу враговъ, вы бѣ то въ забвеніе положили, а государево дѣло земское дѣляли, не яростною мыслію взирая другъ на друга, но любовью. А когда вернетесь съ государева дѣла, и кто захочетъ съ кѣмъ счестись о отечествѣ, то тому государь счетъ дастъ“ ⁴⁾. Совѣты и увѣщанія митрополита воеводы выслушали, но на дѣлѣ ихъ не исполнили, и походъ кончился неудачно; всѣ успѣхи ограничились только заложениемъ Свіязска въ 30 верстахъ отъ Казани. Отправляя воеводу строить этотъ городъ, царь опять обратился за благословеніемъ къ митрополиту. Явившись въ Успенскій соборъ и помолившись тамъ, Іоаннъ сообщилъ Макарію свои намѣренія и попросилъ его со всѣмъ соборомъ

¹⁾ Ibid. VII—131.

²⁾ Ibid. 139.

³⁾ Ibid., 60.

⁴⁾ Никон. Лѣт., VII, 67, 68; Царств. Кн., 115.

и по всѣмъ церквамъ молиться, чтобы Христосъ избавилъ „бѣдное христіанство отъ работы и отъ бесерменскихъ мученій“. Митрополитъ отвѣтилъ нѣсколькими словами, въ которыхъ выразилъ ту мысль, что государю подобаетъ, возложивъ надежду на Бога, подвизаться за благочестіе и народъ, а богомольцамъ государевымъ слѣдуетъ молить Бога, да ниспошлетъ ему помощь и утверженіе¹⁾).

Свіяжскъ былъ построенъ, но спустя два года послѣ его основанія, въ мартѣ и апрѣлѣ 1552 года, стали приходиться оттуда въ Москву дурныя вѣсти: покоренные раньше горные Черемисы измѣнили, соединились съ Казанцами и даже разбили отрядъ казаковъ; въ войскѣ свирѣпствуетъ цынга, и много людей уже померло; кромѣ того въ немъ явились многія безчинія: „бриту накладующе на браны своя, женамъ угодіе творяще“, сильно распространился развратъ и другія послѣдствія близкаго сосѣдства съ Татарами. Всѣ эти обстоятельства заставили царя обратиться за совѣтомъ къ митрополиту; Макарій посовѣтовалъ перенести мощи изъ Благовѣщенскаго собора въ Успенскій, святить съ нихъ воду, пѣть по всѣмъ церквамъ молебны, обойти крестнымъ ходомъ городъ, въ Свіяжскъ послать поученіе, самимъ же всѣмъ жить по заповѣдямъ, „да не прогнѣваемъ владыки своего“. Царю очень понравился этотъ совѣтъ и онъ поспѣшилъ его выполнить: „приходятъ царь и святитель вмѣстѣ въ церковь Благовѣщенія, вынимаютъ мощи святыхъ изъ сосудовъ, полагаютъ на блюдо и несутъ на главахъ въ соборную церковь; въ ней молебныя службы совершаютъ и святятъ воду со всѣхъ мощей“²⁾. Затѣмъ царь и митрополитъ выбрали протопопа Архангельскаго Тимофея, „мужа изрядна и научена богодуховенному писанію“, и отправили его въ Свіяжскъ со святой водой и посланіемъ Макарія къ войску и жителямъ. Въ этомъ весьма обширномъ посланіи³⁾ Макарій сначала упоминаетъ о благословеніи Божиемъ къ Россіи за вѣру, моленіе, подвигъ и упованіе боголюбиваго и челоуѣколюбиваго царя нашего Ивана и молитвы святителей и всѣхъ христіанъ: построенъ новый градъ Свіяжскъ, покорилось царство Казанское, освобождено было множество плѣнниковъ: крымскій ханъ, ногайскіе князья и многія орды, литовскіе нѣмецкіе короли стараются жить съ государемъ въ мирѣ и любви; грады и страны русскіе мирны быша, и со мно-

¹⁾ Никои. Лѣт., VII, 75; Царствъ Кн., 163

²⁾ Царствъ. Кн., 209; Никои. Лѣт., VII, 137.

³⁾ Царствъ. Кн., 210 и пр.; Ник. Лѣт., VII, 108 и сл.

гихъ странъ цари и царевичи, князья, мурзы, сеиты и уланы своею волей приходили служить нашему царю; за всѣ таковыя благодѣянія можно отблагодарить Бога только точнымъ соблюденіемъ заповѣдей. А о свѣжскихъ жителяхъ и войскѣ даже до царя доходятъ слухи, что они отвергли страхъ Божій и уклонились въ страсти безчестія. За эти преступленія Господь и караетъ ихъ теперь различными казнями, смертоносіемъ и потопленіемъ. Пусть они поспѣшатъ покаяться, а то отъ царя имъ будетъ великая опала и отъ церкви отлученіе.

Лѣтописецъ говоритъ, что посланный Макаріемъ Тимофей успѣшно выполнилъ всѣ данныя ему порученія и, встрѣтивъ на обратномъ пути государя во Владимірѣ, сообщилъ ему, что благодаря государевой вѣрѣ и молитвамъ отца и богомольца государева Макарія, „перестала болѣзнь и унялъ Богъ смерти“¹⁾.

Царь, по совѣту Макарія²⁾ рѣшился на новый походъ противъ Крыма и Казани и 16-го іюня выѣхалъ изъ Москвы въ Коломну. Передъ выѣздомъ, прощаясь съ Макаріемъ, онъ поручилъ ему беречь все царство, поучать брата Юрія на благодарныя дѣла и наказывать во всемъ оставшихся бояръ, особенно же просилъ поберечь во всемъ въ то время беременную царицу Анастасію³⁾.

Еще на пути въ Коломну царю донесли, что идетъ много Крымцевъ и что они перешли уже сѣверный Донецъ; въ Коломнѣ Іоаннъ объявилъ собравшимся войскамъ, что если придетъ ханъ крымскій, то онъ „умыслилъ дѣлать съ нимъ прямое дѣло“. Тогда же онъ отправилъ къ митрополиту посланіе⁴⁾, въ которомъ сообщаетъ о своемъ прибытіи въ Коломну, движеніи Крымцевъ, что онъ ожидаетъ хана безъ страха, надѣясь на благость Всевышняго и молитвы Макарія. 21-го іюня царь узналъ, что ханъ напалъ на Тулу, но былъ отбитъ и бѣжалъ, услышавъ о приближеніи большаго войска. Такимъ образомъ нечего было болѣе опасаться крымскаго хана, и Іоаннъ рѣшилъ отправиться прямо на Казань, куда онъ и повелъ войско черезъ Владиміръ и Муромъ; объ этомъ новомъ походѣ онъ также извѣстилъ митрополита въ посланіи⁵⁾, отправленномъ въ Москву вмѣстѣ съ Яковлевымъ, который былъ посланъ съ вѣстью о бѣгствѣ хана.

1) Царств. Кн., 237

2) Ibid., 223; Ник. Лѣт., VII, 119.

3) Царств. Кн., 122.

4) Ibid., 223; Ник. Лѣт., 119.

5) Царств. Кн., 226

Въ Муромѣ царь получилъ отъ митрополита отвѣтъ на свое первое посланіе. Въ немъ ¹⁾ Макарій послѣ обычнаго благословенія совѣтуетъ твердо стоять противъ безбожныхъ Татаръ, просить царя, брата его, всѣхъ вельможъ и воинство пребывать въ чистотѣ, послушаніи, сохранить себя отъ гордости, пьянства, душевнаго и тѣлеснаго падеція и не считать эти грѣхи незначительными. Преимущественно предостерегаетъ отъ всѣхъ этихъ грѣховъ самбо Іоанна, ибо отъ нихъ падали даже великіе праведники, какъ Самсонъ, Давидъ, Соломонъ и другіе; затѣмъ, обѣщавъ оставшимся въ живыхъ прощеніе прежнихъ грѣховъ, и убитымъ за святыя церкви и христіанскую вѣру православную мученическіе вѣнцы, опять обращается къ Іоанну и настойчиво проситъ его соблюдать слѣдующія четыре добродѣтели: храбрость, мудрость, правду, цѣломудріе. Объ этомъ посланіи Карамзинъ отзывается, что оно писано съ лаской друга и съ ревностью церковнаго учителя. Самъ Іоаннъ былъ очень доволенъ этимъ посланіемъ: „внутриду на скрыжалѣхъ сердца своего его написахъ“, велѣлъ прочитать брату и всѣмъ воеводамъ и поступать по нему. Въ отвѣтной грамотѣ царь сообщаетъ, что выйдетъ изъ Мурома 20-го іюля, проситъ молитвъ объ успѣхахъ и о сохраненіи царства, порученнаго Богомъ „тебѣ и намъ“. Изъ Мурома Іоаннъ черезъ Свіяжскъ двинулся къ Казани и началъ ея осаду. Незадолго до окончательнаго штурма царь получилъ вторую грамоту отъ митрополита.

По словамъ Софійскаго Вѣстника митрополитъ всѣми силами старался отговорить царя отъ личнаго участія въ походѣ, хотя изъ посланій Макарія это вовсе не истекаетъ. Еще изъ Коломны царь увѣдомилъ митрополита, что ему „безъ сумнѣнія“ нужно идти на казанскаго царя. Лѣтописецъ говоритъ, что узнавъ объ этомъ рѣшеніи великая княгиня и князь Юрій „огорчишася и исполнишася слезъ многихъ, плачущи на многій часъ; такожь и митрополитъ, имѣя тшу велію о великаго князя хоженіи и абіе скоро прииде къ великой княгинѣ и утѣшася ю словеса духовными, елико же святителю подобаетъ душеполезная глаголати“. Вскорѣ, по словамъ лѣтописца, митрополитъ и великая княгиня послали грамоту къ великому князю, прося скорѣе возвратиться въ царствующій градъ, онъ же не послушалъ ихъ и дѣлалъ, что хотѣлъ ²⁾.

¹⁾ Ibid., 234; Ник. Лѣт., 127.

²⁾ Соф. Врсм., II, 404, 405.

Грамота, о которой говорить лѣтописецъ, намъ неизвѣстна, а въ сохранившемся посланіи, которое именно было писано, когда Макаріи узналъ о движеніи царя къ Казани, нѣтъ даже намека о просьбахъ митрополита вернуться назадъ. Въ немъ ¹⁾ онъ побуждаетъ Іоанна нанести окончательный ударъ Казани, которую называетъ достоиніемъ государевыхъ прародителей ²⁾. Въ Москву вѣроятно дошли слухи о мирныхъ переговорахъ Іоанна съ Казанцами, что крайне встревожило Макарія. Онъ пишетъ: „Ты убо, государь, предъ ними окаянными оправдася и смирися, забы ихъ злобу и окаянство и кривду ихъ, како убо они послѣ отца твоего православіе наше много лѣтъ угѣсняли“. Затѣмъ напоминаетъ Іоанну, какъ они просили царя и какъ даннаго имъ царя сами же хотѣли убить и заставили бѣжать въ Касимовъ. Нынѣшній же царь ихъ разбойникъ, хищникъ, богоборецъ. Ты, государь, не унывай, двигни своей крѣпкой десницею; изыди, государь, противу ю вскорѣ, изыди, Богъ ти будетъ помощникъ!

Эту грамоту привезъ царю митрополичій бояринъ Плещеевъ; вмѣстѣ съ нимъ Макаріи отправилъ благословеніе — образъ Успенія и святую воду отъ раки митрополита Петра.

Царь не успѣлъ отвѣтить на посланіе, такъ какъ на слѣдующій день Казань была взята, нужно было позаботиться объ устройствѣ новыхъ владѣній; кромѣ того царь, спустя недѣлю послѣ взятія Казани, выѣхалъ изъ нея и 29-го октября уже въѣзжалъ въ Москву. Почти все населеніе Москвы вышло ему на встрѣчу. У Срѣгненскаго монастыря ожидалъ царя митрополитъ, явившійся туда съ крестами и со множествомъ духовенства. Подѣхавъ къ монастырю, Іоаннъ подошелъ къ Макарію подѣ благословеніе и произнесъ краткую рѣчь, въ которой всѣ успѣхи свои приписалъ молитвамъ Макарія. — „И я тебѣ отцу своему и богомольцу и всему освященному собору съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и всемъ войскомъ за ваши труды и молитвы, потому что вашими молитвами Богъ сдѣлалъ такія великія чудеса, много челомъ бьемъ“ ³⁾, и при этихъ словахъ со всѣмъ войскомъ поклонился предъ нимъ до земли. Затѣмъ обратился съ просьбою молиться о строеніи земскомъ и о водвореніи христіанства въ

¹⁾ Полн. Собр. Лѣт., VI, 308.

²⁾ Общее мнѣніе было, что древніе русскіе великіе князья владѣли и даня брали по Волгѣ, Хвалынскому морю и Камѣ (Нак. Лѣт., VII, 229).

³⁾ Царств. Кн., 324.

новозавоеванномъ царствѣ. Отвѣтная рѣчь митрополита была очень удачна, особенно если обратить вниманіе на то, что она не могла быть приготовлена раньше. Макарій прославляетъ Бога и царя, восхваляетъ его рѣру, чистоту, храбрость, сравниваетъ съ Константиномъ, Владиміромъ, Дмитріемъ Донскимъ, Александромъ Невскимъ, ставитъ его дѣла выше ихъ дѣлъ и оканчиваетъ такъ: „и тебѣ царю, государю благочестивому, за твои труды съ освященнымъ соборомъ и со всѣми православными христіанами челомъ бьемъ“ и, какъ прежде Іоаннъ, поклонился ему со всѣми святителями, боярами и народомъ. 8 го ноября Іоаннъ далъ торжественный обѣдъ всѣмъ саповникамъ и щедро всѣхъ наградилъ.

Такъ палъ послѣдній татарскій оплотъ противъ Россіи со стороны востока; вскорѣ безъ особенныхъ усилій покорено было царство Астраханское, и все теченіе Волги оказалось въ предѣлахъ Россіи. Подъ властью православнаго русскаго царя явились сотни тысячъ магометанъ и язычниковъ; миссіонерской дѣятельности русскаго духовенства открылись обширныя новыя страны; вмѣстѣ съ тѣмъ ему необходимо было заботиться о духовно-правственной поддержкѣ своихъ собственныхъ колонистовъ, которые въ большомъ количествѣ устремились въ плодородныя приволжскія и придонскія области. И вотъ усердно строятся новыя церкви и монастыри—основанія будущихъ русскихъ городовъ, поставляются священники, тысячами обращаются въ христіанство Татары и язычники. Еще до взятія Казани, въ первой русской колоніи Свіяжскѣ прежде всего явилось пѣскольکو церквей, и Макарій уже называетъ Свіяжскую область новопросвѣщенною отъ тмы въ свѣтъ, отъ невѣрія въ православіе. Первымъ дѣломъ побѣдителей послѣ взятія Казани было заложеніе въ ней церкви. Въ январѣ 1553 года, слѣдовательно черезъ два мѣсяца послѣ взятія Казани, митрополитъ Макарій крестилъ въ Чудовомъ монастырѣ Утемышъ-Гирея, названнаго Александромъ ¹⁾. Въ томъ же мѣсяцѣ взятый въ плѣнъ царь казанскій Едигеръ-Махмедъ билъ челомъ митрополиту, прося ходатайствовать за него передъ царемъ, далъ бы ему государь животь и за грубость казнить не велѣлъ и позволилъ бы ему креститься ²⁾. Макарій, по словамъ лѣтописца, посылалъ къ нему архимандритовъ и игуменовъ узнать, не по нуждѣ ли онъ желаетъ креститься и, только получивъ „съ клятвою“ отрицательный отвѣтъ,

¹⁾ Ник. Л. VII, 198.

²⁾ Ник. Л. VII, 199.

билъ за него челомъ великому князю; государь „очи свои ему велѣлъ видѣти и креститься поволитъ“. Едигера крестилъ самъ Макаріи и далъ ему имя Симеона.

Въ 1555 году созванъ былъ въ Москвѣ соборъ, на которомъ рѣшено было поставить въ Казань епископа. На содержаніе его была назначена $\frac{1}{10}$ часть всѣхъ казенныхъ доходовъ Казанской земли, а на первыхъ порахъ должны были „пособствовать“ Казанскому владыкѣ деньгами и хлѣбомъ митрополитъ, всѣ епископы и монастыри ¹⁾. Крѣмъ хлѣба по монастырямъ брали и „книги пѣвчи“. Въ епископы новой епархіи выбирали по жребію, и въ первый разъ жребій выпалъ на Селижаровскаго игумена Гурія, постриженника Іосифа Волоцкаго ²⁾. Въ маѣ 1555 года новый владыка отправился уже въ свою епархію. Поставляли и провожали его съ необыкновенною пышностью: самъ царь и митрополитъ проводили его при выѣздѣ за Флоровскія ворота ³⁾; этимъ, какъ видно, хотѣли возвысить новаго епископа въ глазахъ Татаръ. Царь и митрополитъ дали Гурію „память“—наказъ, какъ дѣйствовать во вновь присоединенныхъ областяхъ. Навазъ этотъ весьма замѣчательнъ по возрѣнію составителей на миссіонерское дѣло; кромѣ того важнъ для характеристики Макарія, такъ какъ въ его гуманныхъ и истинно-христіанскихъ наставленіяхъ нельзя не видѣть личныхъ убѣжденій самого митрополита. Гурію предписывалось крестить любовью, а не страхомъ, крестящихся держать у себя, поучать ихъ закону Христову и покоить, крестившихся же часто приглашать къ трапезѣ и угощать, даже некрещенныхъ угощать и покоить, говорить съ кротостью и приводить къ христіанству тихою и умиленною бесѣдой. За всѣхъ провинившихся печаловаться передъ гражданскими судьями; если же пожелають креститься, то не выдавать воеводамъ; для того чтобы снискать расположеніе жителей Казани наказъ совѣтуетъ брать на поруки осужденныхъ на казнь, печаловаться за нихъ передъ государемъ, а за неважныхъ преступниковъ ходатайствовать предъ властями, даже если бы никто и не просилъ объ этомъ ⁴⁾. Изъ письма Іоанна къ Гурію ⁵⁾ видно, что Макаріи и самъ царь находились съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ до его смерти, послѣдовавшей въ 1563 году.

¹⁾ Ibid.; 233.

²⁾ *Лит. Р. Л.*, изд. *Тихомирова*, V 143.

³⁾ *Ник. Л.* 246.

⁴⁾ *Ак. Эксп.*, № 241.

⁵⁾ *Карамзинъ*, т. LX, пр. 815.

Въ память покоренія Казани былъ построенъ знаменитый соборъ въ честь Покрова Богородицы. Онъ освященъ былъ Макаріемъ въ 1555 году; кто былъ главный его зодчій, неизвѣстно, но можно предполагать, что идея его и ея выполненіе принадлежали Макарію. Онъ самъ, какъ свидѣтельствуется лѣтописецъ, былъ художникъ ¹⁾, и въ Новгородѣ въ Софійскомъ соборѣ работы производились по его начертаніямъ. Нельзя ли видѣть и въ Покровскомъ соборѣ ту идею, которая проходитъ чрезъ всѣ произведенія Макарія, — идею объединенія Руси, выраженную въ формѣ соединенія въ одно цѣлое всѣхъ стилей церковной архитектуры, практиковавшихся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи?

Покореніе Казани развязало руки Московскому великому князю, и онъ могъ безпрепятственно обратить свое вниманіе на западныхъ своихъ сосѣдей, на побережье Балтійскаго моря и на свою извѣстную отчину — Кіевъ, Полоцкъ, Волынь и другія, захваченныя Литвой западно-русскія области. И до этого времени отношенія Іоанна къ Литвѣ и Польшѣ были не совсѣмъ нормальны. Перемиріе, заключенное въ 1537 году на пять лѣтъ, въ 1542 году было продолжено на семь лѣтъ, а въ 1549 году еще на пять лѣтъ. Окончательный миръ не былъ заключенъ вслѣдствіе постоянныхъ споровъ по поводу царскаго титула. Въ 1552 году Виленскій епископъ Павелъ и два брата Радзивиллы, Янъ и Николай, по старому обычаю при сношеніяхъ Литвы съ Москвою, отправили къ митрополиту и двумъ старшимъ боярамъ, Ивану Шуйскому и Данилу Романовичу Юрьеву, Яна Гайко съ грамотою, въ которой просили бить челомъ государю, чтобъ похотѣлъ съ ихъ государемъ добраго согласія и вѣчнаго мира и отправилъ бы въ Литву съ этой цѣлью посольство ²⁾. Митрополитъ вмѣстѣ съ боярами принялъ посла въ своемъ домѣ въ присутствіи трехъ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ. При спрашиваньи о здоровьи митрополитъ сидѣлъ, а бояре стояли. Затѣмъ Гайко подходилъ къ рукѣ митрополита, а къ боярамъ не подходилъ и въ свою очередь спрашивалъ о здоровьи и при этомъ, отступивши немного, челомъ билъ. На грамоту литовскихъ пановъ митрополитъ, послѣ совѣщанія съ Іоанномъ, отвѣтилъ, что дѣла государскія земскія къ нему не относятся, а въ грамотѣ говорится только о государскихъ

¹⁾ Ник. Лѣт. VII, 238.

²⁾ Ник. Лѣт. VI, 205.

дѣлахъ, о церковныхъ же не упоминается. Господину и сыну своему, царю и великому князю, если Богъ дастъ, по времени напоминать и наводить его на то, чтобы разлитія крови христіанкой не было. Такимъ образомъ посольство Гайко кончилось неудачно.

Въ 1555 г. король Сигизмундъ-Августъ прислалъ Юрія Тишкевича поздравить царя со взятіемъ Астрахани. На аудіенціи Юрій, пожелавъ отъ имени короля, чтобъ надъ всѣми бусурманскими государями Богъ руку царя возвысилъ, просилъ у Іоанна дозволенія быть у митрополита, „чтобъ велѣлъ ему митрополитъ быть у себя наединѣ“ ¹⁾. Самъ Тишкевичъ былъ Русскій, православнаго исповѣданія, но кромѣ благословенія онъ хотѣлъ попросить у Макарія ходатайства передъ Іоанномъ. Царь согласился исполнить его желаніе и послалъ къ Макарію объявить о днѣ, назначенномъ для аудіенціи; кромѣ того, приказалъ приготовить столовую палату, въ которой будетъ происходить свиданіе, прибрать все на дворѣ, а при свиданіи чтобъ присутствовали всѣ находящіеся въ Москвѣ владыки и архимандриты, и чтобъ было у него все, какъ слѣдуетъ, чиновно. Принималъ посла митрополитъ по тому же церемоніалу, по какому принималъ и царь. Прежде всего Макарій освѣдомился о вѣроисповѣданіи Тишкевича, и тогда далъ ему наставленіе о вѣрѣ и благословилъ. Свиданій было три: Тишкевичъ на нихъ сообщалъ митрополиту, что въ Литвѣ живутъ христіане греческаго закона, особенно по рубежамъ, всѣ они скорбятъ объ усобицѣ между государями и теперь ожидаютъ кровопролитія. Безъ приказа, а отъ себя, для христіанскаго закона и вѣры, просить уговорить Іоанна отправить посольство къ королю, съ тѣмъ, чтобы заключить вѣчный миръ. Относительно польскихъ пановъ говорилъ, что они, не радѣя о христіанствѣ, желаютъ войны съ Москвой и пословъ въ Москву не отправляютъ. Митрополитъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ бить челомъ государю, такъ какъ ни приказа, ни письма отъ литовскаго короля съ Тишкевичемъ нѣтъ, и онъ говорилъ только отъ себя; главная же причина войны, по его мнѣнію, непризнаніе царскаго титула.

Перемиріе, заключенное въ 1549 г. на пять лѣтъ, кончалось. Опять Виленскій епископъ Павелъ и воевода Никололай Радзивиллъ посылаютъ, чрезъ какого-то торговаго человѣка Дамешку, грамоту къ митрополиту и къ князю Шуйскому, въ которой просятъ ходатайствовать о продолженіи перемирія. Какъ и Тишкевичъ, посольство гово-

¹⁾ Ник. Л VII, 229.

риль, что явился тайно, потому что польскіе паны хотятъ войны. На посельскія рѣчи митрополитъ говорилъ, что онъ, видя радѣніе епископа и всеоды, какъ пастырь добрый, беретъ склонить царя къ миру. Царь дѣйствительно вскорѣ согласился начать мирныя переговоры, и Макарій извѣстилъ объ этомъ епископа и воеводу чрезъ дьяка своего Савлука Тургенева, съ которымъ также послана была и опасная грамота для литовскихъ пословъ. Тургеневаъ вернулся въ ноябрѣ 1556 года и сообщилъ, что бискупъ Павелъ умеръ, а воевода чрезъ него написалъ, что послы уже отправились и будутъ въ Москвѣ около Рождества. Послы прѣѣхали, и переговоры пошли успѣшно, такъ что перемиріе было продолжено на шесть лѣтъ.

Въ 1558 году началась Ливонская война, результатомъ которой было распаденіе Ливоніи и подданство магистра Кетлера Польшѣ. Такимъ образомъ явилась новая причина несогласій между Москвой и Польшей, которую никакъ не могли уладить, а между тѣмъ срокъ перемирія исходилъ. Іоаннъ пытался рѣшить дѣло мирно посредствомъ женитьбы на одной изъ сестеръ Сигизмунда-Августа. Но сестра короля была родной племянницей Александра, женатаго на теткѣ Іоанна, и такимъ образомъ приходилась ему родственницей, вслѣдствіе чего онъ обратился къ Макарію. Митрополитъ сказалъ, что хотя король и въ сватовствѣ съ нимъ, царемъ, но церковь не запрещаетъ сочетаться бракомъ въ шестомъ колѣнѣ. Бракъ однако не состоялся, такъ какъ король не соглашался уступить Ливонію.

Положеніе дѣлъ было крайне тягостно для обѣихъ сторонъ, особенно въ 1562 г., когда кончился срокъ перемирія. Литовскіе вельможи опять обратились съ просьбами къ митрополиту ходатайствовать у Іоанна о продленіи мира. Новымъ въ ихъ грамотахъ было то, что просили убѣдить царя уступить имъ Ливонію, которая искони принадлежитъ Литвѣ. Іоаннъ на это не могъ согласиться, и потому митрополитъ отвѣтилъ на просьбы пословъ уклончиво: къ нему и прежде часто приходили послы изъ Вильны отъ бискупа и воеводы, но онъ имъ всегда говорилъ, что онъ человѣкъ церковный и въ государскія дѣла ему не слѣдъ вмѣшиваться; то же онъ отвѣчаетъ и теперь, прибавляя, что это дѣло бояръ и сноситься они должны съ ними. Впрочемъ, какъ пастырь христіанскій, напомнитъ боговѣнчанному самодержцу, чтобъ онъ со своими сосѣдями имѣлъ миръ и тишину. Дѣйствительно, Макарій и на этотъ разъ билъ челомъ государю, и государь его челобитья не презрѣлъ, послалъ на литовскихъ пословъ опасную грамоту.

Переговоры однако къ мирнымъ результатамъ не привели, и дѣло должно было окончиться столь желательною для польскихъ пановъ войной, которая и началась въ 1563 году. Іоаннъ съ 80,000 войска двинулся прямо на Полоцкъ, и послѣ непродолжительной осады взялъ его 15-го февраля. Царь послѣшилъ увѣдомить Макарія о первой своей побѣдѣ: къ нему былъ посланъ изъ Полоцка братъ царицы, князь Михаилъ Темрюковичъ Черкасскій. Въ посольскихъ рѣчахъ, которыя онъ долженъ былъ произнести предъ митрополитомъ отъ имени царя, говорилось, что Богъ несказанную милость изліялъ на насъ, недостойныхъ великаго дара, вотчину нашу городъ Полтескъ намъ въ руки далъ молитвами святыхъ и во исполненіе пророчества митрополита Петра о Москвѣ, „яко вздуть руки его на плечи врагъ его“ ¹⁾. Въстѣ съ тѣмъ царь поручилъ Черкасскому передать поминокъ—крестъ серебрянъ позолоченъ съ каменіемъ. Вскорѣ послѣ взятія Полоцка, съ Литвой было заключено перемиріе на шесть мѣсяцевъ, и царь вернулся въ Москву. Въѣздъ его совершался такъ же торжественно какъ послѣ взятія Казани. Макарій со всѣмъ духовенствомъ встрѣчалъ Іоанна у церкви Борнса и Глѣба на Арбатѣ. Государь благодарилъ его за усердныя молитвы, ибо ими Господь ему милосердіе свыше послалъ, вотчину ему возвратилъ. Духовенство возглашало многолѣтіе государю и благодарило за то, что онъ своими подвигами церкви святыхъ отъ иконоборцевъ-люторей очистилъ и остальныхъ христіанъ въ православіе собралъ. Самъ митрополитъ не могъ ничего говорить, вѣроятно по причинѣ нездоровья.

Когда для переговоровъ о продолженіи перемирія явились въ Москву Ходкевичъ и Воловичъ, то имъ въ числѣ прочаго Іоанн приказалъ сказать, что не пригоже епископу и панамъ ссылаться съ митрополитомъ; прежде у нихъ такой гордости не было и ссылались они съ боярами, причемъ назывались ихъ братьями. Митрополитъ у насъ въ такой чести, какъ братъ: не подобаетъ потому подданнымъ нашимъ митрополиу братьями писаться. Послы отвѣтили, что митрополитъ дѣла долженъ имѣть и братство не съ панами, а съ Виленскимъ епископомъ, но бояре возразили, что выше епископа архіепископъ, а потомъ митрополитъ. Основываясь на этомъ, когда, спустя немного времени, опять явился гонецъ отъ епископа къ митрополиту, его уже не пустили. Эго происходило передъ самой смертью Макарія, въ декабрѣ 1563 года.

¹⁾ Ист. Акт., 1—168.

Таково было участіе митрополита Макарія во вѣшнихъ политическихъ дѣлахъ первой эпохи царствованія Іоанна. Нигдѣ мы не встрѣчаемъ съ его стороны выдающагося, активнаго дѣйствія, но всегда онъ оставался вѣрнымъ идеалу высшаго духовнаго лица на Руси, выработанному его предшественниками—быть первымъ совѣтникомъ царя и помогать ему всѣми зависящими средствами въ осуществленіи всѣхъ его цѣлей, ведущихъ къ благу родины.

Въ разсматриваемый нами періодъ огромнымъ вліяніемъ на царя пользовались Сильвестръ и Адашевъ; въ слѣдующей главѣ мы разсмотримъ ихъ отношенія къ митрополиту Макарію.

V.

Послѣ великаго московскаго пожара на политическую сцену выступили два новыхъ дѣятеля—Сильвестръ и Адашевъ. Архіепископъ Филаретъ полагаетъ, что Сильвестръ былъ вызванъ Макаріемъ изъ Новгорода въ Москву въ 1547 году, какъ „мужъ строгаго благочестія и просвѣщенный“ (Обз. Р. Д. Лит. 139); другіе же ученые (напримѣръ, Галаховъ въ Исторіи литературы) думаютъ, что онъ переселился въ Москву вмѣстѣ съ Макаріемъ въ 1542 году. Какъ то, такъ и другое мнѣніе не подкрѣпляется никакими данными; напротивъ, есть свидѣтельство, по которому необходимо заключить, что Сильвестръ явился въ Москву гораздо ранѣе 1542 года. Въ Царственной Книгѣ есть извѣстіе, что Владиміръ Андреевичъ и его мать были освобождены изъ заключенія по ходатайству Сильвестра, а заключень онъ былъ и освобожденъ во время правленія кн. Бѣльскаго при митрополитѣ Іосафѣ; о вторичномъ его заключеніи лѣтописцы нигдѣ не говорятъ, слѣдовательно уже въ то время (1541 г.) Сильвестръ имѣлъ важное значеніе¹⁾. Долгое время имя его не появляется въ лѣтописяхъ, и лишь съ 1547 года оно начинаетъ часто упоминаться въ нихъ вмѣстѣ съ Адашевымъ.

Сильвестръ и Адашевъ начали играть роль въ очень удобное для нихъ время: сильное нравственное потрясеніе, испытанное царемъ въ 1547 г., его вражда къ боярамъ, вытекшая изъ опыта жизни и такъ рельефно выразившаяся въ извѣстной его рѣчи къ выборнымъ,— все это побуждало его искать поддержки внѣ ненавистной ему среды, и вотъ въ эту минуту является Сильвестръ, человекъ съ сильнымъ ха-

¹⁾ *Соловьевъ*, VI, 58.

ракторомъ и, по своему времени, весьма образованный, съумѣвшій найти средства, какими нужно было дѣйствовать на набожно-страстную натуру молодого царя и такимъ образомъ подчинить его себѣ въ духовномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Благодаря этому обстоятельству, Сильвестръ приобрѣлъ чрезвычайное значеніе въ государствѣ и вотъ какъ о немъ отзывается лѣтописецъ: „Сильвестръ былъ у государя въ великомъ жалованіи и совѣтъ духовномъ и думномъ и бысть яко вся мога, и вся его послушаху и никтоже смѣяше ни въ чемъ же противитися ему ради царскаго жалованія“ ¹⁾. Спрашивается, въ какихъ отношеніяхъ къ Сильвестру былъ митрополитъ? Карамзинъ, Горскій и др. считаютъ Макарія приверженцемъ партіи Сильвестра и Адашева. Карамзинъ говоритъ, что чета избранныхъ, Сильвестръ и Адашевъ, приняли въ священный союзъ свой благоразумнаго митрополита ²⁾. Современный же лѣтописецъ говоритъ другое: по его словамъ митрополитъ не имѣлъ никакого значенія—„Сильвестръ указываше митрополиту, владыкамъ, боярамъ, приказнымъ людямъ, и никгоже смѣяше ничтоже рещи, ни сотворити не по его повелѣнію, и всѣма владѣяше яко царь и святитель, точію имени и сѣдалища не имѣяше“ ³⁾.

Съ обоими этими мнѣніями нельзя однако согласиться. Лѣтописецъ слишкомъ уже преувеличиваетъ значеніе Сильвестра, какъ по отношенію къ царю ⁴⁾, такъ и къ митрополиту. Во всѣхъ историческихъ источникахъ, излагающихъ дѣла царствованія Іоанна отъ 1547 до 1560 г. — эпохи вліянія Сильвестра — видна самостоятельная дѣятельность царя и такое же участіе въ ней Макарія. То же самое можемъ сказать и о церковныхъ дѣлахъ этого времени — вездѣ мы видимъ непосредственную дѣятельность Іоанна и Макарія, видимъ даже между ними несогласіе, но объ дѣятельномъ участіи Сильвестра нигдѣ не встѣчаемъ упоминанія. Что касается мнѣнія Карамзина и Горскаго, который прямо называетъ Макарія приверженцемъ Сильвестра, то оно тоже не подтверждается фактами, а напротивъ, опровергается ими. Мы уже говорили, что Сильвестръ былъ въ дружбѣ съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ Старицкимъ, послѣднимъ удѣльнымъ княземъ, и своимъ вліяніемъ помогъ ему освобо-

¹⁾ Царств. Кн. 342.

²⁾ Карамзинъ, VIII, гл. III, 65.

³⁾ Царств. Кн. 343.

⁴⁾ Соловьевъ, IV, 193 и сл.

даться изъ „нѣтства“. Можно заключить, что у него тогда уже были сношенія съ боярской партіей, съ которой онъ соединился и которую сильно поддерживалъ во время своего могущества. У Макарія же съ этой партіей не было ничего общаго; всѣ его завѣтныя убѣжденія, все то, за что горой стояли знаменитые его учителя и предшественники, заставляло его всегда сторониться отъ того, что соединено было съ боярской партіей. Изъ за своихъ убѣжденій онъ готовъ былъ даже вступать въ споры съ царемъ, какъ это случилось на Стоглавомъ соборѣ въ 1551 г., тѣмъ болѣе онъ не могъ пожертвовать ими для лица, хотя и могущественнаго, но все-таки по церковнымъ правиламъ подчиненнаго ему. Не дѣйствуя солидарно съ приверженцами Сильвестра и Адашева, Макарій не оставался одинъ: была цѣлая партія, образовавшаяся изъ людей, которые по разнымъ причинамъ относились враждебно къ вліянію Сильвестра на царя. Къ партіи этой принадлежала царица Анастасія Романовна и всѣ ея родственники, Захарыны; съ ними соединились старые противники боярской партіи—дьяки, представителями которыхъ были: Висковатый, Михайловъ и Гилъевъ, любимецъ государя ¹⁾ Съ этой партіей заодно дѣйствовалъ митрополитъ Макарій, а вмѣстѣ съ нимъ и епископы — всѣ почти Юсифляне по убѣжденіямъ. Свидѣтельства объ этомъ мы находимъ у извѣстнаго приверженца Сильвестра и боярской партіи, князя Курбскаго. Онъ крайне недружелюбно относится къ высшему духовенству, о которомъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „царь съ митрополитомъ своимъ, угождающимъ ему во всемъ, и съ прочими неискусными и пьяными епископами“.... ²⁾ Во многихъ другихъ мѣстахъ онъ еще въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ обвиняетъ высшее духовенство въ безнравственности, корыстолюбіи, неправосудіи и т. п.

Совокупныя дѣйствія этой партіи, направленныя противъ Сильвестра, увѣнчались успѣхомъ. Болѣе всего помогли ей извѣстныя обстоятельства, сопровождавшія болѣзнь государя въ 1553 году. Партія Сильвестра отказалась цѣловать крестъ малолѣтнему Димитрію и выставила своимъ кандидатомъ Владиміра Старицкаго. Здѣсь обнаружались замыслы партіи. Владиміръ Андреевичъ затѣялъ даже ссору съ немногочисленными приверженцами Іоанна, исполнявшими его желаніе. Сильвестръ вель себя очень осторожно, однако промолвился

¹⁾ Царств. Кн. 338, 346.

²⁾ Сказ. кн. Курбскаго 178.

и тѣмъ обнаружилъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Когда присягнувшіе бояре не пускали Владиміра къ государю, онъ говорилъ имъ: „почто вы къ государю не пускаете; онъ государю добра хочетъ“. Бояре однако не пускали и говорили, что они такъ поступаютъ согласно данной присягѣ, чтобъ государству было крѣпче.

Болѣзнь обнаружила предъ Іоанномъ положеніе дѣлъ. Онъ видѣлъ вражду своихъ любимыхъ совѣтниковъ, направленную противъ его жены и дѣтей; видѣлъ, что вытщенные имъ, какъ орудіе противъ бояръ, изъ грязи люди соединились съ этими же боярами и ради интересовъ боярской партіи измѣнили ему и его наслѣднику—сыну.

Съ этого времени падаетъ значеніе Сильвестра, хотя онъ и держится еще нѣсколько лѣтъ при дворѣ. Въ этотъ періодъ случилось нѣсколько такихъ событій, по которымъ можно точно опредѣлить отношенія Макарія къ Сильвестру и его партіи, и въ которыхъ нѣкоторые видятъ фактическія доказательства его солидарности съ этой партіей. Мы говоримъ здѣсь о дѣлахъ кн. Ростовскаго, Феодорита, Максима Грека и, наконецъ, о защитѣ Сильвестра Макаріемъ на соборѣ на основаніи разказа объ этомъ Курбскаго.

Князь Семень Лобановъ-Ростовскій, приверженецъ партіи Сильвестра, упорно отказывался присягать Димитрію во время болѣзни Іоанна ¹⁾. Царь простилъ его, но онъ вскорѣ началъ сноситься съ литовскимъ посломъ Довойною, передавалъ ему дипломатическія тайны, поносилъ семейство государя и наконецъ рѣшилъ бѣжать въ Литву. Въ 1554 г. родственникъ его, князь Никита Ростовскій былъ пойманъ въ Торонцѣ и указалъ на князя Семена, который-де отпустилъ его къ королю объявить, что переѣзжаетъ къ нему со всей своей родней. Князь Семень оправдывался своимъ убожествомъ, малоумствомъ, худостью разума, что потому бѣжалъ, что не хотѣлъ напрасно ѣсть царское жалованье ²⁾. Бояре должны были приговорить своего сочлена къ смерти, но по прошенію кн. Семена, митрополитъ печаловался за него предъ царемъ, и его наказали только тѣмъ, что сослали на Бѣлоозеро, а людей его распустили ³⁾. Значеніе Сильвестра такъ упало, что, не будучи въ состояніи помочь своему единомышленнику явно, онъ и его партія старались помогать ему тайно, держали „во

¹⁾ *Соловьевъ*, VI, 169; *Карамзинъ*, VIII, 393.

²⁾ *Никон. л.*, VII, 212.

³⁾ Сказ. кн. Курбскаго. 191.

всякомъ береженьѣ“, помогали всякими благами не только ему, но и всему его роду.

Упомянувъ объ этомъ случаѣ, Горскій замѣчаетъ, что митрополитъ вступился за князя Семена какъ сторонникъ партіи Сильвестра. Это предположеніе невѣрно само по себѣ. Митрополиты при печалованіи не знали партій. Митрополитъ Данииль печаловался предъ Еленой и Іоанномъ за князя Андрея Ивановича ¹⁾, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что Данииль былъ его приверженцемъ. Самъ Макарій, какъ мы видѣли, печаловался за своихъ недавнихъ враговъ, князей Шуйскаго, Кубенскаго и другихъ. Отчего Сильвестръ не заступился за князя Ростовскаго? Онъ чувствовалъ свою вину передъ царемъ и не хотѣлъ еще болѣе раздражить противъ себя Іоанна, заступаясь за своего единомышленника. Это смѣло и съ надеждой на успѣхъ могъ сдѣлать Макарій, человекъ непрічастный интригамъ Сильвестровой партіи и даже противникъ ея.

Почти въ то же время (1553 — 1554 г.) на соборѣ въ Москвѣ судили извѣстнаго еретика Башкина. Въ числѣ обвиненныхъ былъ игумень Троицко-Сергіева монастыря Артемій. Онъ принадлежалъ къ числу приверженцевъ Сильвестра и, благодаря его покровительству, былъ поставленъ въ игумены въ 1551 году. На этомъ же соборѣ дьякъ Висковатый обвинилъ самого Сильвестра въ написаніи новыхъ иконъ своего мудрствованія. Сильвестръ долженъ былъ обратиться съ прошеніемъ къ митрополиту, которое начиналось такъ: „государю преосвященному Макарію, митрополиту всея Русіи и всему освященному собору, Благовѣщенскій попъ Селиверштишко челомъ бьетъ. Писалъ тебѣ государю Иванъ Висковатый: Башкинъ съ Артеміемъ и Семеномъ (другимъ священникомъ Благовѣщенскаго собора) въ совѣтъ, а попъ Семень Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалить; да писалъ, что я, Сильвестръ, изъ Благовѣщенія образа старинные выносилъ, а новыя своего мудрованія поставилъ“. Затѣмъ слѣдуетъ подробное изложеніе отношеній его къ Башкину и Артемію и оправдываніе себя въ обвиненіи Висковатаго.

Это дѣло показываетъ, сколько силы чувствовала противная партія, если посягнула даже на самого Сильвестра. Но на этотъ разъ Сильвестру еще удалось выпутаться изъ бѣды и даже обвинить Висковатаго. Висковатый дѣйствительно былъ виновенъ въ излишнемъ вмѣ-

¹⁾ Ист. Русск. Церк., Макарія, VI, 204.

пательствѣ въ церковныя дѣла, но расположеніе къ нему митрополита ограничило его наказаніе только трехлѣтнею эпитиміей.

Къ дѣлу Артемія былъ привлеченъ уже упомянутый нами пресвѣтитель Лопарей Феодоритъ. Онъ былъ изгнанъ монахами изъ основаннаго имъ монастыря и, по рекомендаціи Артемія черезъ Сильвестра, былъ назначенъ игуменомъ Евфиміева Суздальскаго монастыря, но и тутъ вооружилъ противъ себя монаховъ и епископа, котораго упрекалъ въ непорядочной жизни. Когда обвинили Артемія, и царь, какъ выражается Курбскій, „преуродливыхъ епископовъ собралъ соборище“, то въ числѣ свидѣтелей противъ Артемія представили Феодорита, что онъ де слышалъ Артеміевы хульныя словеса. Феодоритъ упорно отрицалъ это показаніе, и за это епископъ Суздальскій называлъ его товарищемъ Артемія. Тогда царь „съ митрополигомъ своимъ и епископами“ въ заточеніе ссылаютъ Артемія въ Соловки, а Феодорита въ Кирилловъ монастырь, гдѣ прежде игуменомъ былъ Суздальскій епископъ, и гдѣ монахи были его приверженцы ¹⁾. Феодоритъ сталъ испытывать отъ „вселукавыхъ мнховъ нестерпимыя козни“ и написалъ объ этомъ сыновьямъ своимъ духовнымъ, Курбскому и другимъ знатымъ боярамъ, приверженцамъ Сильвестра. Они „колико собравшеса сигелитомъ и саномъ почтенныхъ идутъ всѣ къ Макарію, сказующе ему сіе по ряду. Онъ, услышавъ и устыдѣвся яко нашего сана, такъ и мужа святости и даетъ скоро епистолии свои въ онъ монастырь, повелѣвающе отпустить мужа и жительствовать ему свободно, гдѣ хочетъ“. Изъ этого разказа очевидна самостоятельность дѣйствій Макарія и то значеніе, коимъ онъ пользовался въ то время.

Теперь мы рассмотримъ отношенія Макарія къ Максиму Греку. Извѣстно, что одной изъ причинъ осужденія Максима была дружба его съ Вассіаномъ и боярскою партіей, которой онъ остался вѣренъ и при Іоаннѣ IV. Онъ переписывался съ Адашевымъ: умоленіемъ Артемія онъ былъ переведенъ въ 1551 году въ Троицкій монастырь; встрѣтясь съ царемъ во время его путешествія въ Кирилловъ монастырь, онъ всѣми силами старался уговорить Іоанна вернуться назадъ и даже угрожалъ ему въ случаѣ непослушанія смертью сына. И вотъ мы видимъ, что этотъ ревностный приверженецъ Сильвестра находится въ дружественной перепискѣ съ Макаріемъ. Митрополитъ посылаетъ ему „денежное благословеніе“, получаетъ его сочиненія и

¹⁾ Св. Кн. Курбскаго, 178.

хвалить ихъ ¹⁾, а въ 1551 году разрѣшаетъ его отъ запрещенія и дозволяетъ ходить въ церковь. Здѣсь нужно замѣтить, что Максимъ Грекъ не во всемъ былъ согласенъ съ противниками Іосифлянъ: такъ въ одномъ изъ главныхъ спорныхъ пунктовъ, въ вопросѣ объ еретикахъ, онъ вполне сходилъ съ Іосифлянами. Что Іосифляне не были враждебно противъ него настроены видно и изъ отношеній къ нему епископа Тверскаго Акакія, роднаго брата Іосифа; Акакій въ бытность Максима въ Твери постоянно приглашалъ его себѣ, раздѣляя съ нимъ трапезу и часто выслушивалъ отъ него довольно рѣзкія обвиненія. Самъ Максимъ Грекъ всегда называетъ его своимъ промышленникомъ; въ одномъ посланіи говоритъ, что Акакій успокоилъ его всякимъ довольствомъ многа лѣта и „его многолѣтнее бреженіе и жалованіе забыть немощно ми есть“ ²⁾. Отъ Акакія Максимъ Грекъ слышалъ самыя лестныя отзывы о Макаріѣ, которые и приводитъ въ одномъ изъ своихъ посланій.

Макарій также какъ и Акакій видѣлъ въ Максимѣ человѣка ученаго, принесшаго много пользы излюбленному имъ дѣлу и слишкомъ строго наказаннаго, преимущественно благодаря кознямъ своихъ враговъ, которыхъ онъ, не щадя никого въ своихъ сочиненіяхъ, приобрулъ множество вездѣ и во всѣхъ партіяхъ. Враги его были и между Іосифлянами и среди приверженцевъ боярской партіи, такъ что его не освободили ни во время боярскихъ смуть, ни во время значенія Силвестра, и даже ходатайства вселенскихъ патріарховъ не помогали ему. Вотъ почему Макарій, несмотря на все свое сочувствіе къ нему, на первое его посланіе, въ которомъ Максимъ просилъ прощенія, отвѣтилъ: „узы твоя цѣлуемъ, яко единаго отъ святыхъ, пособити же тебѣ не можемъ“. Въ этомъ же своемъ отвѣтномъ посланіи онъ добродушно совѣтуетъ Максиму причащаться безъ разрѣшенія, тайно, подъ предлогомъ болѣзни, на что Максимъ отвѣтилъ, что причащаться безъ разрѣшенія со лжею онъ не наученъ отъ св. апостоловъ и отцевъ.

Сочиненія Максима Грека, которыя читалъ и хвалилъ Макарій ³⁾, направлены большей частью противъ еретиковъ и во всемъ сходились съ убѣжденіями Макарія, и потому естественно, что они ему весьма нравились. Вообще отношенія Макарія къ Максиму Греку но-

¹⁾ Ист. Русск. Церкви, Макарія, VI. 283, 284.

²⁾ Сочиненія Максима Грека, II. 421.

³⁾ Соч. Максима Грека, II. 382.

сять чисто религіозно-научный характеръ и заключать по нимъ о связи между Макаріемъ и Сильвестромъ нѣтъ основаній.

Въ 1560 году умерла первая супруга Іоанна, царица Анастасія Романовна. Она была крайне недружелюбно расположена къ Сильвестру и его партіи, которая оплачивала ей тою же монетою. „На царицу нашу, говоритъ Іоаннъ, сильную ненависть воздвигли, уподобляя ее всѣмъ нечестивымъ царицамъ, а про дѣтей нашихъ тяжело имъ было и вспомнать“. Далѣе Іоаннъ говоритъ о путешествіи изъ Можайска въ Москву, во время котораго нанесена была какая-то обида Анастасіи. Это путешествіе было въ 1559 году; въ этомъ же году Адашевъ былъ посланъ въ Ливонію, а Сильвестръ добровольно, „видя своихъ совѣтниковъ въ опалѣ“, удалился въ Кирилловъ монастырь. Такимъ образомъ мы видимъ, что еще раньше смерти царицы Сильвестръ и Адашевъ должны были удалиться отъ двора. Враги ихъ, какъ говоритъ Курбскій, воспользовались ихъ отсутствіемъ и послѣ смерти Анастасіи „рѣша, аки счаровали ее оные мужи; царь же буйства исполнился абіе имъ вѣру ялъ“. Надъ ними былъ назначенъ судъ, и изъ образа дѣйствій на немъ Макарія нѣкоторые заключаютъ, что онъ былъ ихъ единомышленникомъ. Обратимъ вниманіе на то, что объ участіи Макарія въ судѣ надъ Сильвестромъ разказываетъ только Курбскій, который могъ нарочно выдумать заступничество всѣми уважаемаго митрополита, чтобъ очевидное представить невинность Сильвестра и Адашева, за которыхъ заступался даже ихъ противникъ Предположивъ даже, что все происходило такъ, какъ говоритъ Курбскій, все-таки дѣйствія Макарія не указываютъ на солидарность его съ Сильвестромъ. Сильвестръ и Адашевъ были тогда уже въ немилости; ихъ обвиняли въ страшномъ преступленіи — отравленіи царицы; естественно, что они обратились къ митрополиту, всегдашнему защитнику всѣхъ невинно обвиненныхъ (а невинность ихъ въ этомъ дѣлѣ не подлежитъ сомнѣнію) и письменно просили его, чтобъ имъ позволено было имѣть „очевистное глаголаніе“ съ обвинителями. Обвинители, по словамъ Курбскаго, будто бы не допускаютъ писемъ къ царю и запрещаютъ митрополиту ходатайствовать за обвиненныхъ. Царя отстраняютъ отъ нихъ, выставляя на видъ ихъ опасную чародѣйскую силу и любовь къ нимъ войска и народа. Царь собираетъ соборъ изъ духовенства и бояръ и присоединяетъ двухъ прелюбавыхъ мниховъ Мисаила Сукина и Вассіана Бѣснаго, по истинѣ рѣченнаго неистоваго. „Чтутъ они, написавше вины оныхъ мужей заочнѣ, яко и митрополитъ тогда предъ всѣми

реклъ: подобаетъ быти приведеннымъ здѣ предъ насъ, да очевидѣ на нихъ клеветы будутъ и намъ убо слышати во истину достоинѣ, что они на то отвѣщаютъ; всѣ добрые были согласны съ нимъ и говорили то же. Но губительнѣйшіе ласкатели вмѣстѣ съ царемъ возопили: не подобаетъ, о епискупе! Понеже вѣдомыя сіи злодѣи и чаровницы велики очаруютъ царя и насъ погубятъ, аще придутъ. И такъ осудиша ихъ заочнѣ“. Изъ самаго разказа Курбскаго явствуетъ, что онъ не считаетъ митрополита сторонникомъ осужденныхъ; слова „яко и митрополитъ“, что даже и митрополитъ, указываютъ на рѣзкую неправду обвинителей, вызвавшую отпоръ даже въ ихъ средѣ. Въ выраженіи царя и губительнѣйшихъ ласкателей тоже видимъ обращеніе къ своему стороннику—совсѣмъ иной тонъ былъ бы, если бы обращались къ приверженцу обвиненныхъ.

Такимъ образомъ, если что можно заключать изъ разказа Курбскаго объ участіи Макарія въ судѣ надъ Сильвестромъ, такъ только то, что это дѣло приноситъ ему величайшую честь. Онъ одинъ смѣло сталъ на сторону справедливости и такимъ образомъ былъ выше интересовъ всякой партіи.

Въ послѣдній годъ жизни Макарія начался печальный періодъ царствованія Іоанна—эпоха казней. Имя Макарія въ это время уже не появляется въ лѣтописяхъ: онъ, какъ видно, находился въ тяжелой предсмертной болѣзни, отъ которой и умеръ въ послѣдній день 1563 года, именно 31-го декабря.

Несмотря на то, что время, въ которое митрополитъ Макарій правилъ русскою церковью, было весьма обильно всякаго рода бурями и переворотами, онъ спокойно дожилъ на митрополичьей кафедрѣ до конца своихъ дней и такимъ образомъ былъ счастливѣе въ этомъ отношеніи и своихъ предшественниковъ и преемниковъ. Благодаря личному своему характеру, онъ успѣлъ снискать непоколебимое довѣріе и уваженіе такого человѣка, какъ Іоаннъ Грозный. Макарій никогда не злоупотреблялъ тѣмъ положеніемъ, которымъ пользовался, никогда не пытался стать выше того, чѣмъ онъ былъ по праву; онъ былъ царскимъ совѣтникомъ, но его совѣты никогда не превращались въ настойчивыя требованія, какъ это было у Сильвестра, и что особенно не нравилось Іоанну. Вотъ почему въ продолженіи 22 лѣтъ, когда у царя постоянно мѣнялись приближенные и любимцы, митрополитъ Макарій всегда оставался „любви и добрыхъ дѣлъ желателемъ, помощникомъ и поборникомъ“... „О, Боже, воль бы счастлива русская земля была, пишетъ Іоаннъ къ Гурію Ка-

занскому, колибы владыки старцы были, яко преосвященный Макарій и ты, толико о семъ пеклися, а не о себѣ только и не о богатствѣ, покоѣ, веселіи и лакомствѣ“¹⁾. Царь никогда не колебался, когда нужно было оставлять на попеченіи своего друга жену, дѣтей, брата и все царство, „порученное Богомъ тебѣ и мнѣ“, какъ выразился онъ въ одномъ посланіи къ Макарію. Отношенія, которыя образовались при Макаріѣ между царемъ и митрополитомъ, казались идеальными для его преемниковъ, и мы видимъ, что св. Филиппъ, „благій нравъ подражая благолюбиваго Макарія митрополита, усердно потщася послѣдовать честнымъ стопамъ его“²⁾.

Всѣ лучшіе современники Макарія самыхъ противоположныхъ лагерей единогласны, когда имъ приходится говорить о Макаріѣ. Мы видѣли, какъ о немъ отзывался Максимъ Грекъ, котораго никакъ уже нельзя упрекнуть въ лести; даже у Курбскаго, имѣвшаго причины быть недовольнымъ Макаріемъ, нигдѣ не встрѣчаемъ рѣзкихъ нападокъ на митрополита, а, напротивъ, замѣчаемъ всегда уваженіе къ его личности. Странно поэтому встрѣтить у Карамзина и у многихъ другихъ писателей при характеристикѣ Макарія указанія на свидѣтельства современниковъ, будто бы обвиняющихъ Макарія въ честолюбіи и робости духа³⁾. Впрочемъ неблагопріятные отзывы нѣкоторыхъ писателей о знаменитомъ митрополитѣ можно объяснить тѣмъ, что они смотрѣли на него, какъ на одного изъ виновниковъ всѣхъ неправославныхъ постановленій Стоглаваго собора.

Обзоромъ дѣятельности Макарія на этомъ соборѣ мы и займемся въ слѣдующей главѣ.

¹⁾ *Продолж. древн. Русск. Вивліовики*, V, 242.

²⁾ *Карамзинъ*, XI, II, пр. 180.

³⁾ *Карамзинъ*, IX, 48, *Правосл. Собесѣдн.* 1860 г., II 144 (о Стоглавн.).

В. Зауецинскій.

Окончаніе слѣдуетъ).

МАКАРІЙ МИТРОПОЛИТЪ ВСЕЯ РОССІИ ¹⁾.

VI.

Съ расширеніемъ предѣловъ и власти московскаго князя, Судебникъ, составленный при Іоаннѣ III, не могъ соотвѣтствовать уже требованіямъ времени. Жизнь общества двинулась впередъ, уяснились юридическія понятія, слѣдствіемъ чего явилась необходимость изданія новыхъ законовъ и замѣны старыхъ. Іоаннъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство и въ 1550 г. „благословясь у митрополита пересмотрѣть и исправить Судебникъ по старинѣ“ ²⁾, повелѣлъ заняться уложеніемъ новаго. Есть нѣкоторыя указанія на участіе Макарія при составленіи новаго судебника. Въ 1550 г. царь Іоаннъ съ митрополитомъ и боярами приговорилъ и нарядъ служебный велѣлъ написать, гдѣ быть на его службѣ боярамъ и воеводамъ по полкамъ. Это постановленіе ограничило случаи мѣстничества и дало возможность и людямъ незнатнаго происхожденія имѣть вліяніе на ходъ войны. Въ томъ же году Макарій ѣздилъ во Владиміръ и тамъ уговаривалъ воеводъ прекратить мѣстническіе споры. Безспорно участіе митрополита въ вопросахъ, касавшихся духовенства. Къ такимъ вопросамъ нужно отнести установленіе предѣловъ святительскаго суда, постановленіе о наложеніи эпитиміи на христіанъ, нарушившихъ клятву, данную въ плѣну—не спасаться бѣгствомъ, о духовныхъ за-

¹⁾ *Окончаніе*. См. октябрьскую книжку текущаго года.

²⁾ *Карамзинъ*, VIII, 182 (пр.), Стоглавъ (Кож.), 39

вѣщаніяхъ, которыя тогда подлежали вѣденію духовенства и т. п. ¹⁾ Есть свидѣтельство о томъ, что за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ иногда обращались къ митрополитичьимъ боярамъ.

Составленіе новаго Судебника представляетъ какъ бы приступъ къ цѣлому ряду мѣръ, къ устраненію ненормальныхъ сторонъ внутренней жизни русскаго общества 16-го столѣтія. Дѣйствительно, въ 16 столѣтіи замѣтно стали рушиться традиціи старины, отцами и дѣдами положенныя въ основу общественныхъ отношеній. Новые понятія и взгляды не могли мириться съ старинными формами, но и сами они не вносили ничего нѣбнаго въ жизнь, слѣдствіемъ чего и была та путаница нравственныхъ правилъ и воззрѣній, отъ которой несвободны даже лучшіе люди русскаго общества 16-го столѣтія.

Главной причиною такой неурядицы былъ весьма низкій уровень образованія. Нечего и говорить о народной массѣ, когда въ лучшей части общества истинное благочестіе было замѣнено внѣшней стороной религіи, на нравственность смотрѣли какъ на средство для достиженія практическихъ цѣлей. Отсутствие просвѣщенія повлекло за собой множество заблужденій даже среди высшаго духовенства, какъ, напримѣръ, смѣшеніе каноническихъ и апокрифическихъ книгъ: даже само св. писаніе не оставалось безъ перемѣнъ, часто совсѣмъ искажавшихъ его смыслъ. Въ то же время въ обществѣ господствовало полнѣйшее поклоненіе силъ: обманы, грабежи, насилія, разбойничества и тому подобныя преступленія даже не считались таковыми и лица, особенно отличавшіяся на этомъ поприщѣ, дѣлались часто примѣрами для подражанія, какъ образцы молодечества.

Но однако мы видимъ, что государство не пало: напротивъ, оно выдержало страшный напоръ враговъ и послужило здоровымъ основаніемъ при образованіи могущественнѣйшей имперіи; это объясняется тѣмъ, что хотя общество вслѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ условій и было на краю гибели, но въ немъ коренилось еще много здоровыхъ началъ, которыя и помогли ему выйти на настоящую дорогу. Такъ въ обществѣ не заглохло еще совсѣмъ сознаніе своихъ недостатковъ и оно не переставало проявлять это сознаніе въ лицѣ своихъ передовыхъ людей, которые не желали мириться съ современнымъ имъ положеніемъ дѣлъ, чувствовали всю ненормальность такого положенія и невозможность прогресса при такихъ условіяхъ. Хотя эти люди, будучи дѣтьми своего времени и общества, не всегда

¹⁾ Судебникъ, § 91 (Ист. А. 1—248), *Карамзинъ*, IX, 268

указывали надлежащія мѣры къ его исправленію, но одно ихъ отрицательное отношеніе къ современности даетъ имъ право стать на ряду съ лучшими дѣятелями русской исторіи. Въ описываемую нами эпоху къ числу такихъ дѣятелей, кромѣ иностранца Максима Грека, нужно причислить Іоанна IV и митрополита Макарія. Свои воззрѣнія на современное имъ положеніе дѣль они высказали въ такъ называемомъ Стоглавѣ — постановленіяхъ Стоглаваго собора, главными участниками котораго они были.

Стоглавый соборъ былъ созванъ въ 1551 г., и засѣданія его открылись 23 февраля „въ царскихъ палатѣхъ“. Предсѣдательствовалъ митрополитъ Макарій, членами были: архіепископы Θεодосій Новгородскій, Никандръ Ростовскій, епископы Кассіанъ Рязанскій, Акакій Тверской, Кипріанъ Пермскій, Θεодосій Коломенскій, Трифонъ Суздальскій, Гурій Смоленскій, Савва Сарскій, архимандриты, игумены и многихъ честныхъ монастырей строители. Нужно замѣтить, что четверо изъ епископовъ—именно Смоленскій, Новгородскій, Тверской и Сарскій были Іосифовы постриженники ¹⁾, а изъ остальныхъ епископовъ только Кассіанъ Рязанскій извѣстенъ былъ какъ приверженецъ противной Іосифлянамъ партіи.

Рѣшенія собора носили первоначально названіе „царскіе вопросы и соборные отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ“; изъ этого заглавія уже видно, что они состоятъ изъ вопросовъ, приписываемыхъ царю, и отвѣтовъ, данныхъ отъ лица собора.

Стоглавый соборъ былъ открытъ двумя рѣчами царя, въ которыхъ онъ преимущественно обращаетъ вниманіе на бѣдствія, претерпѣнныя русской землей во дни его юности, обвиняетъ бояръ и вельможъ, которые бѣднымъ христіанамъ великое насильство чинили, обличаетъ ихъ въ гордости, корыстолюбіи, зависти, распутствѣ и другихъ порокахъ и въ концѣ первой своей рѣчи проситъ соборъ указать средства къ исправленію церковнаго и земскаго нѣстроенія: во второй рѣчи онъ предлагаетъ святителямъ разсмотрѣть и утвердить Судебникъ. Затѣмъ царь представилъ собору рядъ вопросовъ (37 первыхъ и 32 вторыхъ), въ которыхъ указываетъ на различные безпорядки, происшедшіе въ обществѣ отъ того, „что поиспатались прежніе обычаи и въ самовластїи учинено по своимъ волямъ и прежніе законы порушены“. Безпорядки, указанные царемъ, относятся ко всѣмъ сторонамъ тогдашней жизни: поведеніе духовенства и мірянъ.

¹⁾ *Литт. Р. лит. и Др.*, V, Челобитная еп. Леониды

отношеніе церкви къ государству, іерархія, богослуженіе, народныя безчинства и суевѣрія и т. п.

Митрополитъ Макарій утверждаетъ ¹⁾, что составленіе этихъ вопросовъ нельзя приписать царю, что молодой царь не могъ обладать такими обширными свѣдѣніями, какія находимъ мы въ вопросахъ, и что ему нужно только приписать честь осуществленія мыслей его совѣтниковъ, преимущественно Макарія. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя однако вполне согласиться. Мысль о созваніи собора и честь осуществленія ея одинаково принадлежатъ Макарію и Іоанну. Соборы съ давнихъ поръ считались въ русской землѣ необходимымъ средствомъ для обсужденія положенія дѣлъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что и на этотъ разъ царь и митрополитъ рѣшились прибѣгнуть къ обычному средству. Что Іоаннъ не ограничился только тѣмъ, что далъ ходъ дѣлу, видно изъ того горячаго участія, которое онъ принималъ въ разсматриваемыхъ вопросахъ, какъ, напримѣръ, о церковныхъ вотчинахъ, о подсудности духовенства и т. п.; подтвержденіе этого мы находимъ и въ 98 и 101 главахъ Стоглава, гдѣ приводятся совѣщанія Макарія съ царемъ. Нельзя также сомнѣваться въ томъ, что Іоаннъ обладалъ тѣми обширными свѣдѣніями, которыя обнаружены въ вопросахъ, особенно относительно церковныхъ обрядовъ и мельчайшихъ подробностей богослуженія. Московскіе великіе князья и цари вообще отличались знаніемъ церковной обрядности, а Іоаннъ IV въ особенности. Извѣстно, что онъ весьма любилъ вступать въ богословскія пренія съ иностранцами (Поссевинт, Рокита, Бакгорнъ и др.) и своими свѣдѣніями въ вопросахъ религіозныхъ приводилъ ихъ въ изумленіе.

Стремленіе царя къ изображенію отрицательной стороны жизни можно видѣть еще въ рѣчи его, произнесенной къ выборнымъ земли Русской. Въ посланіи Іоанна въ Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь есть множество указаній на недостатки монашеской жизни, которая, очевидно, должна была быть ему хорошо извѣстна. Наконецъ, еще болѣе указаній на темныя стороны жизни замѣчаемъ мы въ извѣстной рѣчи его къ духовенству въ 1575 году. Съ беспорядками чѣстными, суевѣріями и т. п. царь могъ ознакомиться въ своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ, о чемъ онъ и самъ упоминаетъ въ 34 вопросѣ, какъ есмы былъ въ Великомъ Новѣградѣ и Псковѣ* (Кож., 56 стр.).

Но, не отвергая участія царя въ составленіи вопросовъ, нельзя

¹ Ист. р. Церк., VI, 229.

однако вполне ихъ приписывать ему. Въ вопросахъ есть много данныхъ, указывающихъ на то, что и Макарій принималъ большое участіе въ ихъ составленіи. Въ нихъ весьма часты, напримѣръ, такіа указанія на порядки и обычаи Новгородской епархіи ¹⁾, какія могъ дать только человекъ, весьма близкій къ этимъ мѣстамъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ вопросы, которые уже были затронуты Макаріемъ въ Новгородѣ, напримѣръ, въ 9 вопросѣ (объ игуменахъ) недостатки игуменовъ указываются тѣ же, что и въ уставной грамотѣ св. Духову монастырю, въ 18—о пьянствѣ монаховъ, въ 37—о мужско-женскихъ монастыряхъ, во второмъ 12-мъ о духовникахъ монахахъ въ женскихъ монастыряхъ и т. п.

Отвѣты на царскіе вопросы отъ лица всего собора составлены, какъ можно заключать по изложенію, нѣсколькими лицами, но главная редакція всего Стоглава и бѣльшая часть отвѣтовъ безспорно принадлежитъ митрополиту Макарію. Онъ былъ не только по своему сану первоприсутствующимъ на соборѣ, но и дѣйствительно по образованію и начитанности стоялъ выше всѣхъ другихъ членовъ, болѣе всѣхъ былъ знакомъ съ церковными законами, и потому естественно имѣлъ преимущественное вліяніе при составленіи и формулированіи соборныхъ рѣшеній. Кромѣ того, въ этомъ убѣждаетъ насъ сличеніе многихъ мѣстъ Стоглава съ сочиненіями Макарія, явившимися раньше собора. Такъ 3 и 33 главы часто представляютъ выдержки изъ посланія Макарія въ Свіяжскъ ²⁾, 52 глава—изъ посланія къ царю въ Казань ³⁾, постановленія собора о церковныхъ имуществахъ основываются на тѣхъ же данныхъ, какія мы находимъ въ „Отвѣтѣ“ Іоанну, писанномъ раньше соборнаго постановленія ⁴⁾. Въ 35 главѣ, въ которой помѣщенъ „указъ поповскимъ старостамъ“, постоянно встрѣчаются указанія на Московскій Успенскій соборъ (Пречистая соборная), вмѣсто общаго указанія на „святителя“ встрѣчается „митрополитъ“, такъ что вполне естественно предположить, что указъ былъ сначала составленъ для московскихъ старостъ Макаріемъ и затѣмъ на соборѣ принятъ былъ за общее руководство и помѣщенъ въ постановленіяхъ

¹⁾ Вопросы первые: 11, 18, 34, 36; вторые 12, 14, 15, 18 и др. Въ 12 вопросѣ, напримѣръ, просвирни, сами совершающія молигвы надъ просфорами, сравниваются съ чудскими арбуками.

²⁾ Акт. Ист. 287, Стогл. 26, 27, 109

³⁾ Акт. Пет. 290, Стогл. 174.

⁴⁾ Лит. Р. Л. и Д. V, III, 126; Стогл., 230

въ первоначальномъ видѣ ¹⁾). Даже современники признавали Макарія главнымъ составителемъ Стоглава, что видно изъ того, что многія отдѣльныя главы изъ Стоглава въ рукописяхъ приписываются ему ²⁾). Даже весь Стоглавъ носилъ названіе Соборнаго Уложенія царя Ивана Васильевича и митрополита Макарія, какъ это видно изъ одной грамоты Троицкаго монастыря 1555 года ³⁾).

Стоглавъ имѣлъ цѣлью указать тѣ нравственныя язвы, которыми страдало Русское государство, и дать средства къ уврачеванію этихъ язвъ. На сколько рекомендованныя Стоглавомъ средства были цѣлесообразны и спасительны, объ этомъ поговоримъ послѣ, а теперь займемся вопросомъ, въ чемъ видѣли составители собора эти язвы, или поисхатавшіяся стороны современной имъ жизни, и что считали средствами, могущими ихъ уничтожить.

Касаясь преимущественно церковно-юридическихъ вопросовъ, Стоглавъ не оставлялъ безъ вниманія и обыкновенныхъ явленій народной жизни, ея нравовъ и обычаевъ, казавшихся ему ненормальными. Больше всего останавливали на себѣ вниманіе его составителей вопросы о правѣ монастырей владѣть населенными землями, о духовномъ судѣ и администраціи, о поставленіи священниковъ, объ образованіи и др., которыми теперь и займемся.

Древній складъ русской жизни вызвалъ особое направленіе народнаго духа—мистико-аскетическое. Направленіе это выразилось какъ въ особыхъ взглядахъ на жизнь, такъ и въ высшей степени сочувственномъ отношеніи къ представителямъ идеи аскетизма—монахамъ. Однимъ изъ проявленій этого сочувствія былъ надѣлъ монастырей недвижимою собственностью, который практиковался съ первыхъ же временъ появленія на Руси монашества. Доброхотныя давнія способствовали накопленію въ монастыряхъ движимыхъ и недвижимыхъ богатствъ, которыя, вмѣстѣ съ обширными привиллегіями, получаемыми отъ правительства, давали возможность расширять свои владѣнія и привлекать на монастырскія земли крестьянъ; такимъ образомъ монастырскія владѣнія до того увеличились, что въ вѣкъ Стоглава, по отзыву одного иностранца (Адама Климента), монастыри владѣли третьею частью всей тогдашней Россіи. Такое накопленіе богатствъ въ монастыряхъ, какъ съ одной стороны не могло не остаться безъ

¹⁾ *Ддановъ*. Матеріалы д. Ст. Соб. 200

²⁾ *Цицаретъ*, 132; *Макарій*. VI, 236—237; *Ждановъ* 220.

³⁾ *Акт. Эксп.* I 266.

пагубнаго вліянія на монашескую жизнь, такъ съ другой не могло быть пріятно для свѣтскаго правительства, вслѣдствіе чего въ XV и XVI столѣтіяхъ стало появляться много протестовъ противъ такого порядка вещей. Начало положилъ Іоаннъ III, завладѣвшій въ 1477 г. частью епископскихъ и монастырскихъ имуществъ Новгорода. Въ 1503 г. онъ велѣлъ разсмотрѣть собору, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть землями; противъ владѣнія вооружились ревнители древняго отшельничества; но, не смотря даже на сочувствіе царя, они должны были уступить Іосифу, выставившему такіа историческія и юридическія основанія и свято-отческія преданія, что великому князю оставалось только отказать отъ своего намѣренія. Такимъ образомъ, дѣло оставалось неразрѣшеннымъ до временъ Стоглаваго собора, когда его опять выдвинули на сцену.

Іоаннъ IV, подобно дѣду своему, былъ противъ владѣнія монастырей имуществами. Возникновенію такого взгляда главнымъ образомъ способствовали государственные интересы; но не оставались безъ послѣдствія и убѣжденія партіи, противной іосифлянамъ, которая тогда еще пользовалась большимъ вліяніемъ на государя. Царь, какъ видно, хотѣлъ окончателно рѣшить этотъ вопросъ на соборѣ, и не въ пользу Іосифлянъ, но такому намѣренію его всѣми силами воспротивился Макарій. Лишить монастыри и вообще все высшее духовенство его матеріальныхъ средствъ, по его мнѣнію, значило уничтожить одну изъ важнѣйшихъ основъ церковнаго благочестія, поколебать все стройное зданіе, столь долго и съ такими усиліями созидаемое его предшественниками. Подобно одному изъ нихъ, митрополиту Симону, онъ рѣшился возстать противъ своего государя и въ особомъ посланіи категорически изложилъ свои мнѣнія. Посланіе это носитъ названіе „Отвѣтъ Макарія, митрополита всея Русіи отъ божественныхъ правилъ святыхъ апостолъ и отецъ седми соборовъ и помѣстныхъ... и отъ заповѣдей святыхъ православныхъ царей къ благочестивому царю и великому князю Ивану Васильевичу о недвижимыхъ вещехъ, вданнхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ“ ¹⁾.

Отвѣтъ начинается воззваніемъ къ царю слушать и внимать сказанному и затѣмъ, разсудивъ, избрать душеполезная и вѣчная, а тлѣнная и мимотекущая міра сего полагать ни во что, такъ какъ они переходящи; вѣчны только добродѣтель и истина. За этимъ энергическимъ вступленіемъ слѣдуетъ изложеніе историческихъ и юриди-

¹⁾ *Лит. Р. Л.*, V, III, 129

ческихъ основаній, могущихъ имѣть обязательную силу для государя. Сначала идутъ указанія на царей греческихъ. Отъ перваго христіанскаго царя Константина ни одинъ греческій царь не осмѣлился отнимать у церкви и монастырей вѣданныхъ имъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ недвижимыхъ и движимыхъ вещей, боясь осужденія отъ Бога, св. апостоль и отецъ седми соборовъ страшныя, грозныя и великія ради заповѣди. Ибо по внушенію св. Духа отцы соборовъ возгласили: „если какой-нибудь царь или князь похититъ, или возметъ вѣданныя церквамъ и монастырямъ недвижимыя вещи, тотъ отъ Бога осуждается, какъ святотатецъ, а отъ св. отцевъ проклятъ на вѣки“. И потому греческіе цари не только не отнимали, а напротивъ сами дарили, какъ, напримѣръ, Константинъ папѣ Сильвестру. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстная подложная грамота папѣ Сильвестру, которая помѣщена и въ Стоглавѣ (60 гл.). Равнымъ образомъ, продолжаетъ Макарій, и въ Россіи отъ перваго прадѣда царскаго св. Владиміра и до Іоаннова христіолюбиваго царства всѣ русскіе цари, боясь наказанія отъ Бога, не смѣли коснуться церковныхъ имуществъ, но сами недвижимыя вещи въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ имъ вѣдали. Св. Владиміръ назначилъ церкви десятую часть, и въ завѣщаніи (которое приводится здѣсь и въ 62 гл. Стоглава цѣликомъ) проклялъ всѣхъ нарушающихъ права церкви. Подобно ему князь Андрей Боголюбскій и другіе князья давали „многы имѣнія и слободы и з даньми, и села лучшія и дани и десятину во всемъ и въ стѣдахъ своихъ и торгъ десятый во всемъ своемъ царствѣ“, и Божіимъ милосердіемъ всѣ ихъ жалованія въ святѣйшей митрополіи русской и до сего дня никѣмъ недвижимы и невредимы сохраняются; если иногда и оскорбляются злыми людьми, то по волѣ Бога опять наполняются, потому что все это посвящено Богу, и никто не можетъ оскорблять или поколебать церковь Божію: она выше и тверже небесъ, шире земли, глубже моря, свѣтлѣ солнца и основана на камнѣ, сирѣчь на вѣрѣ Христова закона. Даже невѣрныя и нечестивыя цари монгольскіе не отнимали ничего у св. церквей, но давали ярлыки св. митрополитамъ съ великимъ запрещеніемъ, чтобъ церковныя имущества ни отъ кого не обидимы и недвижимы были до скончанія царства ихъ (слѣдуетъ ярлыкъ Узбека. данный митрополиту Петру).

„Коль же паче слѣдуетъ тебѣ, благочестивый государь, показать свою вѣру къ Богу и тицаніе къ монастырямъ и церквамъ и не отнимать у нихъ имѣній, но подавать. Ибо тебя паче всѣхъ царей Богъ возвысилъ и почтилъ: ты единовластный царь во всемъ великомъ Рос-

сїйскомъ царствѣ и самодержецъ и знаешь хорошо Христовъ законъ и св. отецъ заповѣди „вся тебѣ божественная писанія въ конецъ вѣдущу и на лзыцѣ посящу“.

Затѣмъ отъ представителей свѣтской власти Макарій переходитъ къ представителямъ духовной. И имъ тоже на всѣхъ соборахъ запрещено продавать или отдавать недвижимыя стяжанія церковныя. „Если какой-нибудь святитель, или игумень, или монахъ дерзнетъ продать или отдать церковныя недвижимыя вещи“, говоритъ правило вселенскихъ соборовъ, „князю или вельможамъ земли своей, то продажа не считается дѣйствительною, а продавшіе будутъ осуждены св. Троицей и устроены идѣже червь не умираетъ и огонь не угасаетъ, потому что гласу Господню противятся глаголющу: не творите Отца моего дому купленнаго моего“.

Правило это соблюдали всѣ греческіе и русскіе митрополиты, „тѣмъ болѣе подобаеть мнѣ смиренному, хотя недостойному такого святительскаго сана, даже не осмѣлиться таковая страшная дрзати или помыслити уступить или продать что нибудь изъ церковныхъ имуществъ. Не буди того и до послѣдняго нашего издыханія и избави всѣхъ насъ, всесильный Боже, и сохрани отъ такого законо-преступленія и не допусти быть тому не только при насъ, но и послѣ насъ. Не удивляйся моимъ словамъ, царь: какъ св. отцы устави и заповѣдали, такъ и мы мудруемъ и до послѣдняго своего издыханія. Мы всѣ люди, плавая въ „многомѣенномъ“ семъ морѣ, не знаемъ, что будетъ съ нами, но бояться намъ слѣдуетъ только небеснаго серпа, который видѣлъ пророкъ Захарія, уготованнаго на всѣхъ обидящихъ, неправедно судящихъ и нарушающихъ клятвы. Я во время своего рукоположенія среди церкви предъ тобою, царь, и всѣмъ народомъ клялся „судьбы, оправданія и законы наши хранить и предъ цари за правду не стыдиться“, и если мнѣ теперь и понуженіе будетъ отъ самого царя или вельможъ его говорить что нибудь не по божественнымъ правиламъ, то не послушаю ихъ, даже если и „смертью претятъ“. И потому прошу и умоляю твое царское величество и много со слезами челомъ бью, не вели взяти у Богородицы и великихъ чудотворцевъ изъ дому тѣхъ недвижимыхъ вещей“.

Это прекрасно составленное и съ необычайной энергіей и твердостью написанное посланіе представляетъ весьма рѣдкое явленіе въ древней русской литературѣ. Оно произвело сильное впечатлѣніе на царя Ивана Васильевича, и вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ былъ предложенъ собору совершенно не въ такой формѣ, въ какой пред-

полагалось. Царь обратилъ вниманіе только на дурное управленіе монастырей имуществами и на излишнюю заботливость о приобрѣтеніи новыхъ имѣній. Соборъ (75 глава) постановилъ прекратить безпорядки въ управленіи имѣніями и запретилъ докучать царю просьбами о новыхъ пожалованіяхъ.

Постановленія собора послѣ ихъ составленія были посланы для рассмотрѣнія въ Троицкій монастырь бывшему митрополиту Іосафу, бывшему архіепископу Ростовскому Алексѣю и нѣсколькимъ другимъ заштатнымъ духовнымъ лицамъ—всѣмъ, какъ мы увидимъ, принадлежавшимъ къ партіи, противной Іосифлянамъ. Это обращеніе къ бывшимъ не у мѣстъ сторонникамъ заволжскихъ старцевъ объясняется, когда мы обратимъ вниманіе на то, что въ числѣ лицъ, разсматривавшихъ вмѣстѣ съ Іосафомъ постановленія Стоглава фигурируетъ Благовѣщенскій понъ Селиверстъ¹⁾. Какъ и слѣдовало ожидать противники Іосифлянъ преимущественно обратили вниманіе на старыя спорныя пункты собора 1503 г. Прежде всего они потребовали, чтобъ въ соборномъ спискѣ 1503 года, приведенномъ въ одной изъ главъ Стоглава, гдѣ въ числѣ игуменовъ, присутствовавшихъ на соборѣ упомянуть только одинъ Іосифъ Волоцкій, были упомянуты и другіе честныя игумены и старцы, которые житьемъ были богоугодны и святое писаніе твердо и разумно знали и которыхъ имена можно узнать у болгаръ старыхъ; но въ Стоглавѣ имя Іосифа упомянуто потому, что приводится его мнѣніе относительно вопроса о вдовыхъ понахъ (79 гл.), мнѣніе совершенно противоположное мнѣнію заволжскихъ старцевъ, и потому упоминать ихъ имена было совсѣмъ лишнимъ. Требованіе Іосафа и его сторонниковъ иначе нельзя объяснить, какъ желаніемъ напомнить царю, что мнѣній Іосифа Волоцкаго не всѣ держатся и что есть еще и инныя честныхъ и богоугодныхъ игуменовъ и старцевъ, которыя также слѣдуетъ принимать во вниманіе при уложеніи постановленій собора.

Іосафъ²⁾ прямо не коснулся вопроса о монастырскихъ имѣніяхъ, но вѣроятно, пользуясь вліяніемъ Сильвестра, успѣлъ настоять на томъ, чтобы этотъ вопросъ вторично былъ рассмотрѣнъ на соборѣ. 11-го мая (101 гл.) царь Иванъ Васильевичъ вмѣстѣ съ митрополитомъ и всѣмъ соборомъ постановили: разрѣшить впредь покупать духовнымъ лицамъ имѣнія только съ особаго царскаго разрѣшенія, всѣ неправильно записанныя или за долги отнятыя имѣнія возвратитъ

¹⁾ Сто л. 415 (Казанск. из.).

прежнимъ владѣльцамъ и, наконецъ, отмѣнить всѣ милостыни, назначенныя церквамъ въ малолѣтство государя.

Другой вопросъ, который обращалъ на себя вниманіе всѣхъ лучшихъ людей того времени, былъ вопросъ о духовномъ судѣ и о способѣ прекращенія всѣхъ беспорядковъ и неурядицъ, которыми онъ тогда отличался. До Стоглава судомъ завѣдывали владычніе намѣстники, бояре, дьяки и, такъ называемые, десятильники. Какъ видно, многіе вооружались противъ этихъ десятильниковъ, и соборъ не отмѣнилъ ихъ только потому, что они существовали при св. митрополитахъ Петрѣ, Алексіѣ и др., но все-таки онъ призналъ необходимымъ присутствіе на судѣ выборныхъ поповскихъ старостъ и десятскихъ, которые должны были наблюдать за поведеніемъ десятильниковъ и въ случаѣ злоупотребленій доносить владыкѣ. Они также должны были заботиться о правильной доставкѣ святительскихъ дани и пошлинъ и вообще каждый въ своемъ округѣ наблюдать за церковнымъ благочиніемъ и за исполненіемъ обязанностей духовенствомъ. Относительно суда святительскихъ бояръ Стоглавъ постановилъ, чтобы и на ихъ судѣ сидѣли старосты поповскіе, пятидесятскіе и десятскіе вмѣстѣ съ земскими судьями; судные списки должны были представляться святителямъ, которые и чинили окончательный приговоръ.

Иоаннъ въ своихъ вопросахъ обратилъ вниманіе на безправственность чернаго и бѣлаго духовенства, на полнѣйшее непониманіе ими своихъ обязанностей, на безграмотность ставленниковъ и т. п. Соборъ издалъ правила о собраніяхъ священниковъ для совѣщаній о церковныхъ дѣлахъ, поручилъ поповскимъ старостамъ и десятскимъ смотрѣть за нравственностью священниковъ, присутствовать въ ихъ совѣщаніяхъ, и руководить ими.

Какъ ни низокъ былъ уровень образованія въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, но и при тогдашнихъ самыхъ умѣренныхъ требованіяхъ бросалось въ глаза крайнее невѣжество людей, избранныхъ быть нравственными и религіозными руководителями народа. Священники необходимы были для народа, а грамотныхъ людей взять было негдѣ; малограмотные ставленники говорятъ: „мы де учимся у своихъ отцевъ или мастеровъ, а индѣ намъ учиться негдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ потому и насъ учать“; а учителя отцы и мастера, замѣчаетъ Стоглавъ, и сами мало знаютъ, потому что учатся имъ негдѣ. Прежде въ Москвѣ и въ Новгородѣ много училищъ было и потому тогда грамотѣ и писати и пѣти и чести гораздыхъ

много было, пѣвцы и четцы славны были по всей землѣ и дондесъ (25 гл.). При такомъ бѣдственномъ положеніи соборъ не выдумалъ лучшей мѣры, какъ приказать во всѣхъ градахъ выбрать добрыхъ священниковъ и діаконовъ, грамотѣ чести и писати гораздыхъ, и въ ихъ домахъ открыть училища. Въ училищахъ должны были учить псалмопѣнію, чтенію налойному и пѣнію, и канарханію по церковному чину; учителя должны были учить всему тому, что сами умѣютъ, по данному имъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе. Уча, нужно было имѣть въ виду, чтобъ ученики впредь не только сами могли заниматься, но и другихъ пользоваться и учить всему полезному. Особенное вниманіе обращаетъ Стоглавъ, чтобъ ученики воспитывались въ строгой нравственности (26 гл.).

Рѣшивъ такимъ образомъ вопросъ о первоначальномъ образованіи, отцы Стоглава совсѣмъ не коснулись вопроса о просвѣщеніи въ примѣненіи къ высшему духовенству. А какъ необходимо было оно видно изъ самого Стоглава. Лучшіе представители русской церкви не считали противозаконнымъ основываться на апокрифическихъ сказаніяхъ, подложныхъ правилахъ и невѣрныхъ выдержкахъ изъ Св. Писанія, произвольно ихъ толковать и т. п.; они же узаконили подъ страхомъ анаемы такіе обряды и обычаи, какъ двуперстное сложеніе, сугубая аллилуія, небритіе браны и усовъ и другіе имъ подобные. Напрасно стали бы мы оправдывать въ этихъ прегрѣшеніяхъ Стоглава митрополита Макарія. Онъ былъ человекъ своего времени, воспитавшійся при такихъ условіяхъ, при которыхъ возможно было появленіе цѣлаго ряда замѣчательныхъ людей, впадавшихъ въ такія же, какъ и онъ, ошибки по недостатку надлежащаго образованія. Самъ Макарій чувствовалъ свою несостоятельность въ этомъ отношеніи; въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ пишетъ: „если гдѣ написано ложное и отреченное слово, и мы того не возмогохомъ исправити и отставити, о томъ отъ Господа Бога прошу прощенія“. Какъ шатки были у него убѣжденія относительно нѣкоторыхъ узаконенныхъ имъ обычаевъ видно изъ того, что въ Четвяхъ Минейхъ онъ помѣстилъ „преніе философа Никифора Панагіота съ Азимитомъ“, въ которомъ доказывается правильность троеперстія, указъ о трегубой аллилуія и т. п.

Соборъ обратилъ однако вниманіе на неправильную переписку книгъ св. писанія. Эго можно объяснить вліяніемъ сочиненій Максима Грека, усерднымъ чтеніемъ которыхъ былъ, какъ мы видѣли, Макарій. Максимъ оставилъ множество сочиненій, въ которыхъ доказывалъ необходимость и важность исправленія книгъ. Самъ Ма-

каріѣ, усердно занимаясь собраніемъ и пересмотромъ рукописей, на практикѣ могъ познаться съ неудобствами, происходящими отъ неправильной переписки и отъ недостатка хорошихъ переписчиковъ. Стоглавъ, разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, какъ и Максимъ Грекъ, главною причиною неисправности книгъ считалъ малограмотность писцовъ и великое небреженіе о церковныхъ книгахъ со стороны служителей и пастырей церкви; вслѣдствіе этого соборъ установилъ родъ духовной цензуры, поручивъ ее поповскимъ старостамъ и десятскимъ; они должны были осматривать всѣ священныя и церковныя книги и, найдя неправильныя, съ описками, исправлять такія сборнѣ, по лучшимъ спискамъ; писцамъ же велѣно писать только съ добрыхъ переводовъ и продавать рукописи послѣ пересмотра ихъ священниками, которые приглашались имѣть въ этомъ дѣлѣ особенное тщаніе, чтобы „совершить и исправить, елика ихъ сила, за то имъ отъ Бога награда, отъ царя честь, отъ собора благословеніе и отъ всего народа благодареніе“ (гл. 27, 28).

Но самая главная заслуга Стоглава и преимущественно Макарія въ этомъ отношеніи—въ открытіи первой въ Московской Руси типографіи. Она была специально открыта для печатанія священныхъ книгъ по исправленнымъ образцамъ. Въ послѣсловіи апостола 1564 г. сказано: „повелѣ составити — дѣло печатныхъ книгъ ко очищенію и ко исправленію ненаучныхъ и неискусныхъ въ разумѣ книгописцевъ“¹⁾. Первые типографички Іоаннъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ пользовались покровительствомъ митрополита Макарія и, только благодаря ему, могли заниматься своимъ дѣломъ, несмотря на всеобщее негодованіе противъ типографіи, поддерживаемое и распространяемое ненаучными и неискусными въ разумѣ грамотѣями-переписчиками и разными суевѣрами и фанатиками.

Установивъ правила для переписчиковъ книгъ, Стоглавъ не могъ не обратить вниманія и на иконопись. Макаріѣ былъ самъ иконописецъ, и потому крайне любопытны тѣ требованія, какія онъ предъявляетъ людямъ, жалающимъ заниматься этимъ искусствомъ. Иконописцы должны быть людьми благочестивыми, кроткими, воздержными, паче же всего цѣломудренными; за поведеніемъ ихъ и жизнью должны наблюдать духовные отцы подъ надзоромъ епископовъ, которые лучшихъ по искусству и жизни представляютъ царю; всѣхъ же вообще иконописцевъ слѣдуетъ почитать паче простыхъ чловѣкъ. Затѣмъ

¹⁾ *Филаретъ*, Обз. дух. лит., стр. 141.

слѣдуютъ наставленія, какъ должны писать иконописцы, „по образу и по подобію и существу, смотря на образцы древнихъ живописцевъ, какъ Греки живописцы писали и Андрей Рублевъ, а отъ своего смысленія и по своимъ догадкамъ божества не описывать“.

Наравнѣ съ неправильными переводами и подлинниками ревнители православія не могли переносить распространенія въ обществѣ, такъ называемыхъ, отреченныхъ книгъ, подъ которыми разумѣлись не апокрифы, сплошь и рядомъ и ими самими не отличаемыя отъ каноническихъ книгъ, но книги, составлявшія почти всю тогдашнюю свѣтскую литературу. Стоглавъ постановилъ: „по всеѣмъ городамъ царю свою царскую грозу и заповѣдь учинить, чтобы христіане еретическихъ, богомерзкихъ книгъ у себя не держали и не читали, а которые учнутъ держать и честь, имъ быть отъ царя въ великой опалѣ и въ наказаніи, а отъ святителей въ отлученіи и проклятїи“.

Къ еретическимъ и богомерзкимъ книгамъ Стоглавъ относитъ: Рафли (*ράφλιον*), астрологическое сочиненіе, въ которомъ говорилось о вліяніи звѣздъ на жизнь человѣка, Шестокрыль — астрологическія таблицы Эммануила Бенъ Іакова, Аристотелевы врата (*secreta secretorum de vehimine, de sanitatis conservacione, de phisionomia*)—сборникъ свѣдѣній по астрологїи, медицинѣ и физиономикѣ, Острономїи, Зодїи (сказаніе о двюнадесяти зодїакальныхъ знакахъ), Альманахъ-календарь съ предсказаніями и примѣтами, Звѣздочетъ — предсказанія по планетамъ, Воронограй—гаданіе по голосамъ птицъ и „ивны составы и мудрости и коби (гаданія по примѣтамъ) бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ“.

Если выспшимъ, грамотнымъ слоямъ общества духъ времени, представителями котораго являлись отцы собора, запрещалъ чтеніе единственныхъ тогда книгъ свѣтскаго содержанія, то естественно было ожидать, что онъ не оставитъ безъ вниманія и народныхъ увеселеній, тѣмъ болѣе, что къ нимъ примѣшивалось тогда множество суевѣрныхъ обычаевъ и языческихъ обрядовъ. Отцы собора вооружаются противъ обычая сходиться на Троицкую субботу съ скomorохами и гуддами на кладбищахъ и проводить тамъ время въ попойкѣ, пляскѣ и пѣсняхъ. Запрещены пляски и игрища наканунѣ Иванова дня, Рождества и Крещенія, въ великій четвергъ, въ первый понедѣльникъ послѣ Петрова поста, когда ходили въ рошу и тамъ устраивали „бѣсовскія потѣхи“. Исходя изъ того исключительнаго взгляда на предметы, который принадлежитъ къ характеристическимъ при-

знакамъ современной имъ эпохи, отцы собора вмѣстѣ съ языческими увеселеніями запретили всѣ мірскія забавы, какъ напимѣръ, шахматы, зернь, гусли, сопѣли, всякое гудѣніе, позорища, переряживаніе, въюнецъ (хороводы), кормленіе и храненіе медвѣдей и другихъ животныхъ ради глумленія и т. п.

Уже изъ этого весьма неполнаго обзора дѣятельности Стоглава можно видѣть, что именно по мнѣнію Макарія и другихъ отцевъ собора могло вывести Московскую Русь XVI вѣка изъ той безурядицы и неурядиства, въ которомъ она находилась. „Въ коейжде странѣ“, говоритъ Стоглавъ, „законы и чины не приходятъ другъ ко другу, но своего обычая кійждо законъ держитъ; мы же православніи, законъ истинный отъ Бога приѣмше, разныхъ странъ беззаконіи осквернихомся, обычая злая отъ нихъ приѣмше, и сего ради казнить насъ Богъ за таковая преступленія“ (39 гл.). Нужно было отказаться отъ всѣхъ новыхъ злыхъ обычаевъ, нужно было вернуться къ той счастливой старинѣ, когда строго соблюдались древнія апостольскія правила и постановленія, когда служили по книгамъ правильнымъ, книгъ отреченныхъ не читали, и когда поэтому христіанскіе обычай и законы не шатались и не были порушены.

Чтобы водворить опять на Руси эту идеальную старину соборъ издалъ цѣлый рядъ постановленій, въ формѣ запрещеній, причемъ незаконность запрещаемого выводилась изъ Св. Писанія, правилъ св. апостоль и отецъ, разныхъ уставовъ и т. п. Такого рода доказательства были вполне въ духѣ своего времени и только они одни имѣли обязательную силу для всѣхъ. Точно также и тѣ преобразованія, которыя соборъ счелъ нужнымъ произвести въ сферѣ духовной администраціи и суда, онъ вездѣ подтверждаетъ каноническими законами.

Путь, который избралъ Стоглавъ для проведенія въ общество своихъ постановленій, отличается истиннымъ христіанскимъ характеромъ и дѣлаетъ большую честь его составителямъ. На первомъ планѣ поставлены духовныя средства, увѣщанія и убѣжденія; наказаніе большей частью ограничивается церковною эпитиміей, и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предоставляется царю, его „царской заповѣди и грозѣ“.

Изъ всѣхъ членовъ собора, какъ видно, только одинъ Макарін ревностно старался приводить въ исполненіе его постановленія. Имъ лично отправлено было въ разныя мѣста множество грамотъ и посланій съ поясненіемъ и толкованіемъ новыхъ постановленій. Изъ

такихъ грамотъ сохранились слѣдующія: 1) грамота въ Симоновъ монастырь архимандриту Алексію, въ которой Макарій вкратцѣ упоминаетъ о разныхъ постановленіяхъ собора, приглашаетъ молиться объ устроеніи земскомъ, тишинѣ и здравіи государя, и проситъ, чтобы все, что въ грамотѣ писано, „потщалися духовне и тѣлеснѣ исправити елика ваша сила“. Къ грамотѣ приложены 44, 50, 51, 52, 75, 76, 67, 68, 31 и царскихъ вопросовъ 68-я главы. 2) Грамота къ архіепископу Новгородскому Серапіону, въ которой говорится про „праздничное“, тѣмскія алтыны, о духовномъ судѣ, запрещается приводить поповъ къ полю и къ крестному цѣлованію, о ставленникахъ и т. п. 3) Грамота къ бѣлому духовенству во Владимірѣ и 4) Наказная грамота къ бѣлому духовенству въ Каргополь: въ послѣднихъ двухъ приводятся выдержки изъ Стоглава, имѣющія отношенія къ бѣлому духовенству, какъ, напримѣръ, о поповскихъ старостахъ, судѣ, ставленникахъ и т. п. Для возбужденія большей ревности у епископовъ къ исполненію постановленій собора, царь и митрополитъ въ 1554 г. говорили „о прежнемъ соборномъ уложеніи, о многоразличныхъ дѣлахъ и чинѣхъ церковныхъ, которыя дѣла исправились и которыя еще не исправились; и царь государь богомольцамъ своимъ говорилъ, чтобы Богъ далъ впередъ и прочія дѣла исправлены были“. О томъ же рассуждали и въ 1555 году ¹⁾).

Типографія, открытая Макаріемъ для распространенія исправленныхъ книгъ, пользуясь его покровительствомъ, занималась своимъ дѣломъ до его смерти, когда, лишившись своего защитника, была разрушена нафанатизированнымъ народомъ, и типографщики должны были бѣжать за границу. Послѣ смерти Макарія была нарушена и столь энергично защищаемая имъ неприкосновенность церковныхъ имѣній. Въ 1573 году запрещено было записывать вотчины за большими монастырями, а въ 1580 и всѣ монастыри лишились права получать имѣнія по завѣщаніямъ.

Въ продолженіи 150 лѣтъ послѣ Стоглаваго собора, всѣ іерархи русской церкви пользовались и руководились его постановленіями. Соборъ 1667 года наложилъ анаѣму на Стоглавъ за его извѣстныя ошибки, „зае той Макарій митрополитъ и иже съ нимъ мудрствовали невѣжествомъ своимъ безразсудно, якоже восхотѣша, сами собой, не согласяся съ греческими и древними славянскими харатейными книгами, ниже съ вселенскими святѣйшими патріархами о томъ совѣ-

¹⁾ Никон. Лѣт VI, 231.

товашся". Но эта анаѣма не помѣшала патриарху Адриану руководиться Стоглавомъ при составленіи въ 1700 году новаго уложенія ¹⁾ и хотя Стоглавъ, согласно постановленію 1667 года, считался „якоже не бысть“ въ продолженіи весьма долгаго времени и даже вслѣдствіе ложныхъ опасеній не издавался, но въ настоящее время, благодаря безпристрастнымъ его изслѣдованіямъ, онъ занялъ должное мѣсто въ исторіи Русской церкви, и всѣми признаны заслуги его составителей.

Въ одно время съ уложеніемъ Стоглава, Макарію и другимъ представителямъ русскаго духовенства пришлось бороться съ послѣдними проявленіями того религіознаго броженія, которое такъ волновало русскую церковь въ XV столѣтіи. Ересь жидовствующихъ, несмотря на страшный разгромъ, не прекратилась: тайныхъ ея сторонниковъ оставалось довольно много, особенно среди бояръ и монашествующаго духовенства. Въ разсматриваемое время главное гнѣздо ереси было среди бѣлоозерскихъ (заволжскихъ) отшельниковъ, откуда вышли почти всѣ тогдашніе главные еретики.

Нѣкоторые утверждаютъ, что ересь 1554 года явилась подъ вліяніемъ западно-европейской реформаціи. Уже Курбскій видѣлъ въ ней „лютерскую лесь“, и дѣйствительно въ этой ереси замѣшаны какіе-то иноземцы — аптекаръ Матвей Литвинъ и Андрей Хотяевъ, латынникъ. Если и допустить вліяніе западно-европейской реформаціи, то только въ томъ смыслѣ, что, благодаря ей, замѣтно стало нѣкоторое обновленіе ереси, которая однако возникла самобытно на русской почвѣ и развилась преимущественно изъ ученія жидовствующихъ.

Ересь обнаружилась слѣдующимъ образомъ: нѣкто Матвей Семеновичъ Башкинъ сталъ часто ходить къ благовѣщенскому священнику Симеону и давать ему разные „недоумѣнные“ вопросы. Симеонъ поспѣшилъ доложить объ этомъ царю, но Іоаннъ на его доносъ не обратилъ никакого вниманія. Въ Москвѣ появилось множество неодобрительныхъ толковъ о Башкинѣ, и Симеонъ принужденъ былъ обратиться съ докладомъ о немъ къ митрополиту Макарію ²⁾; тогда велѣво было схватить Башкина и начать надъ нимъ розыскъ. Сначала Башкинъ не хотѣлъ давать показаній, но потомъ усмирлся и по приказанію митрополита „своею рукою исписа и свое еретичество и

¹⁾ Макарій, Ист. Р. Ц VI, 246

²⁾ Соловьевъ, VII, 133.

свои единомышленники“. Главная его вина заключалась въ томъ, что онъ все Св. Писаніе называлъ баснословіемъ и совершенно произвольно толковалъ Апостолъ и Евангеліе. Въ числѣ своихъ единомышленниковъ, кромѣ вышеупомянутыхъ иноземцевъ, Башкинъ назвалъ Заволжскихъ старцевъ, которые „утверждали его въ его злобѣ“, и бывшаго Троицкаго игумена Артемія, любимца Сильвестра. Митрополитъ усердно принялся за это дѣло и, какъ говорить Курбскій ¹⁾, „повелѣлъ вездѣ имать еретиковъ, хотяще истязати ихъ о расколѣхъ ихъ, и гдѣ елико аще обрѣтено ихъ. вездѣ имано и провожено до мѣста главнаго Московскаго, паче же отъ пустынь Заволжскихъ“. Соборъ былъ созванъ въ 1554 году и началъ свое дѣло изслѣдованіемъ вины товарищей Башкина, которые не сознавались въ ереси. На соборѣ была прочитана книга Іосифа Волоцкаго противъ еретиковъ, „Свѣтило православія“, какъ ее называлъ митрополитъ и другіе чины собора. Но не могъ перенести такого торжества Іосифлянъ единственный епископъ, не принадлежавшій къ ихъ партіи, Кассіанъ Рязанскій. Онъ подалъ голосъ за осужденныхъ и сталъ порицать книгу Іосифа, утверждая, что въ ней находятся невѣрные свидѣтельства; но, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣлъ успѣха. Онъ скоро долженъ былъ оставить епископію, и о его смерти сложилась легенда, что будто бы онъ за свое дерзновеніе лишился руки и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ—у него повернулась назадъ голова ²⁾. Башкинъ былъ осужденъ на заточеніе въ Іосифовъ монастырь, а сообщники его, кромѣ Артемія, были отданы подъ монастырскій присмотръ, „да не сѣють злобы своея роду человѣческому“ ³⁾.

Привлеченный къ отвѣтственности по показанію Башкина, Артемій обвинялся въ томъ, что хулилъ книгу Іосифову, хвалилъ нѣмецкую вѣру, не считалъ еретиками Курицина, Рукаваго и др., и т. п. На соборѣ онъ осмѣливался защищать предъ митрополитомъ Башкина, и за всѣ свои вины былъ осужденъ на заточеніе въ Соловецкій монастырь. По этому случаю митрополитъ Макарій отправилъ въ Соловецкій монастырь грамоту ⁴⁾, въ которой сначала упоминаетъ о соборѣ противъ Артемія и Башкина, о винахъ ихъ, затѣмъ предписываетъ Артемія держать въ „молчальной келіи“, ни съ кѣмъ ему не

¹⁾ Св. кн. Курбскаго, 177.

²⁾ Костомаровъ, Ист. Мон. I, 458.

³⁾ Макарій, Ист. Р. Ц. VI, 268

⁴⁾ Актъ Эксп. I, № 239

бесѣдовать, ни посланіе писать, ниже принимать отъ кого. За нимъ долженъ надзирать пресвитерь и испытывать, когда онъ будетъ каяться, истинно ли его покаяніе. Запрещалось давать ему какія либо книги кромѣ молитвенныхъ, и игумену поручалось надзирать даже за сторожемъ и священникомъ, которые будутъ входить съ нимъ въ сношенія, дабы онъ не увлекъ ихъ своими еретическими разговорами. Дозволить причаститься ему можно было только передъ смертью.

На этомъ же соборѣ 1554 г. разсматривалось дѣло дьяка Висковатаго. Мы видѣли, какое вниманіе на иконопись обратилъ Стоглавый соборъ. Въ концѣ 1553 г. на одномъ изъ соборныхъ засѣданій царь полюбопытствовалъ узнать, какъ исполняются постановленія Стоглава, въ частности же относительно иконописи. Когда Макарій отвѣчалъ, что для надзора за иконописью назначено четыре старость-иконниковъ, поднялся дьякъ Висковатый и сталъ заявлять сомнѣніе, слѣдуетъ ли изображать на иконахъ Бога Отца и безплотныя силы. Митрополить отвѣтилъ, что рисуютъ Бога Отца по пророческимъ видѣніямъ и древнимъ подлинникамъ, и предостерегалъ Висковатаго, чтобы онъ зналъ свои дѣла и, мудрствуя противъ еретиковъ, не попалъ самъ въ еретики. Но, несмотря на это предостереженіе, черезъ нѣсколько недѣль Висковатый снова и уже письменно сталъ заявлять свои мнѣнія. Онъ писалъ, что послѣ пожара 1547 г., когда погорѣли храмы и иконы, государь послалъ за иконами въ Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ и другіе города. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ, гдѣ былъ протопопъ Сильвестръ, новгородскіе и псковскіе живописцы списывали подъ его наблюденіемъ и руководствомъ новые образа, и въ нихъ Висковатаго поразило то, что они были писаны „безъ свидѣтельства, на разные образцы, не согласно со стариной“; Сильвестра онъ обвинялъ въ единомысліи съ Артеміемъ и въ новыхъ его иконахъ видѣлъ еретическія мудрствованія. Такъ на примѣръ, изображеніе Сына Божія при сотвореніи міра въ видѣ Ангела онъ объяснялъ тѣмъ, что здѣсь проводится мнѣніе Башкина о неравенствѣ лицъ пресвятой Троицы ¹⁾.

Сильвестръ оправдывался предъ Макаріемъ и просилъ разсмотрѣть это дѣло на соборѣ. Макарій согласился и на соборѣ 1554 г. были разобраны по порядку всѣ недоумѣнія Висковатаго, и на каждое митрополить давалъ обстоятельный отвѣтъ. Главнымъ образомъ Ви-

¹⁾ Костомаровъ, Ист. Мон. I, 449; Соловьевъ, VII. 132; Филаретъ, 141; Макарій, VI, 265.

сковатаго смуцало то, что на иконахъ писали пророческія видѣнія, невидимыя и безплотныя силы, челоуѣко-образныя изображенія до бродѣтелей и пороковъ и т. п. Разрѣшая недоумѣніе, митрополитъ указывалъ внутренній смыслъ изображеній на иконахъ и древніе подлинники, съ которыхъ они списывались. Разсмотрѣвъ дѣло, соборъ сначала отлучилъ отъ церкви Висковатаго, но когда онъ покался, ограничилъ наказаніе трехлѣтней эпитиміей—„за то, что о св. иконахъ сомнѣніе имѣлъ и вопилъ, возмущалъ народъ, православныхъ христіанъ, въ соблазнъ и въ поношеніе многимъ“. Относительно же новыхъ иконъ постановлено, что такъ какъ на 7 Вселенскомъ и другихъ соборахъ новымъ иконамъ запрещенія нѣтъ, то нѣтъ основанія и теперь ихъ запрещать. Кромѣ того, Висковатому поставлено въ видъ 64-е правило Трульскаго собора: „не подобаеъ предъ людьми простымъ людямъ учительнаго слова подвигнути или учить, саяъ себѣ учительскій утворая, но внимати отъ Господа преданному чину“.

Изъ всего этого дѣла видно, что Висковатаго главнымъ образомъ обвинили за то, что онъ судилъ о предметахъ религіозныхъ, разсуждалъ тамъ, гдѣ требовалось безпрекословное повиновеніе духовенству. Естественно, что духовенству такое вмѣшательство не могло нравиться, и если Висковатый отдѣлался такъ легко, то, по всей вѣроятности, только благодаря тому, что онъ игралъ важную роль въ партіи противниковъ Сильвестра и Адашева, къ которой принадлежала и большая часть членовъ собора.

Черезъ годъ послѣ осужденія Башкина и Артемія соборъ разсматривалъ дѣло новыхъ еретиковъ—*Феодосія Косаго* и другихъ *Вѣлоозерскихъ* старцевъ. Ученіе Косаго сходно съ ученіемъ Башкина и служить какъ бы его продолженіемъ. Косой прямо отрицалъ все то, что составляетъ сущность христіанства, основывая однако свое отрицаніе, подобно своимъ предшественникамъ, на почвѣ самого же христіанства. Опровергая Новый Завѣтъ, онъ, какъ и жидовствующіе, ссыался на книги ветхозавѣтныя, преданія церковныя пытался опровергать писаніями св. отцевъ и наоборотъ. Косой возставалъ противъ высшаго духовенства, монастырей и т. п. Вообще его ученіе, насколько оно извѣстно изъ сочиненій *Зиновія Отенскаго*, было дальнѣйшимъ развитіемъ ереси жидовствующихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ ея словомъ. Соборные акты дѣла Косаго не сохранились и потому нельзя опредѣлить участіе въ немъ *Макарія*. Извѣстно

только, что еще до окончанія дѣла Θεодосій со своими товарищами бѣжалъ въ Литву.

Такъ кончилось при Макаріи это замѣчательное движеніе въ русской церкви, начавшееся въ 15-мъ столѣтіи и такъ упорно державшееся, несмотря на всевозможныя строгія преслѣдованія со стороны противниковъ. Къ чести Макарія нужно замѣтить, что несмотря на свои Іосифлянскія убѣжденія, онъ не строго придерживался рекомендуемыхъ Іосифомъ правилъ противъ еретиковъ, въ родѣ, на примѣръ, слѣдующаго: „невѣрующихъ во святую Троицу повелѣваемъ мечемъ посѣкти и богатство ихъ на расхищеніе предать; повелѣваемъ мучить ихъ казнями лютыми, наравнѣ съ ворами и разбойниками“. Напротивъ, наказанія, налагаемыя Макаріемъ на еретиковъ, можно назвать даже снисходительными, особенно если обратимъ вниманіе на время, въ которое онъ жилъ и дѣйствовалъ.

VII.

Въ 1552 году Макаріи сдѣлалъ драгоценный вкладъ въ свой митрополией Успенскій соборъ: вновь пересмотрѣнный и значительно дополненный списокъ Четій Миней. Въ то же время другой экземпляръ своего труда онъ поднесъ царю Ивану Васильевичу. Такимъ образомъ было кончено это знаменитое дѣло Макарія, котораго одного достаточно, чтобы сдѣлать его имя славнымъ въ лѣтописяхъ русской исторіи и литературы.

Минеи Четіи (μῆνυ — мѣсяць, четіи—отъ читать) представляютъ, какъ видно изъ заглавія, мѣсячныя чтенія, для православныхъ христіанъ приличныя. Это громаднѣйшій сборникъ разнаго рода сочиненій, состоящій изъ 12 книгъ, въ которыхъ заключается не менѣе 27,057 страницъ или 13,528 большихъ листовъ.

Макарьевскія великія Минеи Четви были первымъ сборникомъ такого объема и такого содержанія въ русской литературѣ. Сохранилось нѣсколько миней XV вѣка, но они всѣ имѣютъ характеръ мѣстный и отличаются весьма небольшимъ объемомъ ¹⁾. Въ сборникахъ разныхъ сочиненій, переводныхъ и оригинальныхъ, преобладающимъ элементомъ были церковно-поучительныя произведенія, слова и поученія на церковные праздники, похвальныя слова, въ честь святыхъ и только изрѣдка житія ихъ. Чаще всего въ нихъ попадаются слова

¹⁾ Н. Красовъ, Зарожд. Націон. Лит., 12.

Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Аѳанасія Александрійскаго, Прокла Константинопольскаго и другихъ, а изъ славянскихъ проповѣди Климента Величскаго и Григорія Цамблака. Такого рода сборники, какъ кажется, и послужили первообразомъ Четій Миней Макарія. Но онъ поставилъ себѣ задачу гораздо шире прежнихъ составителей сборниковъ и сообразно господствующему направлевію общества, выразившемуся въ стремленіи къ централизаціи, задался цѣлью собрать всѣ книги, какія только были въ русской землѣ. Макарій началъ свою работу въ 1529 году и, какъ онъ говоритъ, „писалъ и собиралъ эти святія книги въ одно мѣсто многимъ имѣніемъ и многими различными писарями, не щадя серебра и всякихъ почестей; особенно много трудовъ и подвиговъ подъялъ отъ исправленій иностранныхъ и древнихъ рѣченій, переводя ихъ на русскую рѣчь, и сколько намъ Богъ даровалъ уразумѣть, столько и смогъ я исправить“¹⁾.

Всѣ главнѣйшія сочиненія, вошедшія въ составъ Макарьевскихъ Четій Миней, можно раздѣлить на слѣдующія группы:

1) Книги свѣщеннаго писанія и толкованія на нихъ: 4 Евангелія, всѣ апостольскія Посланія и Дѣянія, изъ ветхозавѣтныхъ семь историческихъ, четыре учительныхъ, Псалтырь въ тройкомъ видѣ— съ толкованіями Аѳанасія, Брунона и Θεодорита и шестнадцать пророческихъ книгъ.

2) Патерики: 1) Синайскій или лимонарь—житія святыхъ синайскихъ, палестинскихъ и египетскихъ; 2) Іерусалимскій—отцевъ іерусалимскихъ; 3) азбучный, въ которомъ житія помѣщены по алфавиту; 4) Египетскій—египетскихъ черноризцевъ; 5) Скитскій—житія святыхъ отецъ горы Синайской; 6) Печерскій— житія кіево-печерскихъ святыхъ; 7) патерики св. Ефрема Сирина, Григорія Двоеслова, папы Римскаго и др.

3) Прологи или синаксари, пополненные словами на праздники, заимствованными изъ торжественниковъ.

4) Разныя сочиненія отцевъ церкви и святыхъ, русскихъ и греческихъ, какъ, напримѣръ, Златоструй— бесѣды Златоуста на книгу Бытія, Маргаритъ и Великій Златоустъ— сборники съ избранными его сочиненіями и поученіями, Катехизическія поученія (оглашенія) Кирилла Іерусалимскаго, Лѣтвица Іоанна, Книга о постничествѣ, Шестодневъ и другія сочиненія Василія Великаго, книга о небесной

1) Миней Четій—Введение

іерархіи Діонисія Ареопагита, Небеса Іоанна Дамаскина, книга его о восьми частяхъ рѣчи, книга Меодія епископа Патарскаго, Слова и сочиненія Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Григорія Антиохійскаго, Нектарія патріарха и многихъ другихъ, сочиненія Григорія Цамблака, Посланія Θεодосія Печерскаго, Слово Кирилла Туровскаго, Посланія митрополитовъ Кипріана, Фотія, Іоны, Просвѣтитель и Уставъ Іосифа Волоколамскаго и др.

5) Сочиненія, не принадлежащія святымъ, но пользовавшіяся уваженіемъ и распространіемъ на Руси: Пчела, Златая Цѣль (нравственныя наставленія о молитвѣ, милостынѣ, постѣ и разныхъ добродѣтеляхъ), книга Іосифа Флавія Евреина, Великая книга Никонская (сочиненія Никона Черногорца), сочиненія Іоанна экзарха Болгарскаго, Толкованіе о священныхъ вещахъ, Главизны Василія царя греческаго къ сыну, слова Косьмы Пресвитера, книга Косьмы Индикоплова и др.

6) Путевыя записки, напримѣръ, Странникъ игумена Даніила, притчи, небольшіе разказы, посланія и грамоты русскихъ князей, митрополитовъ, епископовъ, Кормчая книга, монашескіе уставы, акты и множество другихъ матеріаловъ.

7) Старыя и новыя редакціи русскихъ житій, составленныя большею частію спеціально для труда Макарія.

Уже изъ этого весьма неполнаго перечня сочиненій, входящихъ въ составъ Четій Минеѣ, можемъ заключить, какія усилія долженъ былъ употреблять Макарій, чтобъ собрать всю эту, можно сказать, бібліотеку. Однако задача, которую онъ себѣ поставилъ — „собрать всѣ святыя книги, какія обрѣтаются въ русской землѣ“, не была имъ вполне выполнена. Въ Четіяхъ Минеяхъ нѣтъ нѣкоторыхъ книгъ св. Писанія, многихъ сочиненій русскихъ писателей, но это объясняется тѣмъ, что, собирая книги, Макарій имѣлъ въ виду и другую цѣль — „великую душевную пользу читателей“, то-есть нравственное ихъ назиданіе и потому естественно старался прежде всего отыскать сочиненія, соотвѣтствующія этой цѣли. Вотъ почему изъ книгъ св. Писанія онъ помѣстилъ преимущественно тѣ, къ которымъ могъ найти толкованія. Наконецъ, нужно обратить вниманіе и на то обстоятельство, что дѣло Макарія не ограничивалась только однимъ собираніемъ книгъ. Онъ долженъ былъ ихъ внимательно читать, слѣдить, чтобъ гдѣ-нибудь не попалось „ложное или отреченное слово“, или самому не ошибиться „отъ неразумія своего“, отчего могъ бы быть соблазнъ для читателей. Вѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ

въ виду ясность и удобопонятность изложенія и долженъ былъ, какъ онъ самъ говоритъ въ введеніи, исправлять иностранныя (по всей вѣроятности болгарскія и сербскія) и древнія рѣченія, переводя ихъ на русскую рѣчь.

Такимъ образомъ вполне естественно, что при такомъ обширномъ трудѣ Макарій могъ упустить изъ виду многія сочиненія, кромѣ того многія могли быть ему совсѣмъ неизвѣстны. Но, не смотря и на отсутствіе нѣкоторыхъ сочиненій, трудъ Макарія имѣетъ громадное значеніе въ русской литературѣ, такъ какъ безъ него множество замѣчательныхъ русскихъ сочиненій остались бы намъ неизвѣсты, особенно же это можно сказать относительно древне-русскихъ житій святыхъ.

Но еще больше заслуга Макарія для русской литературы въ томъ, что онъ своими Четymi Минеями представилъ намъ яркую картину тогдашней русской образованности. Въ нихъ помѣщена вся сумма знаній тогдашняго образованнаго человѣка, энциклопедія всѣхъ извѣстныхъ ему наукъ. По нимъ мы можемъ судить, какъ не широкъ былъ его умственный горизонтъ, какъ велика была, вслѣдствіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ историческихъ условій, его отсталость въ образованіи. Почти накануне своего появленія въ качествѣ дѣятельнаго фактора среди европейскихъ народовъ, общество все еще не могло покончить съ своимъ средними вѣками. Все еще тяготѣло надъ нимъ церковно-византійское преданіе, выразившееся въ немъ какъ въ національной и религіозной исключительности, такъ и въ чисто-схоластической системѣ знаній. Религіозное направленіе проникало всю его умственную дѣятельность, и только одно оно имѣло мѣсто въ тогдашней наукѣ и литературѣ. Библия, творенія отцевъ церкви, преимущественно Василія Великаго и Дамаскина, книги въ родѣ сочиненія Косьмы Индикоплова, множество отдѣльныхъ статей и разказовъ о великихъ невѣроятныхъ явленіяхъ природы—вотъ и весь матеріалъ для знаній, которыя приобрѣтала образованный тогдашній человѣкъ объ окружающей его природѣ. Путевыя записки въ родѣ Странника Даніила и т. п. давали ему свѣдѣнія по географіи, а съ исторіей онъ знакомился по библейскимъ разказамъ, хронографамъ, хроникамъ и всякаго рода житіямъ святыхъ. Эти послѣднія были больше всего распространены въ массѣ и для тогдашняго общества отчасти замѣняли и нынѣшнюю беллетристику.

Изъ житій святыхъ больше всего возбуждали интересъ, какъ и слѣдовало ожидать, житія русскихъ святыхъ. На нихъ преимуще-

ственно и обратилъ вниманіе Макарій при составленіи своихъ Четій Миней. Большую часть остальныхъ входящихъ въ ихъ составъ сочиненій Макарій находилъ готовыми, и ему нужно было только заняться исправленіемъ и перепиской ихъ, но не то было съ житіями русскихъ святыхъ. Онъ долженъ былъ заботиться объ исправленіи старыхъ редакцій житій, составленіи новыхъ, и вообще дѣятельность его въ этомъ отношеніи столь важна, что дѣлѣй современный ему періодъ въ русской агіографіи можно назвать Макарьевскимъ. Для того, чтобъ лучше понять все его значеніе въ этой отрасли русской литературы, мы постараемся дать краткій историческій очеркъ ея развитія.

Съ первыхъ же временъ принятія христіанства на Руси стали распространяться переводы житій греческихъ святыхъ (прологи, патерики и т. п.); скоро они сдѣлались любимымъ чтеніемъ грамотныхъ людей и проникли даже въ простой народъ. Благодаря имъ, высокіе нравственные идеалы христіанскаго подвижничества замѣнили прежніе идеалы физической силы—богатырей; въ народномъ воображеніи составился дѣлѣй новый міръ, міръ образовъ, сдѣлавшихся вскорѣ до того излюбленными, что они вошли въ область народнаго творчества. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ естественно явилось желаніе осуществить новые идеалы, и избранные люди пошли по стопамъ греческихъ угодниковъ. Явились рускіе иноки, отшельники, пустынники, схимники, столпники, которые личнымъ примѣромъ еще болѣе вдохновляли народныя массы; служа предметомъ народнаго почитанія, они вызывали дѣлѣя сказанія о себѣ и своихъ подвигахъ, которыя передавались или устно, по преданію, или записывались грамотными поклонниками святаго. Простодушные сказатели относились съ искренней вѣрой ко всему, что только ходило въ народѣ о подвигахъ святыхъ, и безъ всякой критики записывали вымыслы народной фантазіи; ихъ сказанія отличаются крайней простотой изложенія, и если въ нихъ замѣчается вліяніе византійскихъ житій, то только въ нѣкоторыхъ пріемахъ, которые, какъ въ эпосѣ, дѣлаются постоянными въ житіяхъ, напримѣръ, при разказѣ о событіяхъ, происходившихъ со святымъ во время его дѣтства. Но скоро такого рода житія перестали удовлетворять людей, развившихъ свой вкусъ подъ вліяніемъ искусственной книжной литературы. Явилась потребность переработать эти сказанія, подвергнуть ихъ критикѣ и все несогласное съ прямой дѣлѣю—нравственнымъ назиданіемъ читателей, выбросить, прибавивъ гдѣ нужно книжныя разсужденія, и все изложить витіеватымъ язы-

комъ тогдашнихъ книжниковъ. Такого рода характеръ пріобрѣтаютъ житія въ XIV и XV вѣкахъ. Съ XV вѣка, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ наплыва новыхъ, по преимуществу юго-славянскихъ образцовъ, а также появившихся въ Россіи Сербовъ и Болгаръ—слагательный способъ составленія житій окончательно вырабатывается. Пренная простота замѣняется искусственными литературными пріемами, пренный главный и единственный источникъ, народное преданіе, замѣняется другими, личность слагателя, прежде неизвѣстная, выступаетъ на первый планъ, и само житіе иногда является только поводомъ автору выставить на видъ свое краснорѣчіе, которое заключалось большей частью въ напыщенности и растянутости, „плетеніи словесъ“, какъ удачно называли его сами слагатели. Съ этого же времени ко всякому житію, вмѣсто прежней краткой молитвы, стали присоединять похвальныя слова въ честь святаго и описанія чудесъ, совершавшихся по его кончинѣ въ разныя времена. Въ этотъ періодъ русской агіобіографіи болѣе всего составили житія Сербы Кирианъ и Пахомій Логофеть и русскій Елифаній. Благодаря имъ появилось множество житій святыхъ и угодниковъ Божіихъ, преимущественно новгородскихъ и московскихъ.

Слѣдующій періодъ русской агіобіографіи, начавшійся съ XVI столѣтія, по главному дѣйствующему въ немъ лицу, называется Макарьевскимъ. Характеристическая его черта—проявленіе и въ этой области русской литературы сознанія единства Русской земли. До временъ Макарія каждая область заботилась только о своихъ мѣстныхъ святыхъ, ихъ преимущественно почитала и имъ поклонялась, такъ что, на примѣръ, Новгородскіе святые не признавались таковыми въ Москвѣ, и наоборотъ ¹⁾. Иногда даже въ житіяхъ святыхъ попадались разныя политическія тенденціи, какъ, на примѣръ, въ житіяхъ Зосимы и Савватія, Варлаама Хутынского и другихъ ²⁾. Естественно, что при новомъ порядкѣ вещей, который возникъ въ Московскомъ царствѣ, такое

¹⁾ Въ одной древней рукописи говорится. Пековъ и Великій Новградъ блажить Варлаама и Михаила юрдиваго Христа ради, Смоленскъ блажить князя Феодора, Московское же царство блажить Петра, Алексѣя и Іону и Максима и ивѣхъ множество. Ростовъ блажить Леонтія и Игнатія, Исаію, Вассіана и Еѳрема: Вологда бо блажить преподобнаго Дмитрія и иныя тамо сущія многія. Мы Устюжане тебѣ, Прокопіе, съверная страна по Двинѣ рѣцѣ, Вага—Георгія и т. д. (*Щаповъ, Ист. оч. нар. мір. Ж. М. Н. Пр. 1861, 1*)

²⁾ *Бислаевъ, Ист. оч. р. нар. поез. и иск. II, 269.*

положеніе дѣлъ не могло продолжаться, и первый постарался уничтожить эту дисгармонію съ общимъ порядкомъ Макаріи. При составленіи Четвѣи Миней онъ, какъ мы уже говорили, преимущественно обращалъ вниманіе на отдѣлъ русской агіобіографіи, и благодаря своей энергической дѣятельности, далъ ей возможность достигнуть такого развитія, какого она ни до него, ни послѣ не имѣла.

Составляя свой сборникъ, Макаріи образовалъ около себя цѣлый кружокъ людей, которые работали для его дѣла. Однихъ онъ привлекъ къ себѣ, не щадя золота, серебра и многихъ почестей, а другіе работали, также какъ и онъ, изъ любви къ дѣлу. Такимъ образомъ составилось цѣлое литературное общество, одни члены котораго рылись въ монастырскихъ бібліотекахъ, вездѣ старались найти нужный имъ матеріалъ, другіе переписывали разныя редакціи житій, третьи уже составляли новыя житія, или перецѣльвали старыя сообразно требованіямъ времени. Такое общество—явленіе единственное въ то время въ Московской Руси. Самъ Макаріи былъ въ этомъ обществѣ не только предсѣдателемъ и редакторомъ, но и ревностнымъ сотрудникомъ. Распредѣляя работы и исправляя доставленныя редакціи, онъ и самъ, какъ говоритъ одинъ изъ его помощниковъ, Пля, любилъ „день и ночь, яко пчелы сладость отовсюду приносить, поискати святыхъ житія. Мнози отъ святыхъ забвенію предани быша, сихъ убо святитель подъ спудомъ не скрываетъ, но на свѣщницѣ добродѣтели возлагаетъ“¹⁾. Но главной его заботой, какъ мы уже говорили, было исправленіе доставленныхъ ему редакцій житій со стороны слога. Въ этомъ отношеніи онъ былъ сторонникомъ своего учителя, преподобнаго Пафнутія, который, какъ сказано въ его біографіи, не любилъ слушать тѣхъ, которые говорили не отъ писанія, то-есть, не церковно-славянскимъ языкомъ¹⁾. Всѣ житія въ Макарьевскихъ Четвѣяхъ Минейхъ писаны почти исключительно церковно-славянскимъ языкомъ, не смотря на то, что сохранилось много первичныхъ редакцій этихъ житій, писанныхъ языкомъ, довольно близко подходящимъ къ народному и разговорному. Весьма вѣроятно, что этой своей передѣлкой житія обязаны Макарію, который кромѣ того отъ себя внесъ въ простыя и безискусственныя первыя редакціи неизбѣжную тогда витѣватость изложенія. Однако, не смотря на всѣ старанія Макарія, въ житіяхъ его попадаются иногда признаки сербскаго правописанія, результатъ вліянія сербскихъ слагателей, и нѣкоторыя особенности мѣстнаго нов-

¹⁾ Некрасовъ, Зарожт. нац. лит., 37.

городскаго говора ¹⁾, что весьма естественно, такъ какъ большая часть житій собрана имъ въ Новгородѣ при помощи сотрудниковъ Новгородцевъ.

Кто же были лица, составлявшія кружокъ Макарія? Лѣтописи и житія сохранили нѣсколько ихъ именъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ знаменитый дьякъ Дмитрій Герасимовъ, прозванный Толмачемъ. Его служебная дѣятельность относится къ временамъ Іоанна III, когда онъ явился среди тѣхъ новыхъ людей, которые, не будучи знатнаго происхожденія и не пользуясь высшимъ почетомъ, были первыми дѣльцами въ государствѣ. Онъ хорошо зналъ латинскій языкъ, былъ въ разныхъ странахъ Европы и вообще принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени, о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ Герберштейнъ и Ювій, бывшіе въ тѣсныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Герасимовъ принадлежалъ къ числу ревностнѣйшихъ борцовъ противъ жидовствующихъ ²⁾ и послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Новгородѣ при Макаріѣ. „Въ старости маститѣ“, говоритъ лѣтописецъ, „раввунн своему отъ всея души послуживше, рѣченному архіепископу Макарію и ветхая понови и пополни во истинну мѣру, наткану и потрясну“. Въ 1532 г. онъ, по порученію Макарія, перевелъ съ латинскаго толковую Псалтырь Брунона, епископа Вюрцбургскаго, въ которой помѣщены были толкованія Іеронима, Августина, Григорія, Кассіодора, Беды и самого Брунона ³⁾. Въ предисловіи Дмитрій посвящаетъ свой трудъ Макарію и говоритъ о трудности перевода священныхъ книгъ „во инъ языкъ“, о древнихъ переводчикахъ Библии и т. п.

Другой сотрудникъ Макарія былъ прибывшій въ 1537 г. въ Новгородъ по государеву дѣлу, для набора ратныхъ людей, боярскій сынъ Василій Михайловичъ Тучковъ. Макаріѣ, узнавъ, что онъ „издѣтка навикъ вельми божественнаго писанія“, постарался привлечь его къ своему дѣлу и поручилъ передѣлать житіе и чудеса св. Михаила Саллоса, жившаго на Клопскѣ. Прежнее житіе, какъ говоритъ лѣтописецъ, было написано неискусно и просто, ибо тогда „человѣцы въ Новгородѣ еще быша не вельми искусни божественнаго Писанія“ ⁴⁾.

¹⁾ Напримѣръ, употребленіе *ц* вмѣсто *ч*—«величающе», *о* вмѣсто *е*, и *ам ъ*—напримѣръ, «при святившомъ митрополити, во гради, на мѣсти» и пр. (*Некрасовъ*, Зар. в. р. лит. 22, 163).

²⁾ *Филаретъ*, Ист. цер., 81.

³⁾ Полн. С. Р. Лѣт. VI, 309; *Крамзинъ*, VIII. Прим. 14—95

⁴⁾ Полн. Собр. Лѣт. VI. 301

Тучковъ передѣлалъ его и привелъ въ восхищеніе многихъ современниковъ. Его изложеніемъ восхищается и лѣтописецъ, который говоритъ: „аще кто прочтетъ, самъ узритъ, како ветхая понови и кольми чудно изложи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтописца удивляетъ и то рѣдкое тогда явленіе, что Тучковъ, „отъ многоцѣнныя царскія палаты храбрый воинъ и всегда во царскихъ домахъ живый и мягкая нося и подружіе законно имѣя и вмѣстѣ съ тѣмъ селика разумія отъ Господа сподобися“. Но въ дѣйствительности Тучковъ только разукрасилъ множествомъ риторическихъ прибавленій древнюю редакцію, даже во многихъ случаяхъ сократилъ ее, сдѣлалъ нѣсколько измѣненій и даже искаженій фактовъ. Житію Тучковъ предпослалъ витіеватое предисловіе, въ которомъ онъ представляетъ очеркъ искупленія рода человѣческаго, начиная отъ Адама; закончилъ же житіе послѣсловіемъ, гдѣ онъ выставляетъ на видъ свое знакомство съ книгой „о Тройскомъ плѣненіи“ и приводитъ имена Омира, Ахиллеса и Еркула. Новая редакція Тучкова не понравилась, какъ кажется, Макарію, потому что въ Четвяхъ Минеяхъ онъ рядомъ съ ней помѣстилъ и старую.

Однимъ изъ ближайшихъ и постоянныхъ сотрудниковъ Макарія былъ неоднократно уже упоминаемый нами іеромонахъ его домовоі церкви Ілія. Макарій поручилъ ему написать житіе Георгія, мученика Болгарскаго. Основаніемъ для составленія житія послужили разказы двухъ аѳонскихъ монаховъ, Прохора и Митрофана, зашедшихъ въ Новгородъ и гостепріимно принятыхъ Макаріемъ. Онъ ихъ разспрашивалъ, въ какомъ положеніи находятся въ Болгаріи христіане, велика ли нужда въ нихъ отъ поганыхъ Сарацынъ. Иноки разказывали всѣ бѣдствія, которыя терпятъ христіане отъ невѣрныхъ, и между прочимъ разказали о мученіяхъ св. Георгія. „Владыка восхитилъ ихъ слова точно пищу сладкую и повелѣлъ мнѣ описать подвиги мученика,“ говоритъ Ілья. Естественно, что ни Макарій, ни Ілья не могли вполнѣ полагаться на слова монаховъ, и Ілья писалъ, какъ онъ самъ говоритъ, надѣясь на молитвы великомученика Георгія и архіепискона Макарія; дѣйствительно, житіе, составленное Ільей, во многомъ несогласно съ болгарскимъ житіемъ, что можно объяснить тѣмъ, что сами аѳонскіе монахи знали о Георгіѣ только по слухамъ.

По переѣздѣ въ Москву, Макарій не оставилъ своихъ прежнихъ занятій, но продолжалъ ихъ еще съ большей энергіей. Сдѣлавшись митрополитомъ всея Россіи, онъ прежде всего постышился привести въ исполненіе свою завѣтную мысль—сдѣлать общую канонизацію

всѣхъ русскихъ мѣстныхъ святыхъ. Въ своей окружной грамотѣ ¹⁾, писанной по этому поводу, онъ говоритъ, что многіе святые почитаются только въ мѣстностяхъ, гдѣ подвизались и покоятся по смерти, а всей остальной Россіи остаются неизвѣстными: „Господь прославилъ ихъ многими различными чудесы и знаменами и не бѣ имъ доднесь соборнаго пѣнія.“ Онъ обратился къ Іоанну и успѣлъ вызвать въ немъ сильное сочувствіе къ своему дѣду. По повелѣнію царя, въ 1547 году былъ созванъ соборъ, на которомъ двѣнадцать святыхъ опредѣлено было объявить всероссійскими, а девяти установить только мѣстное почитаніе. Вліяніе Макарія на соборъ выразилось въ томъ, что почти $\frac{2}{3}$ изъ двѣнадцати общихъ святыхъ внесены по его собственному желанію: пять святыхъ новгородскихъ, Пафнугій Боровскій, Александръ Невскій и митрополитъ Іона. Для того, чтобы внести въ списокъ требовались необходимыя для канонизаціи біографическія данныя, а такъ какъ въ то время они имѣлись не о всѣхъ святыхъ, то дѣло собора 1547 года нельзя было считать конченнымъ съ его прекращеніемъ. Вотъ почему Іоаннъ, безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ Макарія, въ концѣ собора обратился ко всѣмъ присутствующимъ съ просьбою собирать свѣдѣнія о новыхъ чудотворцахъ и представить ихъ на слѣдующій соборъ, который и состоялся въ 1549 году. На немъ было утверждено почитаніе новыхъ двадцати трехъ святыхъ, въ томъ числѣ шести новгородскихъ, двухъ сербскихъ и трехъ литовскихъ.

Житія многихъ изъ вновь канонизованныхъ святыхъ не были еще составлены, а нѣкоторыя надо было передѣлать, слѣдствіемъ чего явилась новая усиленная дѣятельность Макарія. Еще раньше этихъ соборовъ онъ поручилъ Саввѣ, епископу Крутицкому, постриженнику Іосифа Волоцкаго, написать его житіе, которое и помѣстилъ въ Четьяхъ Минейхъ, несмотря на то, что Іосифъ тогда еще не былъ признанъ святымъ. Тогда же онъ поручилъ другому постриженнику Іосифа, старцу Фотію, составить службу Іосифу и благословилъ его въ кельи „по ней молитвовати и до празднованія соборнаго уложенія“. Еще въ 1540 г., по порученію митрополита, инокъ Макарій написалъ житіе преп. Макарія Калязинскаго, который былъ канонизованъ въ 1547 г.; точно также раньше канонизаціи въ 1545 г. Макарій поручилъ игумену ̑Иродіону Свирскому составить житіе преподобнаго

¹⁾ Акт. Эксп. 1, 113.

Александра Свирскаго, скончавшагося только за двадцать лѣтъ передъ этимъ, въ 1533 году.

Въ 1547 году, послѣ перваго собора, по порученію Макарія, были написаны житія Александра Невскаго и митрополита Іоны. Первое житіе написалъ Михаилъ, инокъ Владимірскаго монастыря, въ которомъ хранились мощи Александра Невскаго; онъ былъ на соборѣ 1547 года и тутъ, по всей вѣроятности, получилъ отъ Макарія порученіе составить это житіе. Произведеніе Михаила не что иное, какъ панегирикъ въ формѣ похвальнаго слова; такой же характеръ имѣютъ и вновь составленныя, по порученію Макарія, житія Іоны Московскаго, Никона и Павла Обнорскаго. Въ 50-хъ годахъ инокъ Іосафъ, по порученію Макарія, составилъ житіе Степана Махрицкаго, инокъ Маркеллъ Безбородый — житіе Саввы Сторожевскаго, „Макарію умолену бывшы отцы обители оныя (Фросевской) и добре о семъ подвигнуся и мене убогаго понудившу списати“. Около того же времени были составлены два послѣднія житія, внесенныя Макаріемъ въ его Четыи Миней: житіе преп. Евфросина и житіе князя Всеволода Псковскаго, составленныя извѣстнымъ пресвитеромъ Василиемъ, ревностнымъ защитникомъ сугубой аллилуйи. Съ этого времени Макарій хотя и кончилъ составленіе Четій Миней, но все-таки съ неменьшею ревностью продолжалъ заботиться о дальнѣйшемъ развитіи литературы житій. Тотъ же Василій составилъ, по его порученію, житія Саввы Крыпецкаго, Никиты, Нифонта епископа Новгородскаго, и Исидора Юрьевскаго. Въ 1553 г., по порученію Макарія, составлено житіе Даниіла Переяславскаго, а въ 1560 г. онъ повелѣлъ игумену Варлааму Махрицкому и епископу Іосафу Вологодскому навести справки на мѣстѣ въ Авженскомъ монастырѣ о чудесахъ преподобныхъ Григорія и Кассіана Авженскихъ (Авнежскихъ). Когда порученіе ими было исполнено, Макарій постановилъ на соборѣ праздновать обимъ новымъ чудотворцамъ.

Литературное движеніе, вызванное Макаріемъ, результатомъ котораго было появленіе при немъ шестидесяти новыхъ житій, продолжалось долгое время и послѣ его смерти. Можно сказать даже, что житія святыхъ и похвальныя имъ слова стали почти исключительнымъ родомъ сочиненій въ русской литературѣ конца шестнадцатаго и начала семнадцатаго столѣтій. Не остался безъ подражанія и примѣръ Макарія, какъ составителя Четій Миней. Въ 1646—1654 гг. составлены Миней Четіи священникомъ Милютинымъ, а въ 1684 — 1689 г. св. Димитріемъ Ростовскимъ.

Дѣятельность Макарія на пользу русской агіобіографіи не осталась безслѣдною для его современниковъ. Сохранилась рукопись, въ которой описаны послѣдніе дни жизни Макарія ¹⁾ — обыкновенный тогдашній пріемъ заготовленія матеріаловъ для будущаго составителя полнаго житія. Если житіе и не было составлено, и Макарій не былъ канонизованъ, то только благодаря послѣдующимъ смутнымъ событіямъ, отвлекшимъ вниманіе общества отъ его прежнихъ мирныхъ дѣятелей.

Въ послѣдніе годы своей жизни Макарій преимущественно занимался Степенной Книгой. Степенная Книга — это лѣтописный сборникъ, составленный на основаніи древнихъ лѣтописей, но съ тѣмъ отличіемъ отъ нихъ, что связь между описываемыми въ ней событіями не хронологическая, а генеалогическая по степенямъ, или по княженіямъ. Мѣсто прежнихъ обозначеній лѣтъ здѣсь занимаютъ названія князей, причемъ видно желаніе провести черезъ весь сборникъ новую идею о престолонаслѣдованіи: за княженіемъ отца идетъ повѣствованіе о княженіи сына, затѣмъ внука, правнука и т. д. Всѣхъ степеней считается семнадцать, и разказъ доведенъ до Іоанна Грознаго. Первымъ составителемъ Степенной Книги, согласно мнѣнію Татищева, считается митрополитъ Кипріанъ, но, какъ говоритъ въ сокропосвященный Макарій ²⁾, только за догадку можно принять мысль, что Кипріанъ составилъ Степенную Книгу въ ея кратчайшемъ видѣ, или положилъ ей начало; тѣмъ же видомъ и составомъ, въ какомъ она сохранилась, она главнымъ образомъ обязана митрополиту Макарію.

Участіе Макарія въ составленіи Степенной Книги было такого же рода, какъ и въ составленіи Четвй Миней. Онъ поручалъ составлять статьи для нея разнымъ способнымъ къ тому людямъ, руководилъ ихъ работою и, по всей вѣроятности, придавалъ ей окончательный видъ. Почти въ каждой изъ такихъ статей говорится, что она составлена „благословеніемъ и повелѣніемъ митрополита Макарія всея Русіи“.

Отличительный характеръ Степенной Книги тотъ, что всѣ церковныя и гражданскія историческія событія изложены въ ней съ религіозной точки зрѣнія, вслѣдствіе чего повѣствованія о князьяхъ и по содержанію и по формѣ очень похожи на житія святыхъ, помещенныя въ Четвяхъ Минейхъ. Но нельзя однако сказать, что Ма-

¹⁾ Ключевскіи, Древн. ж. св., 223.

²⁾ Ист. Р. Цер. V 192

карій не чувствовалъ никакого различія между житіями Четій Миней и Степенной Книжки; напрімѣръ, изъ того уже обстоятельства, что для Степенной Книжки онъ счелъ нужнымъ составить новыя редакціи житій, уже помѣщенныхъ въ Четіяхъ Минейхъ, видно, что онъ хоть и слабо, но все-таки сознавалъ эту разницу. Такъ, если сравнимъ житія Александра Невскаго, помѣщенные въ Четіяхъ Минейхъ и въ Степенной Книгѣ, то замѣтимъ, что въ послѣдней нѣтъ столько вѣтвистостей, нѣтъ риторическаго похвальнаго слова, нѣтъ подробнаго перечня чудесъ. вообще преобладаетъ біографическій разказъ, и дѣятельность великаго князя изображается въ связи съ другими историческими явленіями его времени. Это замѣчаетъ самъ составитель, который относительно чудесъ говоритъ: „сія же различная чудеса довольно писана быша въ торжественнѣмъ словеси его, въ сей же повѣсти сокращено прочихъ ради дѣланій“. Такимъ же характеромъ отличаются помѣщенные въ Степенной Книжки житія св. Владиміра, Ольги, Бориса и Глѣба, митрополита Іоны, Алексія и другихъ.

Между ними самое значительное по размѣру житіе св. Владиміра. Кромѣ того оно отличается отъ прочихъ житій многословіемъ и растянутостью, состоитъ изъ 72-хъ большихъ главъ, въ которыхъ повѣствуется не только о Владимірѣ, но и о началѣ Руси и первыхъ русскихъ князьяхъ. Здѣсь въ первый разъ родъ Рюрика выводится изъ Пруссіи и родоначальникъ его именуется братомъ Августа—сказаніе, возникшее въ видѣ подтвержденія идеи, что Москва есть третій Римъ, и Московскій великій князь преемникъ Византійскихъ и Римскихъ императоровъ. Послѣ житія Владиміра слѣдуетъ, какъ бы его продолженіе, житіе Бориса и Глѣба, составленное по Іакову и Нестору. Изъ другихъ житій замѣчательно житіе князя Всеволода Псковскаго, при составленіи котораго авторъ пользовался полною редакціей, помѣщенной въ Четіяхъ Минейхъ; онъ, какъ и авторъ житія Александра Невскаго, изъ многочисленныхъ чудесъ Всеволода упоминаетъ только объ одномъ, а о прочихъ говоритъ, что „въ иной книжѣ, въ житіи его, обрящеша“.

Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ житій, въ Степенную Книжку при Макаріѣ внесено было еще житіе Даніила Переяславскаго; объ остальныхъ же житіяхъ, помѣщенныхъ въ Степенной Книгѣ, можно предполагать, что они внесены туда или до Макарія, или послѣ него.

Какъ въ составленіи Четій Миней, такъ въ Степенной Книгѣ Макаріѣ являлся только главнымъ руководителемъ, но отъ него осталось, какъ мы видѣли, и много собственныхъ сочиненій. Хотя они и

по качеству, и по количеству уступаютъ произведеніямъ современныхъ Макарію писателей—Максима Грека, кн. Курбскаго, Іоанна IV, Зиновія Отенскаго, но все-таки не лишены литературнаго значенія.

Предлагаемъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ сохранившихся сочиненій Макарія.

1526 г. Посланіе къ великому князю Василю объ учрежденіи общежитія (Доп. Ист. Ак. 1—22).

1528 г. Уставная грамота Духовскому монастырю (Ак. Ист. 1—339).

1534 г. Грамота въ Волскую Пятину (Доп. Ист. Ак. 1—27).

1539 г. Повольная грамота митр. Іосафу на всякое великое дѣло (Ак. Эк. 1 — 134).

1542 г. Уставная грамота о пошлинахъ съ сельскихъ церквей Николаевского Пѣсношскаго монастыря (Ак. Эк. № 197).

1547 г. Слово по поводу бракосочетанія великаго князя (Доп. Ист. Ак. № 40).

1547 г. Окружная грамота въ Вологду и Бѣлоозеро объ установленіи празднованія новымъ русскимъ святымъ (Ак. Эк. № 213).

1547 г. Окружное посланіе о милостинѣ Святгорскимъ старцамъ (Ист. Ак. 345).

1550 г. Рѣчь во Владимірѣ къ воеводамъ (Ник. лѣт. VII—67).

1550 г. Отвѣтъ отъ божественнаго писанія царю Ивану Васильевичу (Лѣт. Тих. V — III — 126).

1551 г. Слово по случаю заложенія Свяжска (Ник. лѣт. VII — 73).

1551 г. Грамота о постановленіяхъ Стоглава во Владимірѣ къ бѣлому духовенству.

1551 г. Грамота Суздальскому Дмитріеву монастырю на владѣніе деревней Мжарами и на подсудность крестьянъ игумену (Вост. Ок. Рум. М. 79).

1551 г. Уставная грамота о постановленіяхъ Стоглаваго собора (Времен. Моск. Ист. Общ. XIV).

1552 г. Посланіе въ Свяжскъ къ войску (Ак. Ист. 287).

1552 г. Посланіе къ царю Ивану Васильевичу объ укрѣпленіи на брань (Ак. Ист. 290).

1552 г. Посланіе къ царю Ивану Васильевичу въ Казань (Полн. С. Р. Л. VI — 208).

1553 г. Слово при встрѣчѣ Великаго Князя въ Москвѣ (Ник. Л. V—193).

1553 г. Посланіе въ Соловецкій монастырь о заточеніи Троицкаго игумена Артемія (А. Эксп. № 239).

1554 г. Грамота въ Симоновъ монастырь о постановленіяхъ Стоглава Стогл. Казанск. изд. 258).

1554 г. Грамота Новгородскому арх. Серапіону (Стогл. Каз. изд. 420).

1557 г. Грамота въ Новгородъ объ отправленіи молебствія по случаю года (Д. А. И. 366)

1558 г. Грамота въ Каргополь къ бѣлому духовенству о постановленіяхъ Стоглава (Прав. Соб. 1863 — 1).

1558 г. Посланіе къ архіеп. Новгородскому Пшмену о священноинокъ Юрьева монастыря Аврааміи, служившемъ литургію безъ эпитрахили (Авраамія отлучить на годъ, а архимандрита который не донесъ о его проступкѣ архіепископу, простить); о священникѣ, не кончившемъ литургіи по причинѣ припадка (если выздоровѣлъ, пишетъ Макарій, пусть служитъ по прежнему — животомъ и смертью владѣеть Богъ, если же нѣтъ, назначить другаго на его мѣсто). (Акт. Эксп. 1 — № 253).

1563 г. Духовная грамота (А. II. 1—328).

Кромѣ того Макарію приписываютъ Кормчую книгу — собраніе всѣхъ каноническихъ статей, въ томъ числѣ и такихъ, которыя только казались каноническими, Великую книгу правила келейнаго и путнаго, Дѣянія Собора противъ Башкина и Поученіе о молитвѣ ¹⁾, но предпослѣднее сочиненіе есть только соборное дѣло, скрѣпленное рукою митрополита; а послѣднее — выписки изъ Стоглава.

Большую часть сочиненій Макарія мы подробно излагали въ соответственныхъ мѣстахъ при обзорѣни политической и церковной его дѣятельности; теперь же займемся ихъ литературной оцѣнкой.

Если отбросить всѣ грамоты и посланія, въ которыхъ заключаются церковно-административныя распоряженія, то собственно литературныхъ произведеній Макарія останется: одно поученіе, три рѣчи, четыре посланія и одна грамота.

Одно сохранившееся церковное поученіе Макарія не даетъ однако права утверждать, что онъ по примѣру большинства своихъ современниковъ не любилъ заниматься этою отраслью духовной литературы. Напротивъ, лѣтописцы единогласно утверждаютъ, что Макарій постоянно говорилъ къ народу „многими повѣстми“, и что изъ устъ его лились рѣчи медоточнаго ученія. Въ лѣтописи упоминается, на примѣръ, что при рукоположеніи Θεодосія въ игумены онъ произнесъ поученіе о томъ еже достойтъ игуменамъ—пребывати въ постѣ и въ молитвахъ и во бдѣніяхъ и во всякихъ добродѣтеляхъ и поученіе имѣти о своемъ спасенномъ стадѣ, елико Богъ дастъ ²⁾. Сохранившееся вполне поученіе Макарія сказано имъ при бракосочетаніи царя. Въ немъ прежде всего насъ поражаетъ естественный стройный порядокъ изложенія; поученіе раздѣляется на три строго опредѣленныя части: въ первой ораторъ говоритъ объ обязанностяхъ обще-христіанскихъ, во второй—царскихъ, въ третьей собственно семейныхъ. Затѣмъ слѣдуетъ заключеніе, въ которомъ Макарій въ духѣ

¹⁾ Филаретъ. Обз. р. д. лѣт. 132.

²⁾ Соф. Врем. 372.

своего времени общаетъ новобрачной четѣ за соблюденіе всѣхъ этихъ обязанностей всякаго рода благополучіе, небесное и земное. Кромѣ плана это поученіе отличается простотою слога и удобопонятностью изложенія: ораторъ, какъ видно, преимущественно обращалъ вниманіе на духъ и мысль своего сочиненія, а не на форму, благодаря чему у него не замѣтно никакой условной торжественности которою такъ страдаютъ другіе современные ему писатели. Вообще простой и естественный способъ выраженія выгодно отличаетъ Макарія отъ другихъ современныхъ ему ораторовъ, у которыхъ часто можно встрѣтить одинъ только наборъ словъ и трескучихъ фразъ безъ всякаго смысла. Неудивительно, что, по свидѣтельству лѣтописца, всѣ слушатели Макарія удивлялись его способности говорить всѣмъ удобопонятно.

Такимъ же характеромъ отличаются и рѣчи Макарія—сказанныя во Владимірѣ воеводамъ, въ Москвѣ по случаю заложенія Свѣжска и при встрѣчѣ великаго князя. Простота и безыскусственность ихъ до того поразительны, что заставляютъ предполагать отсутствіе предварительной ихъ подготовки. Особенно это можно сказать относительно рѣчи, произнесенной по случаю заложенія Свѣжска, которая собственно, какъ мы видѣли, состоитъ только изъ двухъ мыслей. Рѣчь, произнесенная во Владимірѣ— о вредѣ мѣстничества, хотя по размѣру и больше, но все таки не уступаетъ первой въ безыскусственности. Наконецъ, третья рѣчь, сказанная Макаріемъ при встрѣчѣ государя послѣ взятія Казани, проникнута вся глубокимъ патриотическимъ чувствомъ, сознаниемъ всей важности для Россіи только что оконченнаго дѣла. Здѣсь уже являются довольно длинныя періоды. искусственныя сравненія Іоанна съ Константиномъ, Владиміромъ, Дмитріемъ Донскимъ и Александромъ Невскимъ, при чемъ ораторъ подвиги его ставитъ выше ихъ дѣлъ; рѣчь свою Макарій закончилъ эффектнымъ приемомъ, вполне соответствовавшимъ торжественности обстановки и произведшимъ на слушателей весьма сильное впечатлѣніе. На поклонъ царя онъ отвѣтилъ поклономъ до земли, при чемъ произнесъ слѣдующія слова; „чѣмъ возможемъ мы возблагодарить Бога за оказанныя имъ тебѣ великія милости, какъ не словами: велій еси Господи, и чудна дѣла твоя, ни едино же слово довольно къ похваленію чудесъ твоихъ! А тебя царь, какъ мы отблагодаримъ и какія принесемъ похвалы? Ты избавилъ насъ отъ нашествія варваровъ, разорилъ ихъ жилища, освободилъ отъ рабства нашихъ плѣнныхъ братьевъ; вмѣстѣ съ ними мы восклицаемъ еъ тебѣ; радуйся и весе-

лись, благочестивый царь! Здравствуй, государь, со своею царицей и сыномъ, со всѣми боярами и воинствомъ въ царственномъ градѣ Москвѣ, на всѣхъ твоихъ царствахъ и на богодарованномъ Казанскомъ царствѣ въ сей годъ и послѣдующій, въ родъ и родъ, на многая лѣта! И тебѣ, царю, за всѣ твои труды со всѣмъ священнымъ соборомъ и со всѣми православными христіанами челомъ бую“. Нужно замѣтить, что рѣчь эта не могла быть приготовлена раньше, потому что она служила отвѣтомъ на слова Іоанна; вообще эта рѣчь показываетъ въ Макаріѣ человѣка вполне владѣющаго даромъ слова и умѣющаго пользоваться обстоятельствами для того, чтобы усилить впечатлѣніе своихъ словъ.

Совершенно иной характеръ носятъ посланія Макарія: въ нихъ онъ вполне подчинялся вліянію своего времени, и потому всѣ недостатки современныхъ сочиненій такого рода имѣютъ въ нихъ мѣсто.

Посланія были тогда преобладающей формой литературы: съ ними обращались къ разнымъ лицамъ или сословіямъ, когда желали исправить чьи либо недостатки, или изобличить заблужденія. Чаще всего писались посланія къ князьямъ; въ нихъ давались разнаго рода совѣты по поводу важныхъ событій, одобрялись, или порицались княжескія дѣйствія, или испрашивалось дозволеніе на какія нибудь нововведенія. Такое содержаніе имѣютъ и всѣ посланія Макарія, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія посланія его къ Іоанну—два по поводу Казанскихъ событій, а одно по поводу вопроса о церковныхъ имѣніяхъ и посланіе въ Свіяжскъ ко всему войску и народу.

Изъ нихъ ниже всѣхъ другихъ по изложенію и содержанію посланіе къ царю въ Муромъ: оно отличается искусственностью, витиеватостью, многорѣчіемъ, одна и та же мысль нѣсколько разъ повторяется только въ разной формѣ. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, и въ немъ попадаются хорошія мѣста, къ которымъ нельзя не причислить всѣ смѣлыя обращенія Макарія къ царю, приглашающія его удерживаться отъ грѣховъ. Въ этомъ посланіи, какъ и въ прочихъ, мы замѣчаемъ множество историческихъ примѣровъ, взятыхъ изъ отечественной исторіи. Изъ другихъ писателей такое обиліе примѣровъ встрѣчается только у знаменитаго Вассіана Ростовскаго, особенно въ посланіи его къ Іоанну III, въ которомъ онъ примѣрами Игоря, Владиміра, Мономаха, Донскаго и др. побуждаетъ великаго князя сражаться съ Татарами. Вообще посланія Макарія и въ другихъ отношеніяхъ напоминаютъ посланія Вассіана и весьма вѣроятно предположить, что

Вассіанъ былъ любимый ученикъ Пафнугія Боровскаго, изъ монастыря котораго вышелъ Макарій.

Второе посланіе къ Іоанну по случаю взятія Казани короче перваго и почти все состоитъ изъ постоянныхъ напоминаній мужаться и твердо продолжать начатое дѣло. Въ этомъ посланіи, какъ и въ первомъ, довольно часто попадаются повторенія и мѣстами замѣчается растянутасть, но въ цѣломъ оно стройнѣе перваго и отличается глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, которое возвышаетъ автора до истиннаго краснорѣчія, особенно въ концѣ посланія.

Отвѣтъ Макарія царю о недвижимыхъ вещехъ, вланныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, мы уже подробно разбирали; здѣсь остается только замѣтить, что содержаніе въ немъ не всегда соотвѣтствуетъ формѣ и цѣлямъ большія фразы повторяются по два и по три раза.

Обширнѣе всѣхъ другихъ посланій Макарія, грамота его въ Свіяжскъ къ войску и народу, въ которой онъ увѣщаетъ ихъ исправить свое поведеніе и, подобно всѣмъ другимъ древне-рускимъ книжникамъ, въ постигшихъ ихъ болѣзняхъ видитъ наказаніе за ихъ грѣхи. Несмотря на свой объемъ, посланіе отличается послѣдовательностью хода мыслей, сравнительной простотой выраженій и силой, которою проникнуты всѣ обличенія и угрозы святителя.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Духовной Макарія, которая писана имъ за три мѣсяца до смерти, въ сентябрѣ 1563 года. Эта „духовная грамота“ составлена по образцу грамотъ его предшественниковъ и болѣе всего сходна съ грамотой митр. Кипріяна ¹⁾. Въ ней Макарій упоминаетъ сначала о своей старости и различныхъ болѣзняхъ, побудившихъ его написать это завѣщаніе; затѣмъ говоритъ объ исповѣданіи вѣры, которое написалъ, когда рукополагался во святители, замѣчаетъ, что былъ поставленъ въ митролиты противъ своей воли, неоднократно по причинѣ многихъ скорбей хотѣлъ отказаться отъ архіерейства, но былъ удерживаемъ великимъ княземъ, святителями и соборомъ. Въ концѣ грамоты онъ обращается ко всему духовенству, великому князю, боярамъ, дѣтямъ боярскимъ, дьякамъ и всѣмъ православнымъ, христіанамъ съ ихъ женами и дѣтьми, проситъ у нихъ и самъ имъ преподаетъ благословеніе и прощеніе.

¹⁾ Макарій, V, 190.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библиистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**